

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Блинковский Константин Александрович

**Взаимосвязь обязательств и их оснований на примере
обязательств по передаче вещей**

12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право;
международное частное право

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
кандидат юридических наук,
доцент
С.В. Третьяков

Москва – 2021

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ.....	2
Введение	3
Глава 1. Юридический факт как основа современного гражданско-правового регулирования обязательств.....	17
§1. Регулирование обязательств: от юридических фактов к правоотношению... 17	
§2. Развитие системы обязательств в кодификациях российского гражданского права.....	37
§3. Влияние приоритета юридических фактов на систематизацию норм обязательственного права и регулирование гражданского оборота	47
§4. Возможные пути развития обязательственного права	55
Глава 2. Система обязательств, основанная на их объектах, и обязательство по передаче вещей как элемент данной системы.....	65
§1. Классификация обязательств в теории гражданского права	65
§2. Объект обязательств как основа их систематизации.....	74
§3. Понятие обязательства по передаче вещей.....	80
§4. Объект обязательства по передаче вещей.....	114
§5. Влияние определенности объекта обязательства по передаче вещей на его содержание	129
Заключение.....	145
Библиография.....	150
1. Список нормативных актов	150
2. Перечень использованных материалов судебной практики	151
3. Список литературы.....	152

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования. Современное учение об обязательствах в гражданском праве России сосредоточено в основном на юридических фактах, из которых данные правоотношения возникают, и в первую очередь на договорах. Можно сказать, что обязательства как с практической точки зрения, так и с теоретических позиций рассматриваются в основном как последствия определенных юридических фактов (сделок, правонарушений, неосновательного обогащения и т.д.). Данные правоотношения поэтому редко анализируются изолированно как особая относительная правовая связь со своими специфическими юридически значимыми характеристиками. Наоборот, и теория гражданского права, и законодательство подталкивают к тому, чтобы в центре внимания находилась сложная совокупность правоотношений, возникающих из тех или иных юридических фактов¹.

Подобное вынесение на первый план оснований возникновения обязательств в ущерб самим обязательствам стало причиной ряда проблем, наблюдаемых в российском гражданском праве. Как будет показано в работе, в этом отношении российский правовой порядок не одинок.

С одной стороны, фокус на конгломерате правоотношений приводит к тому, что он воспринимается жестко и излишне цельно, как нечто изначально данное и слабо подверженное трансформации со стороны участников оборота. В результате ограничению подвергается важнейший принцип частного права – принцип свободы договора: хорошо известно настороженное отношение российских судов к соглашениям, не соответствующим полностью тому или иному договорному типу, описанному в законе². С другой стороны, теория обязательств, несмотря на ряд важных и интересных исследований, опубликованных в последние годы, застыла на уровне «чистого» обязательства, обязательства как такового, которое можно представить как простейшую совокупность права требования и

¹ В частности, это подтверждается механизмом применения норм обязательственного права при регулировании отношений, возникших на основании договоров – от частного (отдельных договоров) к общему, то есть к положениям общей части кодекса. См.: Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. М., 2017. С. 33 (автор главы – Б.М. Гонгало).

² Подробнее эта проблема российской правоприменительной практики будет описана ниже, в основном тексте работы.

обязанности, возникшую в связи с неким объектом³. По сути, цивилистическая теория не предложила к настоящему моменту продуманной и развитой системы обязательств, которая бы показала, какие именно обязательства встречаются в обороте и в чем заключается их специфика. Встречающиеся в литературе классификации практически всегда копируют подход законодателя, закрепленный в особенной части обязательственного права Гражданского кодекса Российской Федерации⁴ (далее – ГК РФ), – описание последствий правомерных и неправомерных юридических фактов. Подавляющее большинство из них, таким образом, – это не столько системы обязательств (то есть простейших юридических связей – совокупностей одного права требования и корреспондирующей ему обязанности), сколько различные классификации совокупностей правоотношений, возникающих из сделок, деликтов и иных оснований (то есть более или менее сложных договорных, деликтных и прочих отношений)⁵.

Подчеркнем: в данном исследовании не отрицается удобство изложения нормативного материала обязательственного права через типовые договоры и иные юридические факты. Наоборот, в некоторых разделах гражданского права, где особенно насущна защита слабой стороны договора (главным образом, в области сделок с потребителями), типовые договоры служат важными маяками, на которые ориентируются участники гражданского оборота. «Образцовые» договоры, описанные в разделе IV ГК РФ, удобны и для профессиональных предпринимателей – они относительно предсказуемы, легко заключаемы в ходе обычной хозяйственной деятельности. Эти удобства в первую очередь связаны с обилием диспозитивных норм, которые привязаны к типовым соглашениям и которые призваны восполнять умолчание сторон договора.

В то же время в диссертации предпринята попытка подчеркнуть важность изолированного изучения отдельных видов обязательств – изучения в русле общего методологического подхода к частному праву, обозначенному в работе

³ Именно это представление об обязательстве является исходным для данной работы.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ, 29.01.1996, № 5, ст. 410; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // СЗ РФ, 03.12.2001, № 49, ст. 4552; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ, 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496.

⁵ Примеры различных классификаций обязательств будут даны далее, в основном тексте работы.

«аналитическим». Внимание к ним позволит не только обогатить теорию гражданского права, что само по себе ценно, но также более рационально и эффективно использовать частноправовые инструменты и продуманно реформировать законодательство: в первую очередь, последовательно проводить генерализацию норм, которая была обозначена в качестве одной из основных целей реформы гражданского права России в Концепции развития гражданского законодательства РФ⁶ (п. 7 разд. I).

Познавательный и практический потенциал исследования типов обязательств демонстрируется через анализ влияния свойств объекта обязательства на само обязательство на примере одной разновидности относительных правоотношений – обязательства по передаче вещей, причем вещей движимых. Недвижимость в силу ее специфики оставлена за рамками данного исследования. Наибольший потенциал для развития учения об обязательстве содержится именно во взаимодействии объекта соответствующего правоотношения и содержания права кредитора и обязанности должника. Коль скоро объект выполняет важнейшую роль выражения интереса активной стороны обязательства, его свойства не могут не влиять на все правоотношение в целом, а, следовательно, и на применимые к нему нормы права.

Актуальность анализа влияния юридического факта на содержание обязательства, а также рассмотрение объекта обязательства, как фактора объективно, то есть независимо от воли субъектов правоотношения, воздействующего на юридическую связь между кредитором и должником, обусловлена не только развитием теории обязательств и построением их системы. Решение данной задачи применительно к каждому виду обязательства и, в частности, к обязательству по передаче вещей позволит найти метод определения набора правил, применимых только к данному относительному правоотношению. Что особенно важно, здесь должна появиться возможность обобщить нормы права, применимые к однотипным общественным отношениям. Политико-правовой

⁶ Одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009. Опубликована: Вестник ВАС РФ. 2009. № 11. С. 6-99.

потенциал исследований отдельных разновидностей обязательств особенно актуален ввиду идущей сейчас реформы гражданского права России.

Сказанное показывает как теоретическую, так и практическую значимость выбранной темы диссертационного исследования.

Степень научной разработанности темы. Работы, целиком посвященные исследованию той или иной разновидности обязательств, в российской теории гражданского права практически не встречаются. Отчасти исключением является лишь денежное обязательство, становившееся объектом ряда исследований⁷. Изучение других отдельных видов относительных правоотношений, несмотря на некоторые исключения⁸, в настоящее время не пользуется популярностью у теоретиков гражданского права. Подчеркнем: речь идет не о совокупностях обязательств, которые оформляют отношения в разных сферах экономики (соответствующие исследования встречаются достаточно часто⁹), а о простейших относительных правоотношениях, которые могут встретиться в самых разных областях хозяйственной жизни общества.

Отдельные аспекты некоторых разновидностей простейших обязательств освещались в учебной литературе. В частности, в ней иногда встречаются разборы

⁷ Денежным обязательствам посвящен целый ряд работ, например: *Цитович П.П.* Деньги в области гражданского права. Харьков, 1873; *Литовченко М.* Деньги в гражданском праве. Киев, 1887; *Луниц Л.А.* Денежные обязательства в гражданском и коллизионном праве капиталистических стран. М., 1927; *Белов В.А.* Денежные обязательства. М., 2007.

⁸ В качестве примера: *Санникова Л.В.* Обязательства об оказании услуг. М., 2007. Следует, впрочем, отметить, что в этом труде исследуется не столько соответствующее относительное правоотношение, сколько совокупность норм действующего законодательства, сосредоточенная вокруг услуг как объекта гражданских прав и обязанностей.

⁹ Иллюстрациями могут служить юридические пособия и исследования в области электроэнергетики (например: *Свирков С.А.* Договорные обязательства в электроэнергетике. М., 2006), оборота нефти и газа (например: *Корепанов К.В.* Правовое регулирование транспортировки нефти и газа по магистральным трубопроводам. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016), транспорта (например: *Егизаров В.А.* Транспортное право. Учебное пособие. М., 1999), страхования (например: *Серебровский В.И.* Страхование. М., 1927) и т.д. Трудно, однако, утверждать, что в них идет речь именно об отдельных правоотношениях. Эти исследования скорее посвящены сложным совокупностям правовых связей, а точнее сферам экономической жизни, которые регулируются весьма разнообразным набором норм. А это означает, что их авторы придерживаются инструментального подхода, а не аналитического. Об этих подходах будет подробнее сказано далее.

Пример со страхованием, может быть, является одним из самых красноречивых. Дело в том, что этот очень сложный гражданско-правовой институт построен на элементарной основе особого юридического факта – страхового случая, порождающего денежное обязательство, где кредитором является страхователь, а должником – страховщик. Между тем, даже классическая в этой области работа В.И. Серебровского, приведенная выше, уделяет очень много внимания смыслу, значению и цели страхования как комплексного экономического явления, в какой-то степени затемняя его чисто юридическую, обязательственную сторону. Эта сторона, повторимся, на элементарном уровне выглядит как комбинация денежного обязательства и особого юридического факта – страхового случая. См. также далее в настоящей работе систему обязательств, предложенную О.С. Иоффе, и комментарий к ней.

обязательств по передаче вещей. По всей видимости, было бы правильно считать, что в российской цивилистике идея рассматривать отдельные виды относительных правоотношений восходит к М.М. Агаркову, который в своей известной монографии выстроил классификацию обязательств в зависимости от действий должника, составляющих их содержание¹⁰. В современной литературе эту тему затрагивает (не отталкиваясь при этом от различных договоров, как это делает ГК РФ в своей второй части) в своих двух курсах В.А. Белов¹¹.

В иностранной доктрине гражданского права вопросы отдельных видов обязательств освещаются несколько подробнее. Так, к примеру, французское правоведение дает хороший пример разработки разновидностей относительных правоотношений на примере обязательств по приложению усилий и обязательств по достижению результата¹². Результаты исследований, проведенных французскими цивилистами¹³, в контексте данной работы являются весьма значимыми и полезными, даже несмотря на то, что они, во-первых, рассматривали относительный узкий спектр этих правоотношений и, во-вторых, скорее разработали еще одну классификацию обязательств, чем исследовали отдельные их типы вне зависимости от основания их возникновения.

Французская цивилистика обращает внимание и на некоторые другие аспекты развития обязательственного права, созвучные идеям настоящего исследования. Весьма примечательно, что французские правоведы обеспокоены современным состоянием общей части договорного права: некоторые из них¹⁴ указывают на

¹⁰ Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. Т. 2. М., 2012. С. 47-48.

¹¹ См.: Белов В.А. Гражданское право. Т. IV. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы. М., 2013. С. 115-573 (особенно с. 115-186, где речь идет о передаче вещей и правоотношениях, связанных с ней); Белов В.А. Гражданское право: Особенная часть. М., 2004. С. 166-254 (особенно с. 176-187, которые содержат информацию об обязательствах по передаче вещей и иных, смежных правовых формах общественных отношений).

¹² Подробнее о них см.: Акифьева А.А. Развитие теории о делении обязательств на обязательства по приложению усилий и достижению результата во французской доктрине гражданского права // Вестник гражданского права. 2015. № 3. С. 237-274.

Ценность этой наработки французской доктрины подтверждается также и тем, что она нашла свое отражение в некоторых наднациональных актах. Об этом будет сказано подробнее в данной работе при анализе тенденций развития обязательственного права во Франции.

¹³ Начиная с Р. Демога и его пионерной работы: Demogue R. Traité des obligations en général. Sources des obligations. T. V. Librairie Arthur Rousseau, 1925. No 1237.

¹⁴ См. ссылки на позиции отдельных французских правоведов, обращающих внимание на сужение автономии воли – сердцевины классического учения о договоре: Savaux E. La théorie générale du contrat, mythe ou réalité? Paris, 1997. P. 14, 198-199.

размывание абстрактного понятия договора накопившемся обилием правил об отдельных соглашениях (в том числе и в специальных законах). Эти настроения, заметные во французском правоведении, позволяют с оптимизмом разрабатывать и тему настоящего исследования: она также связана с опасением ухода на второй план другого важнейшего понятия гражданского права – обязательства, а вместе с ним и общей части обязательственного права, из-за быстрорастущего массива норм о различных (в том числе новых) типах договоров.

В целом можно сказать, что отделенная от юридических фактов типизация обязательств в российской теории гражданского права недостаточно развита. Здесь хорошо видно своеобразие изучения договорных, деликтных и реституционных отношений. Права и обязанности каждой из сторон этих отношений, взятые в совокупности, многократно описывались и анализировались в литературе. Однако такой подход в конечном счете всегда будет не более чем комментарием норм позитивного права, ведь таково видение соответствующих отношений законодателем. Хорошей иллюстрацией в данном случае будет соотношение названия четвертого раздела ГК РФ и его содержания: подзаголовок «Отдельные виды обязательств» указывает на правоотношения – обязательства, а сам раздел сфокусирован на юридических фактах – договорах. Соглашения, деликты и примыкающие к ним основания возникновения обязательств становятся в центре внимания. При этом подлинная основа, «атом» хозяйственных связей, – оторванное от своего основания простейшее обязательство, в центре которого находится тот или иной объект, – находится на периферии научных изысканий и позитивного права.

Важность поиска альтернатив взаимосвязи оснований обязательств и самих относительных правоотношений как основе этого раздела частного права подчеркивается еще и тем, что здесь есть возможность для обнаружения тех мотивов, априорных установок, которые влияют на законодателя, далеко не всегда этот эффект отслеживающего и осознающего. Нужно отметить, что они существенно влияют и на стороны договоров, которые подстраивают соглашение под свои нужды. Содержание обязательства определяется не только нормой закона и положениями договора, но и иными, объективными факторами, в частности,

свойствами объекта данного обязательства. Это важнейшее, хоть и не всегда лежащее на поверхности, обстоятельство, однако, не вполне изучено в доктрине гражданского права. Именно оно находится в центре внимания данной работы.

В силу значимости вещного оборота для экономики, а также из-за обилия теоретического и практического материала полезно рассмотреть степень независимости обязательства от юридического факта и влияние объекта на относительное правоотношение на примере, пожалуй, самого распространенного обязательства – обязательства по передаче вещей. Описание, анализ, выявление специфических характеристик, имеющих правовое значение в этом контексте, позволит не только продвинуть вперед учение об обязательстве, но также и ослабить существующую в российской теории гражданского права и отечественном законодательстве излишне тесную связь между обязательствами и основаниями их возникновения. Все это обуславливает актуальность данного исследования.

Объект и предмет диссертационного исследования. Объектом исследования является значение юридического факта, из которого возникло обязательство, для содержания данного правоотношения, а также юридически важные характеристики его объекта, оказывающего влияние на право требования кредитора и на обязанность должника. Это влияние рассматривается не только в контексте абстрактного обязательства, но и на примере его отдельной разновидности, опосредующей передачу вещи – материального, ограниченного в пространстве объекта.

Предметом диссертационного исследования являются различные подходы к пониманию обязательства, его разновидностей, связи этого правоотношения с основанием его возникновения, общее понятие обязательства по передаче вещей, а также система норм, регулирующих это правоотношение.

Цели и задачи диссертационного исследования. Основной целью исследования является анализ взаимосвязи между юридическим фактом, порождающим обязательство, и самим обязательством, а также поиск альтернативных путей для выстраивания системы этих относительных правоотношений, в частности, через рассмотрение влияния объекта обязательства

на его содержание. Влияние объекта права требования и корреспондирующей ему обязанности на содержание юридической связи между должником и кредитором будет рассмотрено на примере обязательства по передаче вещей. Конструирование общего понятия этого правоотношения также является одной из целей настоящего исследования.

Для достижения указанных целей диссертационного исследования автором были поставлены следующие задачи:

1) исследование современного подхода к регулированию обязательств в гражданском праве России;

2) роль оснований обязательств в развитии гражданско-правовой регламентации в российском частном праве, в иностранных правопорядках и в наднациональных актах;

3) анализ влияния основания обязательства на его содержание в контексте действующего гражданского законодательства России и практики его применения;

4) описание ключевых свойств вещей, формирующих специфику обязательств по их передаче;

5) анализ соотношения обязательства по передаче вещей со смежными гражданско-правовыми формами общественных отношений.

Методологической основой исследования являются основные общенаучные методы, в частности, диалектический метод познания, метод системного анализа, исторический метод, метод сравнений и аналогий, методы обобщения, синтеза, индукции и дедукции. При решении поставленных задач диссертационного исследования использовались также специальные методы правовой науки, такие как нормативно-логический, сравнительно-правовой, историко-правовой методы и др.

Теоретическую основу исследования составляют исследования таких российских правоведов, как М.М. Агарков, В.А. Белов, М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, Д.В. Дождев, В.С. Ем, О.С. Иоффе, А.Г. Карапетов, О.А. Красавчиков, Е.А. Крашенинников, Л.А. Лунц, Я.М. Магазинер, Д.И. Мейер, И.Б. Новицкий, Л.А. Новоселова, И.А. Покровский, В.А. Рясенцев, С.В. Сарбаш, К.И.

Скловский, Б.Б. Черепяхин, Б.Л. Хаскельберг, В.М. Хвостов, Г.Ф. Шершеневич и др.

В работе также были использованы монографии и статьи ряда зарубежных исследователей частного права: М. Бартошека, А. Берли, В. Бергманна, Б. Виндшейда, М.Х. Гарсиа Гарридо, Г. Дернбурга, Дж. Дэйноу, Э. Зеккеля, Р. Иеринга, П. Катала, Б. Маркезиниса, Л.Ж. де ла Морандьера, Дж. Моргана, М. Планиоля, Р. Потье, Ж. Рошфельд, Р. Саватье, Ф.К. Савиньи, Э. Саво, Ч. Санфилиппо, Я. Смитса, А. Харткампа, М. Хесселинка, Э. Хондиуса, Р. Циммерманна, К. Чиларжа, П. Шлехтрима и др.

Нормативно-правовую основу диссертационного исследования составили нормы российского гражданского законодательства (в том числе нормы правовых актов, действовавших до 1917 года, а также нормативные документы времен СССР и РСФСР), нормы законодательства Германии и Франции. В работе также использованы тезисы и положения Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации и Концепции совершенствования общих положений обязательственного права России.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составили решения российских судов, включая разъяснения высших судебных инстанций.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем осуществлена попытка продемонстрировать ограниченность влияния основания обязательства на само обязательство. Анализ этого влияния, а также рассмотрение иных факторов, воздействующих на обязательство, показал, что первоочередную роль в содержании права и обязанности, соответственно, кредитора и должника играют свойства объекта правоотношения. Способность объекта права влиять на содержание самого субъективного права, а также на корреспондирующую ему обязанность в российской доктрине гражданского права изучена неполно. Должное внимание, уделенное свойствам объекта и их влиянию на содержание соответствующего обязательства, – ключ к альтернативе доминирующему ныне подходу к изложению обязательственного права, где на первый план выдвигаются основания возникновения относительных правоотношений. Кроме того, в диссертационном исследовании особое внимание

уделено воздействию на свойства обязательства определенности объекта посредством родовых признаков и через индивидуализирующие характеристики.

Автором сформулированы следующие положения, выносимые на защиту, являющиеся новыми или содержащими элементы новизны:

1. Анализ развития обязательственного права России, проведенный в настоящей работе, дает основание для вывода о двух путях (не отменяющих друг друга), по которым идет развитие норм обязательственного права. Первый из них можно обозначить в качестве «инструментального», и он является доминирующим. Этот путь связан с закреплением через закон или судебную практику возможности максимально безопасно использовать готовые юридические инструменты, предназначенные для определенных экономических операций. Применительно к особенной части обязательственного права это означает первостепенное внимание к различным типам договоров. Второй путь можно назвать «аналитическим», и его назначение состоит в разборе существующих институтов до простейших элементов, их составляющих, подробном рассмотрении этих элементов и анализе возможных, юридически допустимых результатов их комбинаций. В контексте обязательственного права этот путь принимает форму развития регулирования отдельных разновидностей элементарных обязательств.

2. Сформулирован вывод о том, что, несмотря на доминирование инструментальной стратегии в изменениях обязательственного права в частноправовых кодификациях в России и за рубежом, подлинная эволюция этой подотрасли гражданского права связана с аналитическим подходом. Именно он позволяет обозначить пути для генерализации норм, регулирующих схожие отношения. Новые, обобщенные правила впоследствии могут включаться в общую часть – ключевой раздел многих гражданских кодексов. Благодаря этому подходу эти разделы обогатились, например, правилами о денежных обязательствах, о некоторых аспектах обязательств по передаче вещей (об ответственности за их нарушение, если передаче подлежит индивидуально-определенная вещь, об особенностях их исполнения); благодаря нему, например, во Франции были разработаны две разновидности обязательства по совершению в пользу кредитора

определенных действий – обязательство по достижению результата и обязательство по приложению усилий.

3. Все встречающиеся в обороте обязательства с положительным содержанием (то есть правоотношения, связывающие две стороны – кредитора и должника – посредством права требовать определенного действия и корреспондирующей этому праву обязанности это действие совершить) можно свести к пяти элементарным относительным правоотношениям в зависимости от их объектов. Этими правоотношениями являются следующие обязательства: по передаче вещей (подразумевающей перенесение владения вещью), по предоставлению доступа к вещам (без перенесения владения вещью), по сообщению информации, по заключению договора и по оказанию услуг. Каждое из этих обязательств имеет свой особый правовой режим и специфическое регулирование, связанные в первую очередь со свойствами его объекта. И каждое из них может быть частью более сложного образования – от альтернативных и факультативных обязательств до комплексных договорных отношений. Важно при этом не смешивать обязательства с другими правовыми формами общественных отношений, в частности, с различными разновидностями правопреемства – сингулярным (в рамках цессии, например), универсальным, конститутивным (в качестве иллюстрации: при наделении лицензиаром лицензиата соответствующим лицензионным правом) и т.д. Результат правопреемства достигается «автоматически», без необходимости принуждать должника к определенному поведению или воздержанию от него, для чего необходимо обязательство.

4. Аргументировано, что обязательство по передаче движимых вещей является особой, самостоятельной формой гражданско-правовых отношений, к которой применяется специфическая совокупность норм. При этом основные принципы регулирования данного обязательства не зависят от того, из какого основания оно возникло: обязательства продавца, арендодателя, ссудодателя займодавца по передаче вещей контрагенту в своих ключевых характеристиках одинаковы – все они состоят из права требования передать вещь и корреспондирующей ему обязанности передающей стороны. У всех этих обязательств специфический способ исполнения – *traditio*; их объект – вещь, по общему правилу, подчиняется

целому комплексу важнейших правил, «возглавляемых» требованиями к качеству и комплектности; их исполнение в натуре может быть обеспечено государственным принуждением; только к этим обязательствам применимы такие виды гарантии интересов кредитора, как удержание и т.д. В силу того, что ключевые его характеристики находятся под влиянием свойств объекта, находящегося в его центре, юридические факты, вызывающие к жизни данное правоотношение, на круг основных применимых норм влияния не оказывают. Роль юридических фактов выражается прежде всего в определении встречного предоставления (либо его отсутствия), юридических последствий исполнения данных обязательств, а именно в объеме передаваемых вместе вещью прав на данные вещи, а также на технические аспекты исполнения – какой именно объект подлежит передаче, в каком конкретно месте, в какое точное время и т.д.

5. Сделан вывод о том, что систему обязательств по передаче вещей следует выстраивать на базе основного деления этих правоотношений, которое зависит от конкретности их объектов, определяемой либо при помощи родовых признаков, либо посредством индивидуальных характеристик. Степень определенности подлежащих передаче вещей является одним из основных параметров соответствующего обязательства, что выражается в степени свободы определения юридических последствий его исполнения. Если передача вещей, определенных родовыми признаками, всегда приводит к переходу права собственности на них, то передача индивидуально-определенной вещи допускает гораздо более широкий набор прав ее получателя в отношении переданного ему предмета. Это имеет существенное практическое значение в разных сферах обязательственного права: например, при квалификации отношений, складывающихся в рамках иррегулярного хранения, или транспортировки вещей, определенных родовыми признаками, при распределении рисков гибели и повреждения передаваемых вещей, бремени по их содержанию и обслуживанию, а также при определении возможностей принимающей стороны по распоряжению принятыми вещами и т.д.

Теоретическая значимость исследования. Теоретическая значимость исследования состоит в развитии общей теории обязательств путем указания на иной, не сводимый к юридическим фактам компонент относительных

правоотношений, которые существенно влияют на их содержание и который могут служить надежным фундаментом для построения их завершенной системы. Этим компонентом является объект прав требования кредитора и корреспондирующей ему обязанности должника. В качестве развития данного аспекта настоящего исследования в нем сконструирована и описана особая разновидность обязательства – обязательство по передаче вещей. В работе описываются основные факторы, влияющие на содержание права и обязанности в составе этих правоотношений, а также выстраивается их система на основе определенности объекта и цели обязательства.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его выводы и положения могут быть использованы в правоприменительном процессе, а также в научной и преподавательской деятельности. Особо следует подчеркнуть нормотворческую значимость работы: система обязательств на базе их объектов несет большой нормотворческий потенциал, так как она ярко иллюстрирует тезис о необходимости идентичного регулирования одинаковых по содержанию отношений вне зависимости от событий и действий лиц, эти отношения породивших.

Апробация результатов исследования. Диссертационная работа выполнена и обсуждена на кафедре гражданского права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Кроме того, отдельные выводы, приведенные в настоящем исследовании, были использованы автором в процессе практической деятельности.

Основные положения диссертации изложены в шести статьях¹⁵, четыре из которых опубликованы в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени кандидата и доктора наук¹⁶.

¹⁵ См. публикации в ведущих рецензируемых журналах в следующей сноске, а также: *Блинковский К.А.* Передача вещей, определенных родовыми признаками, и переход права собственности // *Вещные права: постановка проблемы и ее решение: Сборник статей / Отв. ред. М.А. Рожкова.* М., 2011. С. 336-368; *Блинковский К.А.* Система обязательств // *Практика применения общих положений об обязательствах / Отв. ред. М.А. Рожкова.* М., 2011. С. 6-51.

¹⁶ *Блинковский К.А.* Соотношение категорий передачи вещей и передачи товаров // *Законодательство.* 2013. № 11. С. 18-26; *Блинковский К.А.* Понятие обязательства в законе и в теории гражданского права // *Хозяйство и*

Основные выводы и положения диссертации были изложены на XX Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Московский государственный университет имени М.В Ломоносова, Москва, 9-12 апреля 2013 г.) и на Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Эволюция права-2013» (Московский государственный университет имени М.В Ломоносова, Москва, 11 октября 2013 г.).

Структура диссертационного исследования предопределяется его предметом, целями и задачами. Работа включает в себя введение, две главы, состоящие из девяти параграфов, а также библиографический список использованных источников.

право. 2017. № 2. С. 113-124; *Блинковский К.А.* Обязательство по передаче вещей // Законодательство. 2017. № 4. С. 23-31; *Блинковский К.А.* Некоторые тенденции развития обязательственного права в российских кодификациях // Закон. 2018. № 7. С. 196-204.

Глава 1. Юридический факт как основа современного гражданско-правового регулирования обязательств

§1. Регулирование обязательств: от юридических фактов к правоотношению

Гражданский кодекс РФ, а вслед за ним и современная теория гражданского права описывают юридический режим обязательств с точки зрения их привязки к различным юридическим фактам – прежде всего к договорам, а также к деликтам и неосновательному обогащению. Наиболее массивная часть норм обязательственного права в соответствии с традицией, идущей от римского права, посвящена, как известно, отдельным видам соглашений. В римском праве такой подход был вполне логичен, и его воплощение можно проследить на всех этапах его существования: начиная от законов XII таблиц¹⁷ и заканчивая кодификацией эпохи Юстиниана¹⁸. Это объясняется тем, что юридические потребности гражданского оборота¹⁹ на протяжении всей истории развития римского права обеспечивались относительно небольшим набором договоров и правонарушений.

Вся последующая история обработки античного правового наследия, в том числе в трудах германских юристов XIX века²⁰, показывает, что этот подход не только являлся доминирующим, но и не подвергался какому-либо сомнению. Закономерным является его проникновение в российскую цивилистику²¹ и

¹⁷ Современные реконструкции текста этого законодательного памятника показывают, что нормы его обязательственной части упорядочены в соответствии с простейшими договорами, использовавшимися в гражданском обороте той эпохи. См., например: *The Roman Paratext. Frame, Texts, Readers* / Edited by L. Jansen. New York, 2014. P. 63 (автор главы – *M. Wibier*). Исходя из этой реконструкции, аналогичного подхода к обязательствам придерживался в своем труде «*Jus civile*» также и основатель европейской правовой науки – Квинт Муций Сцевола (об этом его значении для теории права см.: *Бартошек М.* Римское право: понятия, термины, определения. М., 1989. С. 339; *Дождев Д.В.* Римское частное право. М., 1996. С. 2).

¹⁸ В частности, именно таков принцип изложения обязательств в третьей части Дигест Юстиниана, озаглавленной «*De rebus creditis*», – принцип, позаимствованный составителями Дигест из системы преторского эдикта в его окончательной форме, который был выработан при императоре Дидии Юлиане во II в. н.э. О структуре и системе Дигест см.: *Перетерский И.С.* Дигесты Юстиниана. М., 1956. С. 55-62.

¹⁹ В настоящей работе понятие гражданского оборота включает в себя не только «совокупность всех актов распоряжения» (*Муромцев С.А.* Гражданское право Древнего Рима. М., 2003. С. 67), но также и все остальные случаи перехода объектов гражданских прав от одних лиц к другим, которые могут происходить как в регулятивных (в соответствии со сделками и иными правомерными юридическими фактами), так и в охранительных (например, в рамках виндикационных и кондикционных отношений) формах.

²⁰ См., к примеру: *Виндшейд Б.* Об обязательствах по римскому праву. СПб., 1875. С. 273 и след.; *Чиларж К.* Учебник институций римского права. М., 1906. С. 188-248; *Дернбург Г.* Пандекты. Т. II. М., 1911. С. 221 и след.

²¹ Этот подход к изложению отдельных видов обязательств можно обнаружить как у патриархов российской цивилистики (см., например: *Кукольник В.Г.* Начальные основания российского частного гражданского права. СПб., 1813. С. 181-225; *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. СПб., 1864. С. 520-666), так и в современных

отечественное законодательство. Достаточно отметить, что раздел IV современного ГК РФ озаглавлен «Отдельные виды обязательств», при этом он разбит на отдельные главы, каждая из которых посвящена либо договору, либо иному юридическому факту, порождающему обязательство, – односторонней сделке, деликту или кондикции.

Возвращаясь к римскому праву, следует сказать, что с экономической точки зрения изложение обязательственного права через привязку к юридическим фактам и, прежде всего, к договорам означает, что древнеримский оборот на всех этапах своего развития, оставляя в стороне правонарушения, знал ограниченное количество хозяйственных операций, равное числу известных римскому праву соглашений²². При этом римские юристы отдавали себе отчет в том, что договор не является простейшим, неделимым «кирпичиком» в здании гражданского оборота. Напротив, его можно уподобить молекуле, состоящей из атомов, – элементарных обязательств, число которых ограничено и невелико. То, что римские юристы отдавали себе в этом отчет, видно в определении обязательства, приписываемом Юлию Павлу: «Сущность обязательства не в том состоит, чтобы сделать какой-нибудь предмет нашим, но чтобы связать другого перед нами, дабы он дал что-нибудь или сделал, или предоставил»²³.

учебниках (см., например, Гражданское право. Учебник. Часть I / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1998. С. 487 (автор главы – Н.Д. Егоров); Российское гражданское право. В 2 т. Т. 2 / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2010. С. 43 (автор главы – Е.А. Суханов)).

²² Впрочем, говоря о пределах свободы установления обязательств в римском праве, нельзя не упомянуть про такой институт как стипуляция – «пожарный клапан» закрытой римской системы договоров (см. (включая ссылку на труд автора данной метафоры – Дж. Гроссо): *Полдников Д.Ю.* Формирование учения о договоре в правовой науке Западной Европы (XII-XVI вв.). Дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2016. С. 79). Она представляла собой «формальный договор, сделавшийся в период полного развития римской юридической жизни общей формой, в которую возможно было вложить всякое содержание» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXIa / Под ред. К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского. СПб., 1901. С. 655 (автор статьи «Стипуляция» – В.М. Нечаев); см. также: *Чиларж К.* Учебник институций римского права. М., 1906. С. 192-193). Благодаря гибкости и абстрактности по отношению к основанию своего возникновения, развитое стипуляционное обязательство эпохи классического римского права значительно расширяло границы возможностей участников гражданского оборота в области договоров, в чем-то даже превосходя современные правовые системы. В самом деле: всякий ли действующий на сегодняшний день правопорядок обеспечит защитой простое, ничем не обусловленное обещание должника передать кредитору определенную вещь? Вряд ли здесь возможен положительный ответ. Однако именно такое обещание являлось одной из самых распространенных форм стипуляции.

²³ «Obligationum substantia non in eo consistit, ut aliquod corpus nostrum aut servitutem nostrum faciat, sed ut alium nobis obstringat ad dandum aliquid vel faciendum vel praestandum» (D. 44.7.3). Перевод определения см.: Римское частное право: Учебник / Под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М., 2006. С. 203-204 (автор раздела – И.С. Розенталь).

Это определение имеет особое значение. Оно демонстрирует собой метод, в соответствии с которым вся совокупность имущественных отношений, опосредующих переход различных благ от одного лица к другому (за исключением случаев универсального правопреемства), может быть представлена не как набор ограниченного числа договоров, а как система обязательств, структурированная в зависимости от их объектов.

В то же время исследовать каждую из упомянутых хозяйственных операций отдельно с точки зрения их правового регулирования для римских юристов не имело смысла, так как все их допустимые комбинации были исчерпывающе описаны в рамках относительно небольшого перечня договоров. Поэтому²⁴ римское право не оставило после себя описания регулирования отдельных действий, упомянутых в определении обязательства (дать что-либо, сделать и предоставить²⁵), вне зависимости от того, на основании чего возникла обязанность по их совершению. В таком описании не было смысла. Важнее и практически более удобным было описание юридических последствий небольшого количества известных тогда договоров. Этого было вполне достаточно для обслуживания относительно простого товарооборота, современного римскому праву.

На этой основе выросло и долгое время доминировало в обязательственном праве учение о типах договоров, которое было сформулировано глоссаторами из материала отраженных в Дигестах представлений о договорах как отдельных типичных сделках со своим особым правовым режимом²⁶. Весь оборот, с их точки

²⁴ Здесь следует оговориться, что причин, породивших такой метод работы римских юристов с договорами и обязательствами, конечно, значительно больше. Само искусство юриспруденции в том виде, в котором оно виделось римским юристам, отличалось «вниманием к мелочам в ущерб обобщениям и упорядочению юридического знания». Об этой и иных предпосылках отсутствия общего учения о договорах в римском праве см.: *Полдников Д.Ю.* Формирование учения о договоре в правовой науке Западной Европы (XII-XVI вв.). Дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2016. С. 90-101.

²⁵ Эти действия в литературе часто указываются на латинском языке без перевода как «*dare-facere-praestare*». См., к примеру: *Zimmertmann R.* The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition. New York, 1996. P. 6-7. Следует, впрочем, иметь в виду, что перевод данных терминов и, соответственно, их интерпретация, приведенные в основном тексте данной работы, являются попыткой обобщить известные в романистике подходы. Об этих подходах, а также о смежных вопросах, связанных с дефиницией Юлия Павла, см., к примеру: *Виндшейд Б.* Об обязательствах по римскому праву. СПб., 1875. С. 6-7; *Савиньи Ф.К.* Обязательственное право. М., 1876. С. 205-208; *Чиларж К.* Учебник институций римского права. М., 1906. С. 175-176; *Иоффе О.С., Мусин В.А.* Основы римского гражданского права. Л., 1975. С. 91; *Бартошек М.* Римское право: понятия, термины, определения. М., 1989. С. 256; *Санфилиппо Ч.* Курс римского частного права. М., 2002. С. 211; *Гарсиа Гарридо М.Х.* Римское право: казусы, иски, институты. М., 2005. С. 416-417.

²⁶ См.: *Полдников Д.Ю.* Формирование учения о договоре в правовой науке Западной Европы (XII-XVI вв.). Дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2016. С. 90-91.

зрения, сводился к нескольким типовым сделкам, каждая из которых состояла из довольно жесткого набора условий. Отход от них допускался лишь в очень незначительной степени. Если, например, какие-то произвольные условия сторон затрагивали сущность контракта купли-продажи в том виде, в котором ее понимали глоссаторы, то соответствующее соглашение не считалось заключенным²⁷. Этот подход, подвергаясь все большей и большей либерализации, просуществовал очень долго, пока переворот, случившийся в мышлении средневековых юристов на протяжении XII-XIV веков, не привел накануне эпохи великих кодификаций к совмещению «типового» подхода к договорным обязательствам с абстрактным учением о договоре²⁸.

У доктрины типов договоров почти с момента его появления был конкурент, разработанный на совершенно иной основе богословами, а затем и специалистами в каноническом праве, – концепция, основывающая договорные отношения не на соглашении сторон, а на односторонних обещаниях контрагентов. Влияние этой концепции с разной степенью интенсивности заметно и в некоторых современных правовых порядках²⁹. Первые католические богословы, которые рассматривали договоры с точки зрения христианской догмы, «взяли за основу своих рассуждений о возмездных отношениях между христианами обещание одного христианина (клирика или мирянина) в пользу другого»³⁰. Эти рассуждения являются развитием евангельских слов о необходимости поступать в соответствии с данным словом без учета его восприятия адресатом (Мф 5.37: «да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого»)³¹. Договорные отношения таким образом предстают не как основывающаяся на консенсусе жесткая конструкция, заранее предусматривающая все права и обязанности сторон, а как совокупность обещаний – обязательств.

²⁷ См.: *Полдников Д.Ю.* Формирование учения о договоре в правовой науке Западной Европы (XII-XVI вв.). Дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2016. С. 217-218.

²⁸ См.: *Полдников Д.Ю.* Формирование учения о договоре в правовой науке Западной Европы (XII-XVI вв.). Дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2016. С. 11, 513-514.

²⁹ См.: *Бекленищева И.В.* Гражданско-правовой договор: классическая традиция и современные тенденции. М., 2006. С. 120-125.

³⁰ *Бекленищева И.В.* Гражданско-правовой договор: классическая традиция и современные тенденции. М., 2006. С. 117.

³¹ См.: *Бекленищева И.В.* Гражданско-правовой договор: классическая традиция и современные тенденции. М., 2006. С. 117-118.

Потребности современной экономики по сравнению с Античностью и Средневековьем, разумеется, гораздо шире: участники оборота постоянно сочетают друг с другом различные обязательства в произвольном порядке, часто совмещая элементы из многих договоров в одной сделке. В ГК РФ этот аспект свободы договора закреплен в п. 3 ст. 421: «Стороны могут заключить договор, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами (смешанный договор). К отношениям сторон по смешанному договору применяются в соответствующих частях правила о договорах, элементы которых содержатся в смешанном договоре, если иное не вытекает из соглашения сторон или существа смешанного договора».

Отсюда следует принципиальная невозможность исчерпывающего описания всех возможных договоров: слишком велико стало количество допустимых комбинаций элементов различных соглашений. Как следствие, поменялась и роль законодателя. В сфере особенной части обязательственного права свою основную задачу он видит следующим образом: описать типичные договоры и показать, какие юридически значимые последствия возникают из них, то есть проиллюстрировать, как распределяются права и обязанности между сторонами, какие риски лежат на каждой из них. Участники оборота при заключении различных соглашений сначала определяют, какому из типичных договоров соответствует совершаемая сделка, а затем выясняют, есть ли в данной сделке условия каких-либо иных договоров. Верный ответ на оба этих вопроса даст сторонам адекватное представление о нормах, применимых к возникшим из сделки отношениям.

В истории развития частного права прослеживается и вторая тенденция, намеченная в приведенном выше определении Юлия Павла, обнаруживаемая в описанных выше разработках канонистов и выраженная ныне в дефиниции обязательства в п. 1 ст. 307 ГК РФ, измененной в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»³² (далее – Закон о внесении изменений в часть первую ГК РФ № 42-ФЗ). Прочитируем ее: «В силу

³² СЗ РФ, 09.03.2015, № 10, ст. 1412.

обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности»³³. Эта дефиниция вместе с изложением особенной части обязательственного права, исходя из юридических фактов, приводящих к их возникновению, являют собой как бы две параллельные линии, идущие через всю историю цивилистики. Однако очевидно, что в системе правил, регулирующих относительные правоотношения, доминирует пока приоритет договоров и иных оснований возникновения.

Сосуществование этих двух подходов, их одновременное присутствие во многих кодексах, если к этому факту внимательно присмотреться, вызывает вопросы, несмотря на его привычность. С одной стороны, сохранившиеся в кодексе договорные типы служат ориентиром для всех, кто заключает сделки. Понятно наличие желания большинства участников оборота видеть, что из себя представляет типичный (и потому гарантированно законный – как в смысле юридической действительности, так и в смысле предусмотренности законом) договор купли-продажи, займа, проката или подряда. С другой стороны, типизация договоров все-таки архаичный, хоть и в определенном отношении удобный и привычный, способ изложения обязательственного права. «Архаичный» в том смысле, что он дошел до нас в хорошо сохранившемся виде из глубины веков и из совершенно другого экономического уклада. К тому же этот способ – противоположность свободе договора, даже если тот или иной правопорядок признает диспозитивность большинства норм особенной части кодекса.

Предвосхищая возражения о том, что многие дошедшие до нас частноправовые институты – такое же наследие древних эпох, но при этом прекрасно работающее

³³ Заметим, что определение обязательства, закрепленное в п. 1 ст. 307 ГК РФ, уходит корнями в дефиницию из ст. 1567 Гражданского уложения Российской империи: «Обязательство есть законная обязанность одного лица к передаче имущества или к совершению либо к несовершению иного действия в пользу другого лица». См.: Гражданское Уложение: Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. С объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии / Под ред. И.М. Тютрюмова. Сост. А.Л. Саатчиан. Т. 2. СПб., 2010. С. 172. Подробнее о развитии определения обязательства в российском законодательстве и теории гражданского права см.: Белов В.А. Эволюция понятия обязательства в российском гражданском праве // Гражданско-правовые обязательства: вопросы теории и практики: Сб. науч. трудов / Отв. ред. А.С. Шевченко. Владивосток, 2001. С. 3-36.

в современных условиях, отметим, что к разным институтам нужно с этой точки зрения относиться по-разному. К примеру, феномен владения вряд ли мог существенно трансформироваться под влиянием изменившейся хозяйственной жизни, так как сама социальная основа владения остается неизменной, каким бы сложным не стал экономический уклад. Вряд ли нужно подробно комментировать тезис о том, что к договорной практике, которая имеет дело с потребностями оборота, неведомым еще несколько десятилетий назад, эти рассуждения не применимы со всей очевидностью.

Противоречивость комбинирования, своеобразного «сочетания» типизации договоров и свободы их формирования выглядит тем более явственно, если продолжить сравнение с другими сферами частного права. *Numerus clausus* вещных прав и прав на результаты интеллектуальной деятельности, к примеру, не должен оправдывать свое существование из-за наличия всеми признаваемого противоположного полюса, которым теоретически могла бы быть возможность (более или менее ограниченная) участников оборота генерировать по своему усмотрению абсолютные права на те или иные объекты.

Интересный материал в этом контексте предоставляет французская цивилистика. Несмотря на то, что архаичность описания в кодексе наиболее распространенных соглашений – наследие римского права – там не оспаривается³⁴, тем не менее во Франции достаточно активно отстаивается концепция типа договора, которая, как это отмечалось выше, родилась в трудах глоссаторов. Эта теория основывается на достаточно очевидном соображении: в соответствующий раздел гражданского кодекса включаются проверенные практикой, отработанные за долгое время контрактные модели, которые сторонам использовать проще и удобнее всего в большинстве случаев. Разумеется, участникам оборота никто не запрещает комбинировать различные договоры между собой, подстраивая их под свои нужды, но важно иметь в виду, что помыслить контракт, который бы не сводился к уже описанным в законе договорным моделям, непросто³⁵. На практике это означает, что сегодня свобода договора, по сути, сводится не к

³⁴ См.: *Rochfeld J. Cause et type de contrat. Paris, 1999. P. 52-55.*

³⁵ Этой концепции посвящена работа: *Rochfeld J. Cause et type de contrat. Paris, 1999.*

неограниченному творчеству сторон в плане условий сделки – проявлению подлинной автономии воли, а к выбору между существующими в законе типами контрактов³⁶.

Следует подробнее остановиться на доводе о том, что помыслить договор, который нельзя было бы с точки зрения его элементов и применимых норм «разнести» по разным главам особенной части обязательственного права, – очень сложно, а вероятно, и вовсе нельзя. В первую очередь потому, что этот довод, нужно согласиться, хорошо отражает действительность. Практически любое (даже самое замысловатое) соглашение, встречающееся в обороте, либо полностью сводится к уже имеющемуся в законе договорному типу, либо сочетает в себе элементы некоторых из них. Но здесь нужно иметь в виду следующее: зачастую это достигается за счет того, что данные элементы на самом деле относятся не столько к договорному типу, сколько к одинаковым обязательствам, но возникающим из разных сделок. Иллюстрацией здесь служат правила широкого применения из главы о купле-продаже, например, п. 4 ст. 454, п. 1 ст. 459, ст. 460, ст. 464 ГК РФ, а также практически все нормы о качестве, комплектности и количестве товара и их аналоги, регулирующие, например, предмет аренды. Ясно, что в них речь идет не столько о договорной связи продавец-покупатель (или арендодатель-арендатор), сколько об обязательстве по передаче вещей. Интересным примером также служит договор об оказании услуг: нормы соответствующей главы 39 ГК РФ сформулированы по остаточному принципу, чтобы охватить все договорные отношения, связанные с совершением должником определенных действий в пользу кредитора, не охваченных правилами о подряде и других смежных договорных типах.

³⁶ См.: *Rochfeld J.* Cause et type de contrat. Paris, 1999. P. 55. Эта идея во французской цивилистике обладает солидным возрастом. В частности, ее высказывал М. Планиоль в 1904 г. в статье «Classification synthétique des contrats» (*Revue critique de la jurisprudence en matière civile, administrative, commerciale et criminelle*. Paris, 1904. P. 470-490). Основная идея статьи заключалась в том, что в договорном праве существуют три главные «семьи» соглашений – (1) направленные на передачу вещей, (2) производство работ (или, шире, оказание услуг в самом широком понимании этого термина) и (3) касающиеся нематериальных объектов – прав. Эти группы охватывают собой практически всю сферу каждодневной договорной практики, не исключая, конечно, появление в будущем новых контрактных явлений, не охватываемых такой группировкой.

Отметим, кстати говоря, продуктивность этих рассуждений для целей настоящей работы. Достаточно только перенести акцент с юридических фактов – договоров на обязательства, и по крайней мере методологически типизация договорных отношений будет весьма близка данной работе.

Концепция типа договора находит свое прямое отражение в ряде правовых систем. Хорошим примером здесь служит ст. 1322 итальянского ГК³⁷, посвященная свободе договора. Первый абзац декларирует возможность сторон самостоятельно определять содержание соглашения, исходя из своих потребностей. При этом второй абзац содержит интересное уточнение, в соответствии с которым контрагенты могут отходить от договорных типов лишь в том случае, если условия соответствующей сделки направлены на достижение интересов, достойных защиты правом. Здесь наглядно показана работа концепции типа договора: при оформлении юридических отношений сторонам контракта рекомендуется всегда делать выбор в пользу уже имеющихся в законе контрактных типов вместо произвольного конструирования новых соглашений. Если за первыми стоят интересы сторон, допустимость которых с точки зрения законодателя презюмируется, то правомерность интересов, оформленных экзотической сделкой, – это вопрос с неизвестным заранее ответом, требующий разбора в каждом отдельном случае.

Существует ли в современной теории гражданского права какая-либо концепция, обосновывающая изложение норм обязательственного права в их привязке к различным договорам? Есть ли идеи, которые можно было бы назвать конкурирующими с заявленной выше необходимостью сместить фокус с юридических фактов на их «продукцию» – обязательства?

Контраргументы можно вывести из постулатов экономического анализа права. Это направление юридической мысли, как известно, базируется на следующем главном тезисе: юридические нормы должны быть как можно более эффективными, что в области договоров означает максимизацию благосостояния сторон соглашения и, как следствие, всего общества в целом³⁸. Наиболее естественной формой экономической эффективности является снижение транзакционных издержек – «трудностей, силы трения на пути организации рационального экономического взаимодействия между людьми»³⁹.

³⁷ Гражданский кодекс Италии утвержден Королевским Указом № 262 от 16 марта 1942 г.

³⁸ См.: *Morgan J. Contract Law Minimalism. A Formalist Restatement of Commercial Contract Law*. New York, 2013. P. 43.

³⁹ *Каранетов А.Г. Экономический анализ права*. М., 2016. С. 166.

В области договорного права для достижения этой цели в первую очередь требуются механизмы восполнения пробелов в контрактах⁴⁰. И здесь типичные (с точки зрения законодателя) соглашения, как считается, приобретают особую значимость, потому что их регулирование в кодексе насыщено диспозитивными правилами, работающими «по умолчанию», когда иное не оговорено сторонами сделки. «Правовая система начинает восполнять пробелы в договоре *ex ante*, устанавливая законодательно или на уровне прецедентной практики высших судов соответствующие диспозитивные правила. Собственно, более 90% всего массива договорного права любой западной страны состоит из тысяч диспозитивных норм»⁴¹. Основным назначением подробных диспозитивных норм является в первую очередь снижение «рисков непризнания и рисков непредсказуемого «дописывания» судами заключенного договора за счет установления заранее известных сторонам правил, от которых они вольны отступить при желании согласовать нечто иное»⁴². В результате «сокращаются издержки обоих типов (по согласованию и по разрешению споров), возникает понятная и предсказуемая регуляторная среда и значительно упрощается оборот»⁴³.

Можно сказать, что для снижения транзакционных издержек этим способом законодатель должен ставить себя на место среднего, идеального участника гражданского оборота, прежде всего коммерсанта как наиболее требовательного «пользователя» частноправых норм. Законодатель должен задаваться вопросом: каким я вижу для себя идеальный договор поставки, оказания услуг, подряда, займа и т.д.? И исходя из своего видения он устанавливает императивные и диспозитивные правила, относящиеся к соответствующему соглашению. Можно сказать, что позитивное право здесь вынуждено «имитировать рынок» – подлинный источник частноправовых норм.

⁴⁰ См.: *Каранетов А.Г.* Экономический анализ права. М., 2016. С. 421.

⁴¹ *Каранетов А.Г.* Экономический анализ права. М., 2016. С. 425.

⁴² *Каранетов А.Г.* Экономический анализ права. М., 2016. С. 425. Общее понимание функций диспозитивных норм можно почерпнуть из описания их разновидностей, которых некоторые авторы насчитывают шесть: *Schwartz A.* The Default Rule Paradigm and the Limits of Contract Law // *Southern California Interdisciplinary Law Journal*. Vol. 3:389. 1993. P. 390-391.

⁴³ *Каранетов А.Г.* Экономический анализ права. М., 2016. С. 425. Ссылка на первоисточник: *Shäfer H.-B., Ott C.* The Economic Analysis of Civil Law. Edward Elgar Publishing, 2004. P. 299.

Нельзя отрицать то, что это удобно. Не секрет, что участники оборота при осуществлении юридически значимой деятельности в большинстве случаев мыслят в категориях довольно-таки простого набора договоров, который, в сущности, не сильно поменялся со времен римского права. Заготовка типового, абстрактного договора из закона редактируется сторонами под нужды конкретной хозяйственной операции, и если договаривающиеся субъекты что-то упустили, то им нужно быть заранее уверенными, что соглашение будет восполнено исходя из некоего «усредненного» представления об аналогичных сделках, заранее известного договаривающимся субъектам. Более того, сторонам договора достаточно лишь четко обозначить свое намерение заключить соглашение определенного типа, предусмотренного законом, и позитивное право далее автоматически поддержит соответствующую сделку целым комплексом детальных правил; и в этой простоте «присоединения» сделки к установленным законодателем нормам есть дополнительное удобство. Следовательно, было бы наивно ожидать исчезновения из законодательства и, в частности, из гражданских кодексов регулирования различных договорных типов. Ввиду этого в настоящей работе не предлагается и не обосновывается отказ от особенной части обязательственного права в том виде, в котором он сейчас существует, в частности, в ГК РФ.

Однако здесь важно отметить два существенных момента.

Во-первых, удобство регулирования особенной части обязательственного права посредством договорных конструкций не должно заслонять собой поиск идентичных обязательств, возникающих из разных соглашений, и обогащение по результатам их обнаружения общей части обязательственного права, которое позволяет последовательно выдерживать принцип «одинаковым отношениям – одинаковое регулирование», зачастую незаслуженно игнорируемый при формулировании правовых норм. Между тем, введение все новых и новых договорных конструкций в кодекс очень часто приводит к тому, что применительно к одинаковым отношениям формулируются разные правила. И нужно признать, что избежать этого довольно-таки трудно, так как даже самые свежие контракты, появившиеся в обороте в самое последнее время, имеют много

общего с давно известными гражданскому праву сделками. Поэтому в лучшем случае в закон проникает ненужное дублирование правил об одних и тех же обязательствах, в худшем – нелогичная и непоследовательная дифференциация данных обязательств. Примеры, подтверждающие сказанное выше, будут приведены далее.

Во-вторых, важно трезво оценивать роль и потенциал норм договорного права, избегать их избыточности, даже если речь идет о диспозитивных правилах. В литературе направленности, получившей название «смерть контракта», отмечается, что идеалом должен служить максимально простой, экономный набор правил, особенно в области предпринимательских отношений. Иными словами, оптимальный путь к поддержке и защите коммерческих сделок лежит, не в области абсолютной «зарегулированности» с обилием диспозитивных (и императивных) норм о каждой детали отношений договаривающихся сторон, а через ясную и, что важно, минималистичную систему однозначных правил⁴⁴. Отдельные, более радикальные, последователи экономического анализа права идут еще дальше: в некоторых случаях судебное *ad hoc* вмешательство в договорные отношения для целей эффективного распределения экономических благ оказывается более эффективным, чем позитивное договорное право. При помощи принудительных опционов на выплату компенсации за соответствующее благо (*call option*) и на приобретение этого блага (*put option*) независимый арбитр – суд может способствовать попаданию ценных объектов в руки тех участников оборота, которые в них более всего заинтересованы⁴⁵.

Ряд исследователей справедливо критикует свойственный многим юристам «правовой центризм» – необоснованную веру в гипертрофированно огромное значение юридического в общественной жизни. В области предпринимательских

⁴⁴ См.: *Morgan J. Contract Law Minimalism. A Formalist Restatement of Commercial Contract Law. New York, 2013. P. 1.*

⁴⁵ Этому расширительному применению так называемых «правил об ответственности» (*liability rules*), нацеленным на адекватное возмещение потерпевшему субъекту, в противоположность «правилам об имуществе» (*property rules*), в фокусе которых находится превенция вторжения в имущественную сферу участников оборота, посвящена работа: *Ayres I. Optional Law: the Structure of Legal Entitlements. Chicago, London, 2005.* Во многом все подобные рассуждения, ставящие под сомнение принцип «*facta sunt servanda*», восходят к идее О.У. Холмса о том, что обязанность следовать договору в общем праве означает обязанность возместить убытки контрагенту в случае нарушения договора, и ничего более. См.: *Holmes O.W. The Path of the Law // Harvard Law Review. 1897. Vol. 10. P. 462.*

отношений это заметно лучше всего: наивно полагать, что изменение и дополнение правил, регулирующих тот или иной договор, может радикально облегчить коммерческую деятельность и повысить ее активность. Ряд социологических исследований показывает, что влияние правовых норм на бизнес достаточно ограничено. Как отмечают некоторые теоретики, за пределами тех исключительных случаев, когда конфликт между сторонами договора переходит в судебную стадию, правовые нормы «иррелевантны»⁴⁶. Если попытаться затронуть самые фундаментальные основы теории права, то можно сказать, что перед нами атака на восходящую к Т. Гоббсу идею о том, что мирное сосуществование людей в обществе и упорядоченная жизнь в социуме невозможны без государства и права⁴⁷.

И государство, и право, безусловно, важны, но необходимо учитывать, что большинство проблем между контрагентами разрешается при помощи других средств, которые непосредственно к праву имеют очень отдаленное отношение. Можно вспомнить известные слова О.У. Холмса о том, что право в фокусе внимания должно держать человека аморального, с низкими этическими стандартами, а люди честные справятся сами, без привлечения юридических средств⁴⁸. Нельзя недооценивать способность участников оборота к самоорганизации и саморегуляции. Довольно убедительным подтверждением здесь служит, например, мизерная доля договоров, которые предстают перед судом, от их общего числа⁴⁹, а также ряд преференций, которые предоставляют сильные стороны соглашений менее искушенным контрагентам для поддержания своей репутации и улучшения имиджа даже при отсутствии соответствующих юридических обязанностей (например, в виде замены поставщиком некачественного товара при отсутствии ответственности за брак, значительное переделывание исполнителем результата услуг без доплаты со стороны заказчика,

⁴⁶ Ayres I. *Optional Law: the Structure of Legal Entitlements*. Chicago, London, 2005. P. 71. Там же см. ссылки на соответствующие исследования, начиная с этой работы, принадлежащей перу главы так называемой «школы смерти контракта»: *Gilmore G. The Death of Contract*. Columbus, 1974.

⁴⁷ См.: *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Сочинения в 2 томах. Т. 2. М., 1991. С. 93-98.

⁴⁸ Об этой идее, известной как теория «плохого человека», см.: *Holmes O.W. The Path of the Law* // *Harvard Law Review*. 1897. Vol. 10. P. 457-478.

⁴⁹ См.: *Morgan J. Contract Law Minimalism. A Formalist Restatement of Commercial Contract Law*. New York, 2013. P. 71.

возврат продавцом денег покупателю за товар и т.п.). В конце концов, бизнес в первую очередь развивается не специалистами в области права, а собственно предпринимателями; если бы роль юриспруденции была бы первостепенной, то и лидерами бизнеса были бы юристы, а не бизнесмены и коммерсанты.

Несмотря на некоторое преувеличение, со многим из этого следует согласиться. Сперва заметим, что ряд правил, которые последователями школы смерти контракта обозначается внеправовыми социальными нормами, значительное число теоретиков права⁵⁰ относит к правовым нормам так же, как нормы, которые можно подчерпнуть в привычных источниках – в законах, судебных прецедентах, обычаях и т.д. Следовательно, эти «социальные нормы» не могут быть однозначно выведены за пределы правового поля. Добавим также, что малое количество договоров, попадающих на рассмотрение судом, далеко не полностью объясняется ограниченной ролью юриспруденции в предпринимательских отношениях, ведь в значительном количестве случаев как раз положения договора вместе с применимыми нормами обязательственного права являются надежным сдерживающим фактором на пути перерастания контрактного разногласия в судебный спор. Но основная мысль о стремлении к экономии нормативного материала и повышению его эффективности в области договорного права («контрактный минимализм») верна.

Необходимо также учитывать, что законодателю свойственно переоценивать свои способности конструировать идеальное для участника оборота соглашение, хотя бы из-за того, абстрактная фигура законодателя зачастую страдает от противоречий, связанных с борьбой различных лоббистских групп и политических партий. Думается, сместить фокус на более общие вопросы обязательственного права, на генерализацию разрозненных относительных отношений для законодателя было бы эффективнее. Такой подход в меньшей степени подвержен влиянию сиюминутных интересов различных групп, оказывающих влияние на законодательный процесс.

⁵⁰ Прежде всего здесь имеются в виду Е. Эрлих с его концепцией свободного права, а также другие теоретики, относимые к течению социологической юриспруденции. Об этом течении см., например: История политических и правовых учений / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 1996. С. 677-683 (автор главы – В.Г. Графский).

Рассуждения сторонников контрактного минимализма ведут не к бедности нормативного материала, что важно подчеркнуть, а к его рациональному формированию и использованию. В контексте настоящей работы можно сказать, что стремиться нужно не к бесконечному дополнению правил об отдельных соглашениях, но к их обобщению, а в идеале – к выявлению правил, применимых к тому или иному общественному отношению в силу его имманентных свойств. Так, например, во многих кодексах появилось общее учение о владении, о денежных обязательствах, об ответственности за нарушение обязательства по передаче индивидуально-определенной вещи; надеемся, что в будущем благодаря этому подходу в общей части будут появляться и другие подобные конструкции.

Доминирование изложения правил, касающихся обязательств, через их привязку к различным договорам видно также и в наднациональных актах, в том числе и в тех из них, на которые ориентировались составители ГК РФ. Для иллюстрации возьмем Принципы, определения и модельные правила европейского частного права⁵¹. Актуальность примера подчеркивается смыслом и назначением этого документа: на основе его вводной части можно сделать вывод, что одной из основных целей был поиск общих основ в европейских кодификациях частного права. Эту задачу можно было решать двумя путями.

Первый состоит в поиске общих основ тех частноправовых институтов, которые есть во всех правовых системах. Надежным фундаментом в области относительных правоотношений могли бы быть элементарные обязательства, в центре которых находятся основные объекты – вещи, услуги, информация и т.д.

Почему именно эти правоотношения? Объяснение сводится к их элементарности, простоте. Эти свойства означают, что с очень высокой степенью вероятности они будут рассматриваться любым правопорядком одинаково, так как здесь нет простора для законодательного творчества. Обязательство по передаче вещей в любом случае будет состоять из адресованного должнику права

⁵¹ Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law Draft Common Frame of Reference / Ed. by C. von Bar, E. Clive, H. Schulte-Nölke, H. Beale, J. Herre, J. Huet, P. Schlechtriem, M. Storme, S. Swann, P. Varul, A. Veneziano and F. Zoll.

Источник:
https://www.ccbe.eu/fileadmin/speciality_distribution/public/documents/EUROPEAN_PRIVATE_LAW/EN_EPL_20100107_Principles_definitions_and_model_rules_of_European_private_law_-_Draft_Common_Frame_of_Reference_DCFR_.pdf; дата обращения: 06.02.2021. Далее – DCFR.

требования по передаче вещи кредитору. И базовый результат исполнения обязательства (имеется в виду результат, которые наступит при исполнении любого подобного обязательства) не зависит ни от усмотрения законодателя, ни от усмотрения сторон, – он всегда приведет к переходу господства над вещью от должника к кредитору. Эту мысль можно продолжить⁵², однако уже сейчас понятно, что после выявления таких основ появляется возможность обрисовать «скелет», общий для всех частноправовых систем⁵³. Общим он будет потому, что состоит из элементов, не поддающихся воздействию со стороны законов и участников оборота в силу их естественности, то есть по причине порождения самой социальной практикой. И уже на этот «скелет» можно было бы наращивать «плоть» тех или иных особенностей, присущих разным европейским правовым порядкам.

Составители DCFR избрали другой путь – изложение правового материала следует логике гражданского кодекса, построенного по пандектной системе. Обязательственное право в его особенной части излагается через привязку к юридическим фактам, то есть исходя из инструментального подхода. Этот документ, таким образом, отталкивается не от самих правоотношений, а скорее от норм и систематики кодексов. Последствия такого решения хорошо видны на примере обязательств по передаче вещей, возникающих из самых разных оснований: правила, затрагивающие эту разновидность относительных правоотношений, рассредоточены по самым разным разделам DCFR, начиная от общей части, заканчивая различными договорами. Между тем, эти нормы зачастую являются аналогами друг друга, даже если применяются к разным договорам. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить регулирование качества продаваемой вещи (ст. IV.A.–2:302) и требования к свойствам предмета аренды

⁵² Её развитию в значительной степени посвящена данная работа.

⁵³ Правовые системы, относимые к семейству *common law* тоже основываются на этих предпосылках. Объяснение здесь точно такое же: они выражают повседневную хозяйственную деятельность общества, которая в своей основе не меняется от страны к стране. Следует лишь иметь в виду, что в этих правовых системах поиск будет затруднен, хотя бы в силу отсутствия гражданских кодексов с развитой общей частью или, как минимум, с набором концептуальных норм, охватывающих обширные области имущественных отношений, не сводимые только к отдельным, узким сферам оборота (оговоримся, что и в этих правовых порядках, конечно, встречаются более или менее систематизированные законы, тяготеющие к кодифицированным актам, вроде *Sale of Goods Act 1979*, действующий в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии). Эти нормы, как правило, и выражают фундаментальные основы общественной жизни. Примером здесь может служить определение обязательства и его ключевые характеристики.

(ст. IV.B.–3:103). Сходство (даже на уровне формулировок) обусловлено, во-первых, идентичной основой этих институтов – обязательством по передаче вещей и, во-вторых, переходом к новому владельцу субправомочия пользования⁵⁴ объектом обязательства. Об этом подробнее будет сказано далее при более детальном разборе обязательства по передаче вещей.

Исключением среди довольно многочисленных на сегодняшний день актов международной частноправовой унификации являются Принципы действующего договорного права ЕС, разработанные Исследовательской группой европейского частного права и известные под сокращенным названием «Принципы Акьюз» (Acquis Principles или, в форме аббревиатуры, ACQP). Самой примечательной для настоящего исследования чертой этого документа является новаторский подход к изложению принципов. Этот особый метод стал известен как «парижская структура» или «зеркальная структура». Считается, что он совмещает в себе привязку к тем или иным проблемным местам, характерную для существующего европейского частного права, с более «пандектной» организацией текста документа⁵⁵.

Как указано в предисловии ко второй редакции этого документа (известной как «Contract II»), «отдельные главы – “Преддоговорные обязанности” (глава 2), “Содержание и исполнение обязательств” (глава 7) или “Средства правовой защиты” (глава 8) делятся на два отдела. Первая часть этих отделов содержит “Общие положения”... В противоположность этому, второй (новый) отдел упомянутых выше глав содержит ряд “Специальных положений”, которые рассчитаны на особые нужды в конкретных специфических ситуациях, вроде, например, преддоговорной обязанности информировать потребителя туристического продукта о таких его деталях, как режим питания [статья 2:E-01(2)(a)(iii) ACQP], и поэтому могут рассматриваться как исключения из общих

⁵⁴ Следует согласиться с теми исследователями, которые предлагают квалифицировать знаменитую «триаду» именно в качестве субправомочий. См., к примеру: Крашенинников Е.А. Структура субъективного права и право на защиту // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль, 1979. Вып. 4. С. 4; Тархов В.А. Гражданское правоотношение. Уфа, 1993. С. 37.

⁵⁵ См.: The Max Planck Encyclopedia of European Private Law / Ed. by J. Basedow, K.J. Hopt, R. Zimmermann with A. Stier. Oxford, 2012. P. 11 (авторы соответствующей статьи – H.C. Grigoleit, L. Tomasic); The Foundations of European Private Law / Ed. by R. Brownsword, H-W. Micklitz, S. Weatherill. Oxford and Portland, Oregon, 2011. P. 560 (автор главы – F. Zoll).

положений»⁵⁶. Такой подход был справедливо охарактеризован как «инновационный»⁵⁷. В контексте настоящей работы новизна заключается в принципиальном фокусе на генерализацию нормативного материала частного права. Частное право, что очень важно, предстает как набор фундаментальных положений, из которых имеются исключения. Так, например, раздел 2 главы 2 Принципов Акюз устанавливает общие правила преддоговорной ответственности, а ст. 2:Е-01 в этой же главе предусматривает конкретные особенности применения этих общих правил к отдельному соглашению – договору о туристическом продукте.

Можно сказать, что перед нами современное, сильно эволюционировавшее выражение того взгляда на частное право, которое стоит за приведенным выше определением обязательства, принадлежащим Юлию Павлу, – взгляда, стремящегося найти в многообразии частных правоотношений и в их массивном регулировании простейшие, фундаментальные явления, чтобы на этой основе построить систему особенностей применения выделенных и сформулированных принципов. Пример Принципов Акюз позволяет предположить, что логическим завершением (очевидно, утопическим на сегодняшний день) данного подхода был бы такой акт, где исчерпывающий набор общих положений описывал бы частное право в его чистом виде, а исключения из каждого такого общего положения или определенные особенности его применения в контексте конкретного института составляли бы ограничения, необходимые в современных социальных условиях для защиты слабой стороны частного правоотношения. Этот взгляд противостоит подходу, который берет за основу уже готовые сложные формы юридической практики, но пока уступает ему лидирующие позиции в системах различных кодексов и документов, относимых к *soft law*.

Тот *modus operandi*, который позволил Юлию Павлу сформулировать знаменитую дефиницию обязательства, дал интересные всходы на почве

⁵⁶ Приводится по: *Белов В.А.* Принципы действующего договорного права Европейского Союза (Принципы Акюз [ACQP]) – 2009: вводный комментарий, научно-практическое значение, русский перевод // Правоведение. 2016. № 2. С. 126-127.

⁵⁷ См.: *Белов В.А.* Принципы действующего договорного права Европейского Союза (Принципы Акюз [ACQP]) – 2009: вводный комментарий, научно-практическое значение, русский перевод // Правоведение. 2016. № 2. С. 127.

французской цивилистики. Речь идет о теории противопоставления друг другу обязательств по приложению усилий и обязательств по достижению результата⁵⁸.

Объект обязательства по приложению усилий выражается в максимальном усердии должника, направленном на удовлетворение конкретного интереса кредитора. Если же речь идет об обязательствах по достижению результата, то здесь объект приобретает значительно более конкретные черты и становится четко определенной целью. Во втором случае одной лишь направленности усилий обязанной стороны и их максимального в разумных пределах напряжения недостаточно: достижение поставленной кредитором цели является обязанностью должника. Обоснованность этого разделения видна не только из того, что оно постоянно принимается во внимание в судебной практике на протяжении почти ста лет, но также и тем, что оно вошло в некоторые документы, имеющие наднациональный характер⁵⁹.

Это первоначально разработанное французским цивилистом Р. Демогом разделение, составившее суть опубликованной в 1928 г. теории, базируется лишь на двух статьях ФГК – 1137 и 1147. Первая из них говорит о влиянии добросовестности и внешних причин (случая, непреодолимой силы) на обязанность должника возместить причиненные дефектами исполнения обязательств убытки; вторая – о значительно более частной гражданско-правовой связи между двумя лицами, направленной на обеспечение сохранности вещи,

⁵⁸ О ней см.: *Акифьева А.А.* Развитие теории о делении обязательств на обязательства по приложению усилий и достижению результата во французской доктрине гражданского права // Вестник гражданского права. 2015. № 3. С. 238-278.

См. также краткое, но весьма красноречивое изложение истории этой концепции французского обязательственного права в трудах, последовательно, А. Мазо, Э.Д. Глассона, Р. Демого, М. Мортонна, А. Капитана и П. Эсмана: *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. Т. 2. М., 2012. С. 112-114. Красноречивость заключается в том, что поиски характеристик, объясняющих разницу в правах и обязанностях сторон обеих разновидностей относительных правоотношений, велись цивилистами в области рядом с основаниями обязательств, игнорируя при этом их объект. Зададимся вопросом: насколько это оправдано? Не в этом ли одна из причин значительного разброса во мнениях среди упомянутых ученых? Практически все содержание настоящей работы призвано показать неполноту почти любой обязательственной концепции, если она не принимает во внимание средоточие интереса кредитора – объект права требования и корреспондирующей ему обязанности.

⁵⁹ См., например, ст. IV.C.-2:106 DCFR, ст. 5.1.4 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 г. Предложения о закреплении этих двух разновидностей обязательства в российском гражданском законодательстве можно обнаружить и в «Концепции совершенствования общих положений обязательственного права России» (утверждена протоколом № 66 от 26 января 2009 г. Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства; далее – Концепция совершенствования общих положений обязательственного права России). См., к примеру, п. 2.3. раздела VII «Общие положения о договоре. Заключение договора» этого документа.

которая была вверена должнику. При этом во втором случае должник обязан проявить себя при исполнении обязанности как «рачительный и заботливый глава семейства».

Как видно, ни одна из указанных норм никак не касается классификации обязательств, однако французская доктрина и судебная практика выстроили на их основе (точнее, на бросающемся в глаза противоречии в их содержании) целую концепцию, практический смысл которой заключается прежде всего в распределении бремени доказывания в случае нарушения обязательств. Если речь идет об обязательстве по приложению усилий, то здесь недобросовестность должника доказывает кредитор, тогда как в обязательстве по достижению результата обосновать свою добросовестность должна обязанная сторона через ссылку на оправдывающие ее внешние обстоятельства.

Несмотря на дискуссионность описанного противопоставления, во французской литературе встречаются указания на то, что оно применимо не ко всем обязательствам вообще, а лишь к обязательству типа «*facere*», в центре которого стоит обязанность должника сделать что-либо (в отличие от, к примеру, обязанности предоставить что-либо), иначе говоря, к обязательствам по оказанию услуг⁶⁰. С этим трудно не согласиться: ни одно другое обязательство из числа простейших, элементарных относительных правоотношений, перечень которых будет дан ниже, не предполагает возможности столь большого разброса в описании своего содержания, как обязательство по оказанию услуг. Напротив, обязательства типа «*dare*», подразумевающие передачу должником вещей, никак не могут сводиться к приложению лишь некоторых усилий со стороны должника, – это противоречит самой природе данного правоотношения. Несколько забегаю вперед, заметим, что ценность предложенного во Франции разделения обязательств по оказанию услуг в контексте данной работы подчеркивается не только фокусом на простейшие относительные правоотношения, их классификацию, но и тем, что оно основано на свойствах их объекта⁶¹, – именно

⁶⁰ См.: *Акифьева А.А.* Развитие теории о делении обязательств на обязательства по приложению усилий и достижению результата во французской доктрине гражданского права // Вестник гражданского права. 2015. № 3. С. 241.

⁶¹ Несмотря на то, что проблема обязательств по оказанию услуг лишь отдаленно связана с темой данной работы, некоторые наблюдения в этой области гражданского права могут быть полезными и в контексте

они в конечном итоге определяют различия в правовом режиме этих правоотношений. На аналогичной основе построена и настоящая работа.

Российский законодатель, как можно заметить, следует в фарватере тех же тенденций, что и составители большинства наднациональных актов (примером которых служит упомянутый выше DCFR), обобщающих достижения разных правовых порядков в области частного права.

Таким образом, можно заключить: со времен римского права основным принципом изложения норм обязательственного права является тесная, предопределяющая связь юридических фактов и возникающих из них правоотношений. Однако истории частного права и его теории известен и иной подход, который во главу угла ставит отдельные простейшие юридические отношения, изолированные от породивших их юридических фактов и несводимые к ним. Их углубленное изучение позволит ослабить кажущееся единство обязательства и основания его возникновения.

§2. Развитие системы обязательств в кодификациях российского гражданского права

Обратимся к истории гражданского законодательства в России, начиная с проекта Гражданского уложения Российской империи, чтобы понять, как развивался подход к изложению норм обязательственного права в контексте их взаимосвязи с договорами и прочими юридическими фактами.

Упомянутый проект особо примечателен для настоящей работы тем, что сопровождается обстоятельным комментарием его составителей. Эти пояснения дают возможность понять, чем руководствуются разработчики кодекса при

настоящего исследования. Думается, весьма уместен вопрос о том, ко всем ли обязательствам об оказании услуг применимо указанное разделение? Рискнем предположить, что не ко всем: трудно представить себе, к примеру, обязательство по совершению в пользу кредитора сугубо юридических действий (в частности, сделок), для исполнения которого было бы достаточно лишь максимальных усилий обязанной стороны. По всей видимости, противопоставлять «усилия» и «результат усилий» имеет смысл только в рамках тех услуг, которые, во-первых, не сопряжены с созданием материального, «вещного» результата по образцу подряда и, во-вторых, заключаются в совершении действий, которые сами по себе юридического значения не имеют (таковы, например, медицинские, консультационные услуги и т.п.). Нельзя, впрочем, не заметить, что вопрос о систематизации обязательств по оказанию услуг заслуживает отдельного подробного исследования. Об авторском видении системы обязательств и месте услуг в этой системе см.: *Блинковский К.А.* Система обязательств // *Практика применения общих положений об обязательствах* / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2011. С. 6-51.

изложении норм особенной части обязательственного права. Интересно проанализировать, как они объясняют то, что в этой части закон принял такую форму, а не иную.

Сперва заметим, что проект Гражданского уложения Российской империи следует привычной для современного российского гражданского права схеме «обязательства в связке с юридическими фактами; приоритет – договорам». Впрочем, рассмотрение того, какое именно воплощение эта схема получила в проекте, и сравнение результата, например, с действующим российским кодексом позволяет сделать некоторые интересные для настоящего исследования выводы.

Особенная часть обязательственного права в проекте Гражданского Уложения выглядит достаточно привычно для современного российского юриста в своей первой половине, завершающейся транспортными соглашениями, однако во второй части имеется достаточно существенное своеобразие. Проект излагает правила о договорах, начиная с купли-продажи через примыкающие к ней запродажу, мену, дарение, затем переходя к аренде и ее безвозмездному аналогу – ссуде, после которых идут заем, группа соглашений, связанных со сферой услуг (хранение, личный наем, подряд, перевозка), «представительские» институты доверенности и комиссии, «расчетные» гражданско-правовые инструменты в виде векселя, переводного письма, чеков и бумаг на предъявителя, юридические отношения, возникающие между товарищами (в самом широком смысле, включая, в частности, акционерные отношения) и участниками благотворительных обществ. За ними следуют страхование, договор ренты, обязательства, связанные с лотереями, играми, после которых расположено поручительство. В конце особенной части обязательственного права находятся правила о мировых сделках и внедоговорные обязательства из публичного обещания награды, ведения чужих дел без поручения, кондикции и деликтов.

Составители проекта отмечают, что в вопросе системы изложения различных обязательств очень высока доля преимущества по отношению к действовавшему на тот момент законодательству – т. X ч. 1 Свода законов

Российской империи⁶². Как и указанный том Свода законов, проект Гражданского уложения Российской империи в изложении норм придерживается приоритета оснований обязательств, а не самих обязательств, что дополнительно обосновывается «бóльшей ясностью и определенностью, доступность для понимания всех, кто обращается к тексту закона, а не только лишь одних юристов, и, наконец, простота и практичность нормативного материала уложения⁶³. Схожим образом комментируют составители проекта и расположение правил о купле-продаже: они объясняют их первое место в ряду глав, посвященных разновидностям обязательств, потребностями общегражданского, а потом и торгового быта⁶⁴. Иными словами, поскольку к этой договорной конструкции участники оборота обращаются чаще всего, то было бы верно расположить его в начале особенной части обязательственного права проекта.

Итак, практичность и доступность текста непрофессионалу, обывателю, – эти причины являются одним из основных, если не решающим фактором, который заставляет законодателя отдавать приоритет договорам и иным юридическим фактам при изложении обязательственного права. Законодатель таким образом пытается подстроиться под мышление среднего гражданина, не являющегося ни коммерсантом, ни предпринимателем, ни тем более юристом⁶⁵.

⁶² См.: Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения с объяснениями. Кн. 5. Т. I. СПб., 1899. С. XLVIII.

⁶³ См.: Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения с объяснениями. Кн. 5. Т. I. СПб., 1899. С. XLVIII-XLIX.

⁶⁴ См.: Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения с объяснениями. Кн. 5. Т. I. СПб., 1899. С. 24.

⁶⁵ Такой вывод следует из подготовительных материалов проекта Гражданского уложения Российской империи. Примечательно, однако, что даже в тех случаях, когда задачу по упрощению подачи обязательственно-правового материала разработчики кодекса перед собой не видят, результат получается примерно таким же. Так случилось в Германской империи, когда готовился проект Германского гражданского уложения (*Bürgerliches Gesetzbuch*; далее – ГГУ). Этот акт не замыслился как максимально доступный даже для самого неискушенного читателя. Наоборот, ГГУ – это прежде всего продукт ученой мысли. Подтверждением этому может служить характеристика, данная О. Бэрмом (высокопоставленным германским судебным чиновником) первому проекту этого закона, – «маленький Виндшейд». Это прозвище должно было подчеркнуть близость проекта к науке, хоть и в изложении учебника за авторством Б. Виндшейда. Тем не менее в области систематики обязательств он ничего неожиданного не породил: соответствующие правила традиционно излагались исходя из оснований возникновения относительных правоотношений, – точно так же, как это делал в своих трудах Б. Виндшейд. Новый, второй, проект, ставший впоследствии законом, в этой части тоже ничего революционного не произвел. План особенной части обязательственного права остался в целом прежним. Подробнее о работе над ГГУ см.: *Бернгейт Ф.* Гражданское уложение Германской империи в процессе его образования. СПб., 1910; *Савельев В.А.* Германское гражданское уложение. М., 1983.

На этом примере видно яркое проявление сугубо инструментального подхода⁶⁶ к позитивному гражданскому праву: ведь средний, «массовый» участник гражданского оборота не разделяет обязательства и договор, а воспринимает их как нечто целое, как гомогенный инструмент для достижения определенной хозяйственной цели. Поэтому в законе важно опираться именно на эту совокупность; ее в первую очередь будет принимать во внимание непрофессиональный участник оборота, обратившись к тексту закона.

Общий подход к изложению норм об обязательствах был практически без изменений перенесен в первый отечественный кодекс – утвержденный Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 11 ноября 1922 г. Гражданский кодекс РСФСР⁶⁷ (далее – ГК РСФСР 1922 г.). Несмотря на то, что количество институтов договорного и обязательственного права значительно сократилось, тем не менее сама схема изложения отдельных соглашений и возникающих из них прав и обязанностей похожа на проект Гражданского уложения Российской империи⁶⁸: от перенесенной на первое место по политическим и экономическим соображениям аренды, купли-продажи и мены к займу, подряду, поручительству, за которым следуют поручение, доверенность, товарищества (включая нормы о юридических лицах – корпоративное право), страхование, неосновательное обогащение и деликты.

На фоне своего предшественника следующий кодекс советского периода развития гражданского права – Гражданский кодекс РСФСР, утвержденный Верховным советом РСФСР 11 июня 1964 г.⁶⁹ (далее – ГК РСФСР 1964 г.), – значительно ближе подошел к современному ГК РФ. Он излагал правила об отдельных разновидностях обязательств в следующем порядке: от купли-продажи с примыкавшими к ней меной, дарением, поставкой и контрактацией, за которыми шли заем, договорные формы использования вещей (аренда, наем жилья и ссуда),

⁶⁶ Подробнее об этом подходе и соответствующей ему тенденции в развитии гражданского законодательства будет сказано ниже на страницах данной работы.

⁶⁷ Собрание узаконений РСФСР, 1922, № 71, ст. 904; Известия ВЦИК, № 256, 12.11.1922.

⁶⁸ В этом нет случайности: достаточно широко известно, что в работе над первым советским гражданским кодексом материал проекта Гражданского уложения Российской империи использовались весьма широко. О преемственности в российских кодификациях гражданского права см., к примеру: *Маковский А.Л.* Code Civil Франции и кодификация гражданского права в России (связи в прошлом, проблемы влияния и совершенствования) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2005. № 2. С. 137-148.

⁶⁹ Ведомости ВС РСФСР, 1964, № 24, ст. 407.

две разновидности подряда («обычный» и связанный с капитальным строительством) и перевозка, к государственному страхованию, расчетным и кредитным отношениям, посредническим договорам поручения и комиссии, хранению, простому товариществу и конкурсу. В конце находятся внедоговорные деликтные и кондикционные обязательства и, – специфика ГК РСФСР 1964 г., – обязательства, возникающие вследствие спасения социалистического имущества.

Подход к изложению обязательств, принятый современным ГК РФ, можно назвать продолжением системы предыдущей кодификации 1964 г.⁷⁰ с введением в кодекс значительно большего количества новых договорных конструкций для более полного удовлетворения потребностей новой, рыночной экономики. ГК РФ также начинает изложение обязательств в своей второй части с купли-продажи, включая ее подвиды, дарения, ренты и пожизненного содержания, переходя к использованию имущества (аренда, включая наем жилья, ссуда), подряду, обязательствам в научной, конструкторской и технологической сферах, услугам, транспортным соглашениями, кредитным, банковским и расчетным обязательствам, после которых идут хранение, группа «посреднических» обязательств (поручение, комиссия, агентирование, а также примыкающее к ним доверительное управление) вместе с классическим институтом *negotiorum gestio*. Затем следуют коммерческая концессия, простое товарищество, публичное обещание награды, публичный конкурс, обязательства, связанные с играми и пари, а также внедоговорные обязанности и права требования в рамках деликтных и кондикционных отношений.

Этот беглый обзор развития особенной части обязательственного права в российских кодификациях позволяет сделать ряд наблюдений, полезных для любого исследования относительных правоотношений.

Прежде всего, нельзя не заметить, что в особенной части обязательственного права проекта Гражданского уложения Российской империи есть несколько

⁷⁰ Строго говоря, последней кодификацией гражданского законодательства перед ныне применяемым ГК РФ следует считать Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик, утвержденные Верховным Советом СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1 (Ведомости СНД и ВС СССР, 26.06.1991, № 26, ст. 733). Однако, поскольку современный ГК РФ можно считать ближайшим последователем этого акта, весьма значительно расширившим и детализировавшим регулирование имущественных и связанных с ними неимущественных отношений, Основы гражданского законодательства Союза ССР в настоящей работе можно опустить.

гражданско-правовых институтов, которые в последующих кодификациях занимали совершенно иное место, – некоторые из них покидали особенную часть закона, перемещаясь в общие положения. И это обстоятельство, думается, весьма симптоматично.

В качестве примера можно указать на целый ряд ценных бумаг, которые оказались среди договоров, в то время как в современном российском кодексе соответствующие им нормы практически полностью сосредоточены в главе 7 «Ценные бумаги». Разумеется, бессмысленно отрицать, что ценные бумаги тесно связаны с обязательствами⁷¹, однако это не отменяет главного: они являются объектами гражданских прав, относимыми к категории вещей.

Тенденция по последовательному противопоставлению друг другу обязательств и их объектов подтверждается также и тем, что она до сих пор не достигла своей конечной цели – полного размежевания относительных правоотношений и ценных бумаг, чью передачу они оформляют. В ГК РФ, несмотря на наличие в общей части специальной главы «Ценные бумаги», правила о разных видах этих своеобразных документов рассредоточены по нескольким разделам. Так, к примеру, с правилами о складских свидетельствах (ст. 912-917) можно ознакомиться в главе 47, а с некоторыми нормами о векселях и облигациях (ст. 815-816) – в главе 42. Чем обусловлен такой разрыв? Скорее всего, экономической, хозяйственной логикой: коль скоро речь идет о кредитных отношениях, которые часто принимают вексельную форму, то и описывать их правовой режим (или, как минимум, упомянуть его) следует вместе с кредитом; если же имеется в виду профессиональное хранение, то и описать этот институт нужно во всех

⁷¹ В качестве подтверждающего примера можно вспомнить, где расположена посвященная векселям ст. 815 ГК РФ, – в главе «Заем и кредит». Вряд ли сейчас можно привести убедительные доводы для обоснования такого расположения данной статьи. Не поможет здесь и указание С.А. Хохлова на то, что ГК РФ тем самым показывает, что вексель и облигация (ст. 816) оформляют заемные отношения (Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть вторая) // Под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. СПС «КонсультантПлюс» (автор главы – С.А. Хохлов)). Думается, было бы правильнее сказать, что и заем, и вексель, и облигация основываются на денежном обязательстве, ряд принципиальных характеристик которого регулируется правилами главы 42 ГК РФ. Иными словами, тезис «вексель и облигация выражают собой специфические заемные отношения» следовало бы трансформировать в иное утверждение: «Заем, вексель и облигация являются гражданско-правовыми институтами, стержнем которых является простейшее денежное обязательство».

Вопрос о расположении данных норм в системе ГК РФ тем более актуален ввиду идущей реформы ГК РФ, в рамках которой была углублена и развита система норм о ценных бумагах в седьмой главе этого закона «Ценные бумаги».

подробностях, включая роль складских свидетельств. Напротив, логика сугубо юридическая требует иного метода, основывающегося на дифференциации принципиально различных правовых явлений. В соответствии с ним основывающиеся на общих принципах правила о ценных бумагах как об особых вещах-документах должны быть собраны в одном месте кодекса, а нормы о правах и обязанностях сторон договора, то есть нормы о правоотношениях, – в другом месте.

Помимо ценных бумаг – объектов гражданских прав, которые сегодня занимают совсем иную нишу в кодексе, обращают на себя внимание также и нормы о доверенности. На протяжении четырех кодификаций гражданского права они претерпели значительную трансформацию с точки зрения своего расположения в тексте закона. В проекте Гражданского уложения Российской империи они заняли место в особенной части гражданского права; в целом аналогичный подход к соответствующим отношениям продемонстрировали и архитекторы кодификации 1922 г. Однако уже в кодексе 1964 г. ситуация меняется: появляется специальная глава четвертая в общей части, которая называется «Представительство и доверенность». Следующий за ним ГК РФ также отвел соответствующим нормам место в десятой главе с почти идентичным наименованием.

При анализе этих изменений важно иметь в виду, что сердцевину главы десятой ГК РФ и четвертой главы ГК РСФСР 1964 г. составляют не столько правила о доверенности, сколько регулирование особых отношений представительства. Они хоть и связаны с доверенностью, но, конечно, к ней отнюдь не сводятся. Отменить сказанное не может даже то обстоятельство, что доверенностью в проекте Гражданского уложения Российской империи назван договор поручения⁷². В общей части проекта, впрочем, имеется отдельная пятая глава с некоторыми общими положениями, касающимися представительства, однако связанные с ними вопросы доверенности, а также некоторые детали собственно представительства

⁷² См.: Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения с объяснениями. Кн. 5. Т. III. СПб., 1899. С. 1-2. См., кроме того, комментарии к ст. 225-229 проекта, где также обсуждается вопрос об определении места некоторых правил о представительстве в общей либо в особенной части закона: Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения с объяснениями. Кн. 1. СПб., 1899. С. 461.

были от них искусственно отделены составителями проекта ради более полной регламентации договора доверенности.

Доверенность, таким образом, была обозначена в качестве соглашения, а не «письменного уполномочия»⁷³, как это имеет место в п. 1 ст. 185 ГК РФ. Самое главное здесь то, что очень значительная часть норм, имеющих значение для практически всего гражданского права и несомненно заслуживающих места в его общей части, была помещена в раздел об отдельных разновидностях договоров. В определенной степени это осознавали и сами составители проекта⁷⁴, однако понадобилось более полувека, чтобы в ГК РСФСР 1964 г. нормы о представительстве были, наконец, генерализированы в общей части кодекса. Это новшество в системе кодекса ознаменовало собой четкое размежевание двух групп гражданско-правовых отношений: во-первых, вопросов полномочия, связанных с динамической, меняющейся частью правоспособности уполномоченного лица⁷⁵, вместе с примыкающими к ним аспектами доказывания этого полномочия посредством доверенности и, во-вторых, обязательств, связывающих между собой стороны особой сделки – договора поручения.

Любопытно также обратить внимание на эволюцию норм о существенном изменении обстоятельств, которые выражают один из базовых принципов современного договорного права «*clausula rebus sic stantibus*». Они хоть и являются сейчас неотъемлемой составной частью общих положений об обязательствах, ранее обладали совершенно иным статусом. Комиссия, работавшая над проектом Гражданского уложения, отмечала необходимость и полезность внедрения в российское право этого института, но делала это применительно только лишь к

⁷³ Проект Гражданского уложения подвергался в этой части критике. В частности, комментаторы проекта отмечали, что в части вопросов представительства и доверенности составители не учли недавние на тот момент достижения зарубежной науки, где эти понятия подверглись последовательному размежеванию. См.: *Таль Л.С.* Договор доверенности или поручения в проекте Гражданского уложения // *Право. Еженедельная юридическая газета.* №№ 1–52. СПб, 1911. С. 737 и след. Заметим также, что недостаточная неопределенность в соотношении терминов «доверенность», «полномочие» и «уполномочие» были характерны и для более поздних этапов развития теории гражданского права в России. См.: *Рясенцев В.А.* Представительство в советском гражданском праве. Дис. ... д-ра юрид. наук. Т. 1. М., 1948. С. 29-32.

⁷⁴ См.: *Таль Л.С.* Договор доверенности или поручения в проекте Гражданского уложения // *Право. Еженедельная юридическая газета.* №№ 1–52. СПб, 1911. С. 5 и след.

⁷⁵ О концепции динамической правоспособности см.: *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву // *Избранные труды по гражданскому праву.* Т. 2. М., 2012. С. 104-105.

подрядным отношениям⁷⁶. Следы частного применения принципа неизменности обстоятельств можно и сейчас обнаружить в п. 5 и п. 6 ст. 709 ГК РФ⁷⁷. Однако в общую часть проекта он внедрен не был.

Несмотря на то, что в единичных делах, рассмотренных Правительствующим Сенатом, применение правила о неизменности обстоятельств все же встречалось⁷⁸, в полный голос эта концепция заявила о себе в период Первой мировой войны, свидетельством чего является целый ряд публикаций о влиянии чрезвычайных условий войны на имущественный оборот⁷⁹. В советский период развития гражданского права она встречала в целом единодушный скепсис со стороны доктрины⁸⁰ и нашла свое полное признание лишь в ГК РФ. Нельзя не отметить довольно прихотливую траекторию движения правил, составляющих рассматриваемый принцип: из частной проблемы взаимоотношений подрядчика и заказчика в общую часть обязательственного права.

Здесь напрашивается умозаключение о предвидении обобщений частных, конкретных (можно даже сказать «ad hoc») правил как об одной из ключевых задач законодателя-кодификатора и теории гражданского права, которая должна в этом вопросе быть основной опорой реформатора гражданского кодекса. Приведенные выше примеры показывают, что важнейшие обобщения, размежевания институтов и последовательные противопоставления друг другу гражданско-правовых институтов чаще всего складываются стихийно по следующему «маршруту»: «от частных правил к судебной практике, а через нее к закреплению общей нормы в общей части закона». Стихийно и, следовательно, медленно. Думается, предвосхищение этого пути и более раннее введение общего правила в закон будет способствовать гармонизации и балансировке законодательства. Такова должна

⁷⁶ См.: Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения с объяснениями. Кн. 5. Т. II. СПб., 1899. С. 426-428.

⁷⁷ Остается открытым вопрос о том, почему конкретизацию принципа «*clausula rebus sic stantibus*» можно обнаружить только в главе о договоре подряда? Разве ошибки в прогнозе, подобные описанным в п. 5 и п. 6 ст. 709 ГК РФ, не могут случиться, например, у заемщика или у покупателя товара в рассрочку?

⁷⁸ См.: *Очхаев Т.Г.* Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 49-50.

⁷⁹ См. статьи А.Э. Вормса, М.Л. Кантора, С.А. Беляцкина, А.И. Каминки и Я.А. Канторовича, указанные в сноске под номерами «173» и «174» в этой работе: *Очхаев Т.Г.* Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 50.

⁸⁰ См.: *Очхаев Т.Г.* Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 49.

быть ключевая задача доктрины прежде всего в области обязательственных отношений, как наиболее многообразных и наполненных частными, зачастую эксклюзивными формами хозяйственных связей – порождениями свободы договора⁸¹.

Из этого рассуждения следует и второстепенность (а отчасти даже и опасность) рассмотрения проблем обязательственного права в контексте отдельных договорных институтов. Если забыть о том, что из разных соглашений часто возникают идентичные обязательства, то можно прийти к разным юридическим решениям казусов, возникших на базе одинаковых обязательств.

Нечто подобное трансформации правил об отношениях представительства и доверенности произошло и с нормами о корпоративных и иных объединениях субъектов гражданского права. Можно заметить, что и проект Гражданского уложения Российской империи, и ГК РСФСР 1922 г. рассматривали эти правила как в первую очередь договорные и обязательственные, построенные по типу отношений товарищества. В некоторой степени чисто договорные товарищества и товарищества-юридические лица в этих законах образовывали единое целое. Современный кодекс, напротив, четко дифференцирует две подотрасли: корпоративное право и обязательственное право. Несмотря на то, что их взаимоотношение до сих пор является предметом теоретических дискуссий⁸², а также местами неоднозначного законодательного регулирования⁸³, тем не менее

⁸¹ Здесь, конечно, начинается достаточно туманная область концептуализации развития права, где уже много веков сталкиваются фундаментальные теории и школы юриспруденции: от юснатурализма и германской исторической школы до неолиберализма, социологического направления и позитивизма. Практически все они по-разному относятся к возможностям законодателя-государства развивать право: Г. Гегель или Ф.К. Савиньи, к примеру, здесь настроены скептически, тогда как, например, Дж. Остин или К. Маркс такую возможность допускают. Важно понимать, что в данном случае в тексте работы идет речь не о создании новых норм права, но о генерализации уже существующих правил. Вряд ли такая обработка нормативного материала вызовет существенное противодействие какого-либо направления в правоведении.

⁸² См. для иллюстрации очерк, обосновывающий юридическую природу корпоративных отношений через специальную правоспособность участвующих в этих отношениях субъектов: *Белов В.А.* Гражданско-правовая форма корпоративных отношений (к проблеме так называемых корпоративных правоотношений) // *Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики* / Под общ. ред. В.А. Белова. М., 2009. С. 161-225. Критика этой концепции: *Молотников А.Е., Шиткина И.С.* Корпоративное право: к вопросу об истинности субъективных суждений и ложности научных концепций // *Хозяйство и право.* 2009. № 12. С. 40 и след. Более традиционным подходом к определению сущности корпоративных отношений считается выделение для них особого места в системе гражданского права с акцентом на особые «права членства», входящие в их состав. См., к примеру: *Ломакин Д.В.* Акционерное правоотношение. М., 1997. С. 29, 70 и след.

⁸³ См., к примеру, знаменитое определение акционерного общества в п. 1 ст. 2 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (СЗ РФ, 01.01.1996, № 1, ст. 1), в центре которого – акция, «удостоверяющая обязательственные права участников общества (акционеров) по отношению к обществу».

сегодня можно с уверенностью говорить о размежевании в российском гражданском праве отношений, связанных с особыми и самостоятельными субъектами права – юридическими лицами, и юридических связей, основывающихся исключительно на соглашениях – простом товариществе.

Это не единственные различия в систематизации норм особенной части обязательственного права, однако уже по ним можно сделать важные для данной работы наблюдения. Одними из важнейших тенденций развития обязательственного права являются дифференциация, во-первых, обязательств и их объектов (как это произошло применительно к целому ряду ценных бумаг) и, во-вторых, обязательств и смежных правовых форм общественных отношений (как это случилось в сфере представительства и регулирования юридических лиц). Они проявляют себя с разной степенью интенсивности: если с объектами обязательственного права «рассталось» на протяжении XX века достаточно быстро, то вторая тенденция проявляет себя значительно слабее. Обе тенденции при этом укладываются в магистральную линию постепенного превращения частных норм об отдельных сложных договорных институтах в общие принципы обязательственного права, которая особенно хорошо видна на примере принципа «*clausula rebus sic stantibus*».

§3. Влияние приоритета юридических фактов на систематизацию норм обязательственного права и регулирование гражданского оборота

В продолжение мыслей, изложенных в предыдущем параграфе, добавим, что еще слабее проявляет себя тенденция по противопоставлению друг другу обязательств и оснований их возникновения. В качестве обоснования актуальности вопроса о переориентации теории и практики гражданского права с договоров (или, если брать шире, с юридических фактов) на обязательства в контексте современного гражданского права России рассмотрим, к каким негативным последствиям приводит отсутствие четкой дифференциации между правоотношениями и юридическими фактами.

В первую очередь обратим внимание на многочисленные пробелы в особенной части обязательственного права: целый ряд практических вопросов остается без

ответа со стороны закона, так как соответствующие нормы оказались в другой главе раздела IV ГК РФ, где они применяются хоть и к идентичным обязательствам, но возникающим из другого договора. Так выглядит ситуация, к примеру, с уже упоминавшимися правилами о последствиях передачи вещи ненадлежащего качества из глав об купле-продаже, аренде, ссуде. Однако очевидно, что передача вещей допустима не только по перечисленным договорам. Как быть в ситуации, когда предмет обязательств, скажем, из договора займа – вещи, определенные родовыми признаками, находятся в состоянии, не позволяющем использовать их по назначению⁸⁴? Что если арендные или рентные платежи вносятся в виде вещей явно неудовлетворительного качества? В подобных случаях остается лишь один выход – применять по аналогии нормы о некачественных товарах либо предмете аренды.

Применение норм по аналогии вряд ли может считаться оптимальным решением. Эта логико-юридическая операция подразумевает, что группа однородных общественных отношений подвергнута правовому регулированию односторонне, неполно, в рамках лишь одного юридического института, тогда как существует потребность в целом наборе институтов, соответствующем данному набору социальных связей. Главная опасность заключается в отсутствии концептуальной основы, выражающей то общее, что присуще всем аналогичным общественным отношениям. Это общее должно быть выражено в принципиальных нормах, схватывающих ключевые характеристики простейших общественных взаимодействий, находящихся в сердцевине любого института. Без этих норм применение правил по аналогии будет сопряжено с отсутствием единообразия и высоким риском нарушения баланса интересов сторон правоотношений.

Схожей с качеством товаров выглядит ситуация с их комплектностью: ясно, что потребность определять, насколько товар отвечает этому условию, существует не только в условиях договора купли-продажи. Она имеет место во всех случаях, когда у должника возникает обязанность передать вещь. Иначе говоря, нормы о качестве и о комплектности должны быть привязаны не к тому или иному

⁸⁴ Качество возвращаемых заемщиком вещей относил к числу подразумеваемых условий договора займа уже глава школы постгlossаторов Бартоло да Сассоферрато в XIV в. См.: *Полдников Д.Ю.* Формирование учения о договоре в правовой науке Западной Европы (XII-XVI вв.). Дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2016. С. 286.

договору, а к определенному типу обязательств – к обязательству по передаче вещей.

Это далеко не единственные примеры помещения институтов, имеющих значение для всех обязательств, в главу с названием конкретного типа договора. А.А. Симолин еще в 1911 году обращал внимание на значение института защиты от эвикции, которое выходит далеко за рамки купли-продажи, вместе с которой она обычно рассматривается⁸⁵. Действительно, ограничивать существование обязанности продавца по протекции покупателя от претензий третьих лиц институтом купли-продажи было бы явно несправедливо. Тем не менее именно к этому подталкивает расположение ст. 462 в современном ГК РФ⁸⁶.

Вообще говоря, внимательное ознакомление с главой 30 ГК РФ оставляет после себя впечатление, что эта глава представляет собой своего рода «мини общую часть» обязательственного права, – настолько общезначимы многие из содержащихся в ней норм⁸⁷. Однако стоит ли помещать правила, имеющие такое большое значение почти для всех случаев передачи вещей в рамках обязательств, в главу, касающуюся лишь одного из возможных договоров, из которых такие обязательства возникают?

Аналогичные по важности правила содержатся и в других главах кодекса, посвященных отдельным договорным типам. Среди них можно упомянуть главу, посвященную договору займа, которая уделяет много внимания не столько этому договору, сколько возникающему из него денежному обязательству в его общем

⁸⁵ См.: Симолин А.А. Влияние момента безвозмездности в гражданском праве // Возмездность, безвозмездность, смешанные договоры и иные теоретические проблемы гражданского права. М., 2005. С. 463.

⁸⁶ Думается, защита от эвикции является частным случаем более общей обязанности лица, передающего определенное имущество своему контрагенту, – обязанности по обеспечению юридической «чистоты» переданного имущества, его необремененности правами третьих лиц, о которых новый владелец (или правообладатель) не знал и знать не имел возможности. Если согласиться с этим тезисом, то защита от эвикции становится первым «кандидатом» на генерализацию, то есть на превращение ее в общий принцип обязательственного права, применимый к отношениям по передаче имущества, и помещение в общую часть ГК РФ.

Примечательно, что современные работы, посвященные вопросам защиты нового собственника вещи собственником предыдущим, который распорядился ею посредством того или иного договора (не столь важно, какого), анализируют проблему в рамках частного случая – отношений покупателя и продавца. См., к примеру: Церковников М.А. Ответственность продавца в случае изъятия товара у покупателя. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. Это, думается, яркий пример роли законодательного подхода, «тормозящего» развитие теории, которая должна стремиться к обобщениям, позволяющим избегать противоречивого, «фрагментарного» правового регулирования.

⁸⁷ См.: Интервью с Р.С. Бевзенко «Постановление о свободе договора – это вызов тому существованию, к которому мы привыкли» // Закон. 2015. № 5. С. 40.

виде (см., например, ст. 809, 810 ГК РФ), которое также возникает из целого ряда юридического фактов, среди которых договор займа является лишь частным случаем.

Некоторые договорные институты согласно прямому указанию закона регулируются нормами, содержащимися в других главах ГК РФ. Так, например, на договор мены согласно п. 2 ст. 567 ГК РФ распространяются правила о договоре купли-продажи, на договор возмездного оказания услуг – правила о договоре подряда (ст. 783 ГК РФ). Причина в идентичности правоотношений, возникающих из разных договоров.

Все это показывает, что регулирование обязательств исходя из договоров, приводящих к их возникновению, неизбежно приводит, как минимум, к недостаткам в кодификационной технике: во-первых, многие нормы приходится в процессе правоприменения распространять на схожие отношения по аналогии, во-вторых, такой подход порождает многочисленные отсылки и повторения в тексте закона.

В теоретическом отношении одна из основных отрицательных сторон данного подхода связана с тем, что из договоров возникают не только обязательства⁸⁸, но также и целый ряд иных правовых форм общественных отношений⁸⁹. Среди них можно отметить как относительно хорошо изученные, в частности, корпоративные отношения, отношения «связанности» секундарным правом⁹⁰, кредиторские

⁸⁸ Правоотношения и, прежде всего, обязательства рассматриваются как единственные последствия заключения договоров, в частности, следующими исследователями: *Новицкий И.Б., Луц Л.А.* Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 95 (автор главы – *И.Б. Новицкий*); *Гавзе Ф.И.* Социалистический гражданско-правовой договор. М., 1972. С. 17-18; *Иоффе О.С.* Обязательственное право. М., 1975. С. 26-27; *Гражданское право: Учебник / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого.* СПб., 1996. С. 428 (автор главы – *Н.Д. Егоров*).

⁸⁹ Понятие правовой формы было введено в отечественную теорию права советскими цивилистами. См., например: *Красавчиков О.А.* Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения // *Гражданские правоотношения и их структурные особенности: сб. ученых трудов СЮИ.* Вып. 39. Свердловск, 1975. С. 5-22; *Красавчиков О.А.* Гражданская правосубъектность как правовая форма // *Правовые проблемы гражданской правосубъектности: межвузовский сб. научных трудов.* Свердловск, 1978. С. 5-26; *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 80-99; *Халфина Р.О.* Право как средство социального управления. М., 1988. С. 174-200. В настоящей работе это понятие употребляется в соответствии со следующим определением: «*Гражданско-правовой формой* называется результат научного анализа случаев оценки общественных отношений и их элементов нормами гражданского права, который может выражаться в *утверждении* либо *отрицании* возможности и (или) *необходимости* определенного поведения участников этих отношений» (*Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Т. I. Введение в гражданское право. М., 2011. С. 319).

⁹⁰ Эту гражданско-правовую форму общественных отношений можно определить как «возможность создать, изменить или прекратить юридическое отношение посредством одностороннего волеизъявления», адресованного одним лицом другому лицу (*Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву // *Избранные труды по гражданскому праву.* Т. 2. М., 2012. С. 99; см. также: *Агарков М.М.* Юридическая природа

обязанности, так и практически неисследованные, например, так называемые «рефлексы права»⁹¹. В плане своих потенциальных юридически значимых последствий договоры очень сложны⁹². Учитывая сказанное, выстраивание системы обязательств на их основе и преподнесение ее как наиболее важной будет приводить к недооценке тех юридически значимых последствий договоров, которые также возникают из этих юридических фактов, но при этом обязательствами не являются⁹³. Можно также добавить, что из-за этого подхода затеняется и сами обязательства, структура которых, как считают некоторые исследователи, может быть значительно сложнее, чем она обычно описывается⁹⁴.

Однако главным недостатком, связанным с таким подходом, является настороженное отношение российской правоприменительной практики к договорным конструкциям, не урегулированным напрямую законом. Следствием этого отношения является зачастую совершенно необоснованное вторжение судов в автономию воли сторон, выраженную в сделке, что приводит к нестабильности

железнодорожной перевозки // *Право и жизнь*. 1922. № 2. С. 17-18). Впервые данная гражданско-правовая форма общественных отношений была проанализирована германским специалистом по международному праву Э. Цительманом (о генезисе секундарных прав см.: *Иоффе О.С.* Цивилистическая доктрина империализма // *Избранные труды по гражданскому праву*. М., 2009. С. 131; *Третьяков С.В.* Формирование концепции секундарных прав в германской цивилистической доктрине. (К публикации русского перевода работы Э. Зеккеля «Секундарные права в гражданском праве») // *Вестник гражданского права*. 2007. № 2. С. 253-270), а подробно разработана Э. Зеккелем (см.: *Зеккель Э.* Секундарные права в гражданском праве // *Вестник гражданского права*. 2007. № 2. С. 205-252).

⁹¹ «Рефлекс права, – писал Я.М. Магазинер, – можно определить как правомерную выгоду, которая извлекается данным лицом не из лично принадлежащего ему права, а вследствие *случайно благоприятного* ему права или обязанности *третьего лица*... Примером рефлекса *частного* права является выгода нанимателя квартиры от того, что владелец дома обязался перед его соседом по лестнице освещать их общую площадку». *Магазинер Я.М.* Общая теория права на основе советского законодательства // *Избранные труды по общей теории права*. СПб., 2006. С. 170.

⁹² Указание на сложность, комплексность возможных последствий заключения договоров подчеркивает именно гражданско-правовые формы общественных отношений, что оставляет за рамками данной работы взгляды ученых, которые видели в договоре прежде всего регуляторную, организующую функцию. См., к примеру: *Быков А.Г.* План и хозяйственный договор. Изд-во МГУ, 1975. С. 32; *Хохлов В.А.* Ответственность за нарушение договора по гражданскому праву. Тольятти, 1997. С. 60-62; *Корецкий М.Ф.* Договорное регулирование: Цивилистическая концепция. Екатеринбург, 2005. С. 81; *Пугинский Б.И.* Теория и практика договорного регулирования. М., 2008. С. 42-60. См. также: *Исаков В.Б.* Юридические факты в советском праве. М., 1984. С. 69-71.

⁹³ Против смешения категорий договора и обязательства, возникающего из данного договора, см., например: *Анненков К.Н.* Система русского гражданского права. Т. III. Права обязательственные. СПб., 1901. С. 3-4; *Новицкий И.Б.* Очерки гражданского права: Обязательственное право. Общие понятия. М., 1921. С. 5, 32; *Белов В.А.* К вопросу о соотношении понятий обязательства и договора // *Вестник гражданского права*. 2007. № 4. С. 239-258. О различных проблемах (в том числе практических), связанных с указанным смешением, а также о подходах к проблеме в российской и германской цивилистике см.: *Егоров А.В.* Многозначность понятия обязательства: практический аспект // *Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации*. 2011. № 4. С. 23-42.

⁹⁴ См., например, наработки германской доктрины в этой области: *Егоров А.В.* Структура обязательственного отношения: наработки германской доктрины и их применимость в России // *Вестник гражданского права*. 2011. № 3. С. 241-274.

договорного оборота. Еще Д.И. Мейер отмечал, что современные ему суды прикладывали максимум старания, чтобы практически любыми средствами подвести незнакомый им договор к уже известному законодательству типу соглашения и, как следствие, применить к нему положения, «чуждые его существенному характеру»⁹⁵. Ясно, что если старания были безуспешны, то это ставило данную сделку в очень рискованное положение⁹⁶.

Эта проблема характерна и для постсоветской России. Примером служит вопрос о предмете договора займа. В соответствии с п. 1 ст. 807 ГК РФ данный договор заключается в отношении денег и иных родовых вещей. Такая формулировка, строго говоря, изымает из числа возможных предметов договора акции, то есть бездокументарные ценные бумаги, не являющиеся вещами. В то же время положения п. 4 ст. 3 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»⁹⁷ прямо допускают возможность предоставления бездокументарных ценных бумаг в виде займа в случае, если займодавцем выступает брокер. Однако аналогичные соглашения, заключаемые без участия брокера, в некоторых случаях признавались судами ничтожными⁹⁸.

Другой пример можно обнаружить в сфере способов обеспечения исполнения обязательств. Как известно, перечень таких способов в ГК РФ является открытым (п. 1 ст. 329 ГК РФ). Стороны обязательств, таким образом, могут по своему усмотрению создавать новые договорные конструкции, гарантирующие исполнение обязательства должником. Закон при этом дает описание ряда наиболее распространенных институтов, служащих этой цели. Проблемы возникают в тех случаях, когда речь идет о способах обеспечения обязательств, содержащих в себе элементы одновременно известных закону правовых конструкций и их непредусмотренных нормативно-правовыми актами аналогами.

⁹⁵ См.: Мейер Д.И. Русское гражданское право. М., 2003. С. 500.

⁹⁶ По всей видимости, каждый случай проявления осторожности по отношению к незнакомому, непоименованному договору является примером так называемого закона конструктивной экономии (см.: Пилленко А.А. Право изобретателя. Т. II. СПб., 1908. С. 274), а также консерватизма юридического мышления (о нем см.: Муромцев С.А. О консерватизме римской юриспруденции. М., 1875).

⁹⁷ СЗ РФ, 22.04.1996, № 17, ст. 1918.

⁹⁸ См., например, постановления Арбитражного суда Московского округа от 07.05.2003 по делу № КГ-А40/2292-03, Арбитражного суда Дальневосточного округа от 03.05.2005 № Ф03-А51/05-1/872.

Примером такого способа обеспечения исполнения обязательства является товарная неустойка. В п. 1 ст. 330 ГК РФ неустойка описывается как денежная сумма, подлежащая уплате должником кредиторю в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства. Между тем гражданский оборот породил модифицированную форму этого института, в рамках которой обеспечением является не денежная сумма, а иные вещи, определенные родовыми признаками. Эта конструкция встречала настороженное к себе отношение со стороны судов, которые зачастую из-за замены денег на иные вещи не считали ее соответствующей закону и признавали ничтожной сделку, лежащую в ее основе⁹⁹. Ситуация поменялась с принятием Пленумом ВАС РФ постановления от 22.12.2011 № 81 «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации», который в пункте 7 закрепил правомерность этого способа обеспечения исполнения обязательств и одновременно распространил на него одну из ключевых норм об «обычной» неустойке, предусматривающую возможность ее снижения судом (ст. 333 ГК РФ).

Подход к обязательственному праву, в котором приоритет отдается именно договорам, а не самим обязательствам, проник и в постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». В абз. 2 п. 74 этого документа содержится следующее толкование: «Договор, условия которого противоречат существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательства, может быть квалифицирован как ничтожный полностью или в соответствующей части, даже если в законе не содержится прямого указания на его ничтожность».

Если исходить из того, что одним из ключевых компонентов свободы договора является произвольное, в рамках закона, комбинирование сторонами соглашения обязательств, возникающих между ними, то данное толкование выглядит рискованным: не даст ли оно в руки суда слишком большие полномочия по определению того, какие обязательства между собой сочетаются, а какие – нет?

⁹⁹ См., например, постановления Арбитражного суда Поволжского округа от 04.11.1999 № А12-4100/99-С6, от 05.10.2000 № А12-4532/00-с27 и от 20.09.2004 № А55-15369/03-2.

Заметим, что в доктрине гражданского права уже высказывалось скептическое мнение об этом толковании, с которым следует согласиться¹⁰⁰.

Этот перечень примеров ограничения договорной свободы можно продолжить¹⁰¹, однако уже сейчас следует заметить: в описанных выше случаях налицо использование сторонами непоименованного договора, лишь некоторыми своими характеристиками напоминающего другой договор, уже известный законодательству. На такое соглашение со стороны суда возможны две реакции. В соответствии с первой из них данный договор как несоответствующий описанию похожего соглашения признается ничтожным; в соответствии со второй – суд, обнаружив его несоответствие ближайшему аналогу, признает его договором *sui generis*, заключить который стороны имеют право согласно п. 2 ст. 421 ГК РФ. Думается, именно второй подход в наибольшей степени соответствует краеугольным камням частноправового регулирования: автономии воли, диспозитивности и принципу «*pacta sunt servanda*».

Нехватка стабильности и надежности в сфере обязательственных отношений отмечалась в качестве одного из основных недостатков регулирования гражданского оборота Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства в Концепции совершенствования общих положений ГК РФ (см. п. 1 § 1 разд. V)¹⁰². Актуальность этого вопроса нашла свое отражение и в постановлении Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах». Пункт 5 этого документа касается вопроса непоименованных договоров и закрепляет ключевые принципы, на которые должны опираться суды, сталкиваясь с подобными соглашениями: им в первую очередь следует руководствоваться самим выраженным в условиях договора консенсусом сторон, затем, в случае сходства отношений, возникших из договора, и отсутствия их прямого регулирования сделкой, можно применить по аналогии диспозитивные нормы об иных, но схожих договорах. Применение

¹⁰⁰ См.: *Белов В.А.* «Двадцать пятое» постановление Пленума: толкование или... законодательство? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 11. С. 74-75.

¹⁰¹ См., анализ аналогичных примеров: *Карпетов А.Г., Савельев А.И.* Свобода договора и ее пределы. Т. 1. М., 2012. С. 424-433; *Карпетов А.Г., Савельев А.И.* Свобода заключения непоименованных договоров и ее пределы // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 4. С. 28-38; 42-49; 52-56.

¹⁰² Доступно в Интернете на сайте: www.privlaw.ru (дата обращения: 06.02.2021).

императивных правил об аналогичных соглашениях должно при этом носить исключительный характер и служить восстановлению справедливого баланса интересов его сторон, а также третьих лиц и общества в целом.

В качестве итога данного параграфа сформулируем следующий вывод. Для современного российского гражданского права характерно ограничение договорной свободы в сфере непоименованных и смешанных договоров, связанное с настороженным отношением к ним со стороны правоприменительной практики. Следствием этого является ослабление прочности и надежности обязательственно-правовых связей в гражданском обороте. Основная причина состоит в приоритете двусторонних и многосторонних сделок как оснований для возникновения обязательств перед самими обязательствами как основным следствием заключения сделок. В результате соглашения, предусмотренные ГК РФ, несмотря на положения ст. 8 и ст. 421 этого закона, зачастую воспринимаются излишне цельно, а попытки участников оборота внести в них новые условия – как недопустимый отход от этой цельности.

§4. Возможные пути развития обязательственного права

Можно назвать очевидным утверждение о том, что одно из основных назначений свободы договора состоит в обеспечении возможности участников гражданского оборота наиболее полным и точным образом оформить свои отношения при помощи соответствующего соглашения. Достижение этой цели возможно несколькими путями, причем современное состояние гражданского права (законодательства, практики его применения и цивилистической теории) в России дает выгодную возможность рассмотреть все эти пути на конкретных примерах.

Во-первых, это непосредственное закрепление в законе соответствующей договорной конструкции, потребность в которой уже существует в сфере регулирования гражданского права. Задача законодателя, таким образом, сводится к тому, чтобы выявить эту потребность и облечь ее в наиболее адекватную нормативную форму. Этот путь является самым надежным для гражданского оборота в силу самих свойств закона как общеобязательного акта, обладающего

наивысшей юридической силой¹⁰³: договорная конструкция, которая закреплена на уровне закона, будет пользоваться гарантированной легитимностью. Примером здесь может служить договор условного депонирования (эскроу), который был введен в раздел IV ГК РФ Федеральным законом от 21.12.2013 № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁰⁴.

Во-вторых, учитывая общую диспозитивность частного права, можно оставить самим участникам оборота на откуп возможность создавать новые договорные конструкции, учитывая, разумеется, применимые положения законодательства. Эта стратегия более сложна и рискованна для субъектов имущественных отношений, так как подразумевает наличие развитой правовой культуры в первую очередь в судебной системе, а также близость последней к потребностям гражданского оборота, прежде всего в его предпринимательской части. Наличие этих компонентов является гарантом того, что требование о защите нарушенных прав контрагента по непоименованному или смешанному договору не вызовет неприятия такого договора судом и, как следствие, не поставит под удар саму сделку. Этот путь периодически избирал для себя Высший Арбитражный Суд РФ, когда в рамках своих разъяснений (прежде всего в форме постановлений Пленума и обзоров практики применений отдельных законодательных положений) закреплял уже выработанные в гражданском обороте конструкции с целью направить практику нижестоящих судов по определенному руслу. В качестве примера можно вспомнить уже упомянутую выше конструкцию товарной неустойки.

Наконец, существует и третий путь. Он заключается в анализе отдельных договорных институтов гражданского права с целью, с одной стороны, показать участникам оборота новые возможности по их использованию и, с другой стороны, проложить путь для их обобщения в нормах закона.

¹⁰³ Конституция и кодифицированные законы, обладающие «повышенным» юридическим статусом, здесь также рассматриваются как законы. Международные договоры, которые могут превалировать над законами, оставлены за скобками как акты, носящие наднациональный характер.

¹⁰⁴ СЗ РФ, 23.12.2013, № 51, ст. 6699. Пример договора условного депонирования следует рассматривать в данном контексте без учета того, насколько его регулирование в ГК РФ необходимо. По поводу последнего есть сомнения: подобные соглашения, думается, вполне могут быть оставлены на усмотрение самих участников оборота в силу принципа свободы договора.

Первая и вторая стратегии могут быть обозначены в качестве «инструментальных»: они направлены на закрепление через закон или судебную практику возможности максимально безопасно использовать сложившиеся в обороте правовые институты – готовые юридические инструменты, предназначенные для определенных экономических операций. Третья стратегия может быть обозначена как «аналитическая», и ее цель заключается в разборе существующих институтов до простейших элементов, их составляющих, подробном рассмотрении этих элементов и анализе возможных, юридически допустимых результатов их комбинаций.

Аналитическое направление, находясь в тени инструментального «мейнстрима», имеет за собой давнюю историю. Первые его примеры можно обнаружить в римском праве в виде упомянутого выше определения обязательства; к любопытным результатам этот метод привел и при разработке Принципов Акьюз, которые также отмечались выше. Однако, пожалуй, самой важной вехой здесь служит введение в научный оборот понятия правоотношения¹⁰⁵, а также его отдельных элементов – объекта, субъекта, права и обязанности¹⁰⁶. Их ценность по отдельности и в совокупности состоит в том, что они позволяют обобщить вокруг себя нормы гражданского права и показать тем самым, какие правила применяются к любому гражданскому правоотношению, а также к его объекту, субъектам и юридическому факту, лежащему в его основе, в силу их частноправовой природы и вне зависимости от иных обстоятельств, окружающих данное отношение. В конечном счете это позволяет углубить, расширить и детально систематизировать общую часть гражданского права, понимаемую как теория и как совокупность норм.

Одним из основных направлений, по которым шло развитие теории правоотношения, было рассмотрение его отдельных видов, в том числе и

¹⁰⁵ Общую характеристику правоотношения см. в труде пионера в исследованиях этой фундаментальной юридической категории: *Савиньи Ф.К.* Система современного римского права. Т. 1. Москва-Одесса, 2011. С. 278-279; 456-499.

¹⁰⁶ Набор компонентов, составляющих правоотношение, и границы всей системы правоотношения являются предметом дискуссий в теории гражданского права. Подробнее о них см.: *Протасов В.Н.* Правоотношение как система. М., 1991. С. 43-60. Подход к системе обязательственного правоотношения, являющийся основой для данной работы, будет описан ниже.

обязательств¹⁰⁷. Однако этот уровень анализа правоотношений оказался, по сути, последним: ниже него теория гражданского права, если рассматривать ее по направлению от общего к частному, не спустилась. Приоритет остался за другой тенденцией – за инструментальным подходом к праву¹⁰⁸, который, на первый взгляд, является более практически ориентированным. Как следствие, в современной российской науке гражданского права этот подход преобладает, что выражается, в частности, в обилии трудов, ему соответствующих¹⁰⁹.

С другой стороны, исследования, которые следует отнести к аналитическому направлению, также встречаются. Так, к примеру, в последнее время появились работы, посвященные таким общим целому ряду обязательств элементам, как, к примеру, альтернативность¹¹⁰, солидарность¹¹¹, факультативность¹¹², акцессорность¹¹³, алеаторность¹¹⁴. На их основе можно составить обобщенное представление о перечисленных элементах как о характеристиках потенциально любых обязательств, если это не противоречит природе последних. Однако подобные работы, несмотря на их несомненное теоретическое и практическое значение, по сути, лишь показывают способы, которыми обязательство (и

¹⁰⁷ Характеристику обязательства как одного из двух основных видов правоотношений можно найти у Ф.К. Савиньи: *Савиньи Ф.К. Система современного римского права. Т. 1. Москва-Одесса, 2011. С. 476.*

¹⁰⁸ Отдельные аспекты этого подхода нашли свою концептуализацию в труде Б.И. Пугинского «Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях» (М., 1984). Необходимо отметить, что в этих работах подход к частному праву, схожий с инструментальным в понимании автора настоящей работы, получает особенное преломление: в них на первый план выходят правовые средства, используемые участниками оборота, а инструменты, предлагаемые законодателем, находятся на периферии научного внимания.

¹⁰⁹ Примерами таких работ могут служить комплексные исследования различных гражданско-правовых институтов, например, договора лизинга (*Газман В.Д. Лизинг и факторинг. М., 2008*), концессионных соглашений (*Золоева Я.О. Концессионные и иные договоры с иностранными инвесторами в области добычи полезных ископаемых. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003*) или договора участия в долевом строительстве (*Петрухин М.В. Проблемы правового регулирования договора участия в долевом строительстве объектов недвижимости. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011*).

¹¹⁰ См.: *Петров В.С. Правовая конструкция альтернативного обязательства // Вестник гражданского права. 2007. № 3. С. 99-119.*

¹¹¹ См.: *Белов В.А. Солидарность обязательств (общее учение и отдельные осложняющие моменты – альтернативность, обеспечение, перемена лиц, прекращение) // Практика применения общих положений об обязательствах / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2011. С. 52-89.*

¹¹² См.: *Белов В.А. Факультативные обязательства // Вестник гражданского права. 2011. № 3. С. 4-60.*

¹¹³ См.: *Бевзенко Р.С. Акцессорность обеспечительных обязательств (часть первая) // Вестник гражданского права. 2012. № 5. С. 4-36; Бевзенко Р.С. Акцессорность обеспечительных обязательств (часть вторая) // Вестник гражданского права. 2012. № 6. С. 5-48; Шеломенцева Е.А. Понятие акцессорности обеспечительных обязательств в сравнительно-правовом аспекте // Вестник гражданского права. 2015. № 3. С. 57-105.*

¹¹⁴ См.: *Ли И.С. Применение алеаторных механизмов в гражданском праве. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015; Щербаков Н.Б. Основные подходы к определению юридической природы алеаторных сделок // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 70-87. См. также отдельную монографию по вопросу сделок, основанных на риске: *Брагинский М.И. Договоры об играх и пари. М., 2006.**

совокупности обязательств) может быть осложнено. Общее учение об этом правоотношении, а также о его разновидностях, они а priori обогатить не могут.

Противопоставление инструментального и аналитического подходов к праву полезно рассматривать в более широком контексте. По сути, это две конкурирующие политико-правовые и теоретические программы юриспруденции. Несмотря на безоговорочное доминирование первой из них, следы «аналитики» и «инструментализма» можно найти практически повсеместно, они сочетаются и часто конкурируют друг с другом. Выше уже было показано, как две программы взаимодействовали в римском праве, какую форму их противостояние приобрело в средневековой цивилистике и канонистике и какую роль они играли в развитии российского гражданского права.

Настоящая работа также лежит в русле аналитического подхода, но задача ее принципиально иная. Одна из основных целей – выйти на новый, следующий уровень анализа относительных правоотношений, который находится сразу после общего понятия обязательства. Необходимым шагом на этом пути является более четкая дифференциация юридического факта и обязательства.

Нельзя не отметить, что эта стратегия является продолжением отмеченного выше подхода, который зародился в германской пандектной науке. В результате него были четко противопоставлены друг другу понятия юридического факта и правоотношения, однако это противопоставление было не до конца проведено на уровне обязательств как отдельного вида правоотношений. Результатом стало давно устоявшееся изложение обязательств в их связке с договорами со всеми отмечавшимися выше недостатками. Дальнейшее разграничение юридического факта и одного из видов обязательств – обязательства по передаче вещей – является одной из основных задач данной работы.

Актуальность такого рассмотрения обязательств можно обосновать также и тем, что в ходе реформы гражданского права наметилась тенденция по генерализации норм гражданского права. Особенно хорошо это видно по некоторым положениям Концепции развития гражданского законодательства РФ: авторы концепции, отметив значительные изменения в сфере регулирования гражданского права, имевшие место в России на протяжении 90-х гг. XX в. и первых десяти лет XXI в.

(п. 3 разд. I), провозгласили необходимость «создания новых общих правил», которые могли бы регулировать целые объединения схожих отношений, встречающихся в разных областях гражданского законодательства (п. 7 разд. I). Так, к примеру, было предложено включить в ГК РФ общие положения о корпоративных и некорпоративных организациях (п. 1.5 разд. III), о вещных правах (п. 7 разд. I и разд. IV), о государственной регистрации имущественных прав, единые для различных объектов (п. 2.1 разд. II), о решениях любых собраний, имеющих юридическое значение (подп. 4.2.1-4.2.4 разд. II) и т.п. Часть из них уже нашла свое воплощения в новеллах ГК РФ¹¹⁵.

В то же время нельзя не заметить, что все обобщения, которые рекомендуется закрепить в ГК РФ, не касаются напрямую особенной части обязательственного права. Наоборот, в отношении нее работает скорее инструментальный подход: ведь, помимо генерализации, Концепция развития гражданского законодательства РФ рекомендует также и детальное развитие уже имеющихся законодательных положений (п. 7 разд. I). Это создает впечатление, что регламентация отдельных видов обязательств будет в первую очередь развиваться путем уточнения уже существующих норм об отдельных видах договоров¹¹⁶.

Описанный выше инструментальный подход несколько уводит внимание законодателя, а также практики и теории гражданского права в сторону от развития понятия обязательства, которое, думается, должно идти по пути более последовательной дифференциации обязательств и юридических фактов, из которых они возникают, и выстраивания этих правоотношений в законченную систему.

¹¹⁵ Например, ст. 8.1 ГК РФ «Государственная регистрация прав на имущество», глава 9.1 ГК РФ «Решения собраний».

¹¹⁶ Основной документ, описывающий стратегию развития законодательства в области обязательств, называется «Концепция совершенствования общих положений обязательственного права России». Впрочем, следует заметить, что отдельные положения особенной части обязательственного права были отмечены в качестве принципов, имеющих гораздо более общее значение по сравнению с тем местом, которое им предписано в соответствии с системой ГК РФ. В качестве таких положений, например, названы нормы об абстрактных убытках, ныне распространяющиеся только на договор поставки (п. 7 § 1 разд. I Концепции развития гражданского законодательства РФ). Об этом, а также о некоторых других случаях «генерализации» норм особенной части обязательственного права в рамках реформы гражданского законодательства см.: *Бевзенко Р.С.* Принцип добросовестности в обязательственном праве. Новые инструменты защиты от хитрых уловок контрагентов // Юрист компании. 2015. № 6. С. 17-31; *Витрянский В.В.* Некоторые основные положения Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации об обязательствах // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 13-25.

Учитывая сказанное выше относительно способа изложения норм обязательственного права в римском праве, формирования доктрины типов договора (или «природы» договора) в Средневековье, ее и описанные тенденции в российских кодификациях, можно отметить определенную «промежуточность» состояния этой подотрасли частного права. С одной стороны, в ней есть развитая, детальная общая часть, но при этом предусмотрено и большое количество договорных типов, количество которых не перестает увеличиваться. Это увеличение происходит даже на фоне того, что многие из инкорпорируемых в текст кодекса соглашений можно было легально заключать и раньше (по крайней мере с точки зрения позитивного гражданского права, без учета судебной практики), до их интеграции в систему кодекса. Здесь в качестве примеров можно упомянуть абонентский, опционный, рамочный договоры.

Казалось бы, история развития частного права показывает, что принцип свободы договора, как появившийся позднее закрытого перечня договоров и их типизации, а значит и как более современный принцип, полнее удовлетворяющий запрос общества на автономию воли, должен держать количество договоров в кодексе в тесных рамках, а в перспективе, возможно, и вовсе понемногу вытеснять особенную часть за счет генерализации ее норм. Этого, однако, не происходит.

Объяснить это можно следующим образом. Как уже говорилось выше, рядовому участнику оборота – неискушенному в праве лицу – важно видеть перед собой «маяки» «безопасных» договоров¹¹⁷, заключив которые можно быть уверенным, что они будут признаны любым правоприменителем. Хотя бы по одной этой причине идеи, заложенные в настоящей работе, не следует радикализировать: кардинальная переработка особенной части обязательственного права (тем более отказ от нее, если он вообще возможен) – дело далекого будущего. Но важно обозначить приоритеты: если назревает намерение совершенствовать сложный, системный закон – кодекс, то на первое место следует ставить генерализацию норм и, следовательно, обогащение общей части закона. Такой подход вполне обеспечивает важный принцип частноправовой политики (часто, к сожалению,

¹¹⁷ Во французской доктрине такие договоры, к которым относится большое количество норм, восполняющих пробелы в волеизъявлении сторон, известны как «легкие контракты». О них см.: *Rochfeld J. Cause et type de contrat. Paris, 1999. P. 18.*

недооцениваемый, а иногда и вовсе забываемый): однотипным общественным отношениям – однотипное регулирование.

Следует отметить и еще один аспект, который подчеркивает ценность особенной части обязательственного права и ее необходимость в современных условиях. Подробное описание в кодексе различных договорных типов подразумевает обилие дополняющих и интерпретационных норм¹¹⁸, которые стороны распространяют на заключаемый ими договор. Одна из основных функций этих норм заключается в облегчении согласования сделок, особенно тех из них, которые обслуживают каждодневные, бытовые нужды. Достаточно зафиксировать лишь небольшое количество условий, чтобы распространить на соглашение большой массив относительно надежного регулирования. «Надежного» в том смысле, что оно прошло испытание судебной практикой. В силу этого заключенный договор будет всеми воспринят как нечто совершенно обычное, привычное. Это, несомненно, повышает нерушимость соглашения в плане того, что стороны достигнут правового результата, к которому изначально стремились.

Говоря об инструментальном и аналитическом подходах в обязательственном праве, важно подчеркнуть, что для каждого из них есть свое применение в законодательстве. Где-то уместнее ставить во главу отдельные гражданско-правовые конструкции, а где-то разумнее фокусироваться на простейших правоотношениях. Представляется, что первые особенно хорошо подходят для тех сфер позитивного права, к которым чаще обращаются неискушенные обыватели. Им в первую очередь нужно знать, каким образом защищены их права, если они заключили тот или иной конкретный договор, что важно, уже обозначенный доминирующей стороной сделки – магазином, туристической компанией, транспортным предприятием и т.д. Последние практически всегда в силу самой сути своего бизнеса так или иначе обозначают, какую сделку они предлагают заключить потребителю. Для его удобства целесообразно иметь закон,

¹¹⁸ Восполнительная норма содержит «правило, которое вступает в действие в том случае, если стороны не предусмотрели иного регулирования своих отношений в соответствующей сфере». Интерпретационные нормы «закрепляют положения, на основании которых суд, исходя из сложившихся отношений и целей сторон, восполняет пробелы в договоре». *Евстигнеев Э.А.* Императивные и диспозитивные нормы в договорном праве. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 36-37.

нормативный материал которого был бы сгруппирован в привязке к тем или иным договорам.

Аналитический подход лучше подходит для развития значительно более сложных актов – кодексов, иных документов с выделением абстрактных обобщений. Для того, чтобы применять правила, содержащиеся в них, нужно владеть базовыми категориями цивилистики – сделка, правоотношение, правоспособность, дееспособность и т.д. Выделение общего регулирования на первый взгляд разнородных отношений обогащает эти базовые категории, а также нормы, которые их затрагивают в подобных сложных актах.

В таком виде, как можно предположить, аналитический и инструментальный подходы могли бы составить фундамент политики права в сфере обязательств¹¹⁹. Несмотря на удивительную¹²⁰ популярность этого термина в современной российской цивилистике, складывается ощущение, что он не имеет должного теоретического обоснования. Думается, что соответствующую сферу юридического знания можно было бы разделить на две части: первая имеет дело с этическим или аксиологическим обоснованием развития права (то есть с набором принципов, которые должны руководить при изменении той или нормы, а также при инкорпорировании в закон новых правил), а вторая – с практикой этого развития. Как раз вторая часть и предполагает альтернативу в виде встраивания в законодательство новых договорных конструкций либо обобщения уже существующих правил.

Подчеркнем, что в задачи настоящей работы не входит исключение или принижение какого-либо из двух подходов; они оба имеют безусловное право на существование. Речь скорее идет о смещении акцента с инструментальной программы на аналитическую как на в большей степени базирующуюся на достижениях теории гражданского права.

Проведенный в данном параграфе анализ доказывает: практика хозяйственной жизни порождает все новые и новые договорные конструкции, которые имеют

¹¹⁹ Возможно, сюда было бы правильно добавить и все остальные сферы частного права, ведь в них также наблюдается конкуренция двух подходов, хоть и не столь явно. Но на страницах данной работы речь идет лишь об обязательствах, следовательно, и о политике права следует говорить только в этих границах.

¹²⁰ Удивительную прежде всего потому, что проблемы, сопутствующие этому термину в современных российских публикациях, имеют непреходящую актуальность, но связываются с ним только в последнее время.

тенденцию раньше или позже проникать в закон. Можно сказать, что гражданский оборот «мыслит» в русле инструментального подхода, ориентируясь на более или менее сложные контрактные модели. Однако в перспективе объем нормативного материала, посвященного различным соглашениям, в силу развития оборота вполне может превысить все обозримые масштабы, особенно если эта тенденция не будет сопровождаться обобщением правового регулирования одинаковых обязательств, но возникающих из разных оснований. Такое обобщение, подразумевающее использование аналитического подхода к обязательственному праву с его ориентацией на отдельные компоненты частноправовых институтов, должно сделать законодательство более гармоничным, последовательным и удобным для применения.

Глава 2. Система обязательств, основанная на их объектах, и обязательство по передаче вещей как элемент данной системы

§1. Классификация обязательств в теории гражданского права

Как могла бы выглядеть система обязательств, выстроенная на основе аналитического подхода, описанного выше в начале настоящей работы? Самого декларирования существования двух методик изучения и регулирования многообразного гражданского оборота – инструментальной и аналитической – было бы недостаточно. Нужно продемонстрировать, в чем конкретно состоит разница их применения, к каким разным результатам они приводят. Плоды инструментального хорошо известны – достаточно ознакомиться с разделом IV ГК РФ. Но как будет выглядеть итог осмысления гражданского оборота с позиции аналитического подхода? Этому вопросу будет посвящена настоящая глава. В начале будет осуществлена попытка обрисовать в общих чертах систему обязательств, затем будет предпринята попытка рассмотреть ее отдельный элемент – обязательство по передаче вещей.

Для того, чтобы приступить к конструированию системы обязательств, следует рассмотреть уже предпринимавшиеся попытки в этой области. С одной стороны, поучительными могут быть их недостатки, с другой – отдельные элементы полезны и в деле поиска альтернатив.

Начать было бы правильно с часто встречающихся в литературе классификаций договоров, выстроенных по целевому критерию, тем более что они единственные, за практически полным отсутствием иных подходов, претендуют на систематизацию относительных правоотношений.

Одним из первых в российской правовой науке этому критерию уделил внимание Г.Ф. Шершеневич. Он выделял договоры, направленные на передачу вещей в собственность, во временное пользование, оказание услуг, предоставление возможности действий, составляющих исключительное право других лиц¹²¹. В советской цивилистике этому критерию уделялось значительно больше внимания. Так, О.А. Красавчиков в зависимости от «направленности

¹²¹ См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 2. М., 2005. С. 88.

гражданско-правового результата» выделял четыре группы договоров: направленные на передачу имущества, на выполнение работ, на оказание услуг, на передачу денег¹²². Нетрудно заметить, что обе классификации весьма напоминают систему из простейших обязательств, обрисованную выше. В то же время имеются и существенные различия. Начнем с того, что О.А. Красавчиков в своем анализе не дошел до простейших действий, которые могут быть объектом обязательств: понятие «имущество», употребленное им, является слишком широким и неопределенным. Достаточно будет сказать, что оно вполне может включать в себя, помимо прочего, субъективные права и обязанности. Однако передача прав и обязанностей вряд ли может быть облечена в обязательственную форму (обязательство как правовой инструмент для этого не приспособлен, он рассчитан на побуждение к фактическим действиям), о чем еще будет отдельно сказано ниже. Эти замечания к классификации О.А. Красавчикова делают ее непригодной для целей настоящей работы.

Похожую классификацию предложил М.И. Брагинский. Разницей стало лишь отнесение договоров, направленных на передачу денег, к соглашениям, итогом исполнения которых является передача имущества. Кроме того, была добавлена новая группа договоров, нацеленных на учреждение различных образований. Критерий, однако, остался тот же – направленность гражданско-правового результата¹²³.

Более детальную классификацию обязательств можно обнаружить у О.С. Иоффе, который использовал комбинированный экономико-правовой критерий. Этот критерий позволил ему выделить одиннадцать групп относительных правоотношений:

1) обязательства по возмездной реализации имущества (купля-продажа, поставка, государственная закупка сельскохозяйственной продукции, мена, пожизненное содержание);

2) обязательства по возмездной передаче имущества в пользование (имущественный наем, наем жилого помещения);

¹²² См.: Красавчиков О.А. Вопросы системы Особенной части ГК РСФСР. Свердловск, 1957. С. 127.

¹²³ См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М., 1999. СПС «КонсультантПлюс» (автор главы – М.И. Брагинский).

- 3) обязательства по безвозмездной передаче имущества в собственность или в пользование (дарение, ссуда);
- 4) обязательства по производству работ (подряд, подряд на капитальное строительство);
- 5) обязательства по оказанию услуг (поручение, комиссия, хранение, экспедиция);
- 6) обязательства по перевозкам (железнодорожная, морская, речная, воздушная, автомобильная перевозка, буксировка морская и речная);
- 7) обязательства по кредиту и расчетам (заем, банковское кредитование, расчетный и текущий счета, расчетные правоотношения, чек, вексель);
- 8) обязательства по страхованию (имущественное страхование, личное страхование);
- 9) обязательства по совместной деятельности (совместная деятельность граждан, совместная деятельность социалистических организаций);
- 10) обязательства, возникающие из односторонних правомерных действий (публичное обещание награды, ведение чужих дел без поручения);
- 11) охранительные обязательства (обязательства, возникающие вследствие причинения вреда, спасания социалистического имущества, неосновательного приобретения или сбережения имущества)¹²⁴.

В ходе рассмотрения этого списка можно заметить, что если бы ученый ввел в свою систему понятие денежного обязательства, то его классификация значительно упростилась бы. Из нее тогда следовало бы исключить, в частности, обязательства по страхованию; большую часть охранительных обязательств; обязательства по кредиту и расчетам. Указанные обязательства отличаются главным образом юридическими фактами, влияющими на их динамику, но с содержательной точки зрения они идентичны. Также вполне можно было бы избежать и ряда других повторений. Без введения в систему простейших обязательств подобные построения будут оставаться классификацией договоров и иных юридических фактов, что и представляет собой подход О.С. Иоффе, хотя обозначен он именно как система обязательств.

¹²⁴ См.: *Иоффе О.С.* Обязательственное право. М., 1975. С. 24-25.

Целевой критерий классификации договорных обязательств получил развитие и в новейшей российской цивилистике. Ю.В. Романец предложил понимать его как конечный экономический и юридический результат, на достижение которого направлены основные действия участников договора. Используя этот системный признак, Ю.В. Романец разделил все договоры на семь групп в зависимости от их направленности:

- 1) договоры, направленные на передачу имущества в собственность;
- 2) договоры, направленные на предоставление в пользование объектов гражданских прав;
- 3) договоры, направленные на выполнение работы или оказание услуги;
- 4) договоры, направленные на страхование имущественных рисков;
- 5) договоры, направленные на предоставление отсрочки возврата такого же количества имущества того же рода и качества или на отсрочку оплаты;
- 6) договоры, направленные на достижение цели, единой для всех участников (общецелевые договоры);
- 7) договоры, направленные на замену лица в обязательстве¹²⁵.

Более высокой степенью обобщения обладает упоминавшееся выше объединение всех возможных договоров в три «семейства», произведенное М. Планиолем¹²⁶. Это, во-первых, соглашения, направленные на передачу вещей, во-вторых, договоры, связанные с производством работ, и, наконец, сделки, касающиеся нематериальных объектов – прав. В сущности, здесь видно то же деление договоров по целевому критерию, но подход М. Планиоля отличается своей емкостью, стремлением нащупать самые основы гражданского оборота. Отсюда его заслуживающая внимания краткость.

Ключевая особенность упомянутых выше классификаций, которая не позволяет их в полной мере рассматривать именно как систему обязательств, состоит в том, что в их центре все-таки находится не правоотношение, а юридический факт. Можно сказать, что эти две фундаментальные цивилистические категории друг

¹²⁵ Подробнее о подходе Ю.В. Романца к системе договоров см. в его монографии «Система договоров в гражданском праве России» (М., 2001), с. 83 и след.

¹²⁶ См.: *Planiol M. Classification synthétique des contrats // Revue critique de la jurisprudence en matière civile, administrative, commerciale et criminelle. Paris, 1904. P. 470-490.*

другу не противопоставляются. Отсюда проистекают следствия, трудно совместимые с целостным восприятием всех возможных обязательств. Для начала отметим, что договор – это соглашение нескольких лиц, каждое из которых чаще всего преследует разные цели¹²⁷. Таким образом, если уж и говорить о классификации договоров по целевому критерию, то необходимо выделять два вида договоров: с разнонаправленными целями и с общей целью. Во-вторых, очевидно, что многие договоры, встречающиеся на практике (особенно, если учитывать возможность комбинировать элементы самых разных соглашений), с точки зрения своего результата, к которому стремится одна из его сторон, могут быть отнесены к разным группам в рамках любой подобной классификации. В частности, если взять в качестве примера классификацию О.А. Красавчикова и рассмотреть исходя из нее договор подряда, то, с одной стороны, он попадает в группу соглашений, направленных на выполнение работ, а с другой – соответствует соглашениям, результатом которых является передача денег¹²⁸.

Дальнейший ход развития цивилистики показывает, что наука пока не смогла выстроить логически выверенную систему обязательств. Все попытки в этой области представляют собой воспроизведение подхода, изложенного выше: группировка обязательств в зависимости от цели договоров, которые их порождают¹²⁹.

¹²⁷ Договоры, направленные на общую цель, конечно, существуют, однако это не отменяет сказанного применительно к договорам, где стороны стремятся к разным результатам.

¹²⁸ Заметим, впрочем, что на помощь здесь мог бы прийти подход, хорошо известный в другом разделе цивилистики – в международном частом праве. Пункт 2 ст. 1211 ГК РФ для целей определения применимого к договорным отношениям права использует такое понятие как «исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора». Оно подразумевает существование в договоре не только исполнения, имеющего «решающее значение», но и, очевидно, соответствующего ему обязательства. Далее в этом же пункте содержится указание на то, какое исполнение и, следовательно, обязательство, по общему правилу, являются основными для данного соглашения. Однако даже использование этого инструмента не может изменить сущности классификаций обязательств в зависимости от оснований их возникновения. На первом плане все равно будут оставаться юридические факты и, прежде всего, договоры со всеми связанными последствиями: дублирование обязательств в рамках разных групп договорных отношений, проблема смешанных договоров (которая, кстати, ощущается и в упоминавшейся ст. 1211 ГК РФ, где есть «каучуковый» п. 10), игнорирование иных, не связанных с обязательствами, правовых форм общественных отношений между сторонами сделок и т.д.

¹²⁹ Чтобы подтвердить это, сошлемся на два основных современных учебника по гражданскому праву, которые в известной степени подводят итог развитию цивилистики на момент своего издания. См.: Гражданское право. Учебник. Часть I / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1998. С. 487 (автор главы – Н.Д. Егоров); Российское гражданское право. В 2 т. Т. 2 / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2010. С. 43 (автор главы – Е.А. Суханов).

Изучение литературы, в которой затрагивается вопрос изложения системы обязательств, показывает необходимость обратить внимание на позиции еще двух цивилистов. Их идеи могут помочь в выявлении новых простейших действий, в дополнение к передаче вещей и оказанию услуг.

Прежде всего следует обратиться к сочинению М.М. Агаркова «Обязательство по советскому гражданскому праву»¹³⁰. Четыре из пяти упомянутых им обязательств уже встречались в том или ином виде на страницах других исследований, упомянутых в данной работе. Существенное отличие от иных классификаций обязательств заключается в пятом обязательстве. Речь идет о совершении должником какой-либо сделки в отношении кредитора.

В современном ГК РФ это обязательство находит свое выражение, в частности, в институте предварительного договора, которому посвящена ст. 429. Пункт 1 этой статьи при помощи глагола «обязуются» прямо указывает на наличие обязательства между сторонами, заключившими предварительный договор: «По предварительному договору стороны обязуются заключить в будущем договор о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг (основной договор) на условиях, предусмотренных предварительным договором».

Это обязательство нового типа, отличающегося от уже упомянутых. Его объект заключается в создании сторонами идеального результата – двусторонней (или многосторонней) сделки, то есть юридического факта, влекущего для сторон правовые последствия.

Можно подумать, что этот объект напоминает услуги по совершению в пользу кредитора действий, имеющих юридические последствия. Однако спешим заметить, что смешивать эти две категории недопустимо. Отличительной чертой «юридических» услуг является то обстоятельство, что в них исполнитель представляет заказчика перед третьими лицами и создает для него своим односторонним волеизъявлением права и обязанности. В условиях же обязательства, возникающего из предварительного договора, говорить о третьих лицах не приходится, отношения кредитора и должника на обоих этапах (и

¹³⁰ См.: Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. Т. 2. М., 2012. С. 56-60.

предварительного, и основного договора) не выходят за рамки сторон соглашения. Их односторонние действия здесь имеют поэтому существенно меньшее значение. Ни один из контрагентов не может по своему усмотрению вторгаться в правовую сферу другого. Основная цель такого обязательства состоит в возможности побудить контрагента принять участие в совместном формировании основного договора.

Нельзя не отметить еще одну специфическую черту обязательств по заключению основного договора в соответствии с предварительным соглашением. Она сводится к потенциальной заменимости действий обязанной стороны судебным решением: суд может восполнить пассивное неправомерное поведение должника своим властным указанием. Однако такая заменимость в отечественном правовом порядке с точки зрения *lex lata* до относительно недавнего времени была весьма проблематична, так как п. 5 ст. 429 и п. 4 ст. 445 ГК РФ в своей самой первой редакции предусматривали иное последствие нарушения обязательств из предварительного договора: суд мог принуждать должника к заключению основного договора, однако закон напрямую не предусматривал возможность заменить договор судебным актом¹³¹. Судебная практика по использованию возможности принуждать должника к заключению основного договора сводилась к простому указанию на обязанность заключить договор на условиях, соответствующих предварительному соглашению¹³².

Примечательно, что ВАС РФ пытался решить проблему принуждения обязанной стороны по предварительному договору иным путем, используя *contra legem* толкование норм Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (СЗ РФ, 29.07.2002, № 30, ст. 3012). Так, в одном из дел ВАС РФ указал нижестоящим судам на возможность признавать своим

¹³¹ См. критику трактовки правоотношений из предварительного договора в первой редакции ст. 445 ГК РФ в контексте учения об охранительных и регулятивных правах, а также восполнительной функции суда по отношению к волеизъявлениям сторон предварительного договора: Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Заключение договора // Вестник Высшего Арбитражного Суда. 2013. № 5. С. 94-95.

¹³² См., к примеру: решение Арбитражного суда города Москвы от 30.06.2014 по делу № А40-48158/2013, оставленное в силе и, следовательно, подтвержденное постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.10.2014, а также определением Арбитражного суда московского округа от 12.01.2015. Предполагается, что интересы истца здесь обеспечиваются в первую очередь в рамках исполнительного производства.

решением соглашения между сторонами заключенным¹³³. Доктрина отреагировала на это указание скептически ввиду ее неподкреплённости законом, и на тот момент такая реакция выглядела вполне обоснованно¹³⁴.

Добавим, что обязательство по вступлению в соглашение встречается не только в рамках предварительного договора. Это правоотношение можно обнаружить также и в рамках института публичного договора. Примечательно, что п. 3 основной для данного института ст. 426 ГК РФ также отсылает к п. 4 ст. 445 этого закона в тех случаях, когда лицо отказывается заключить сделку с управомоченным на это субъектом. Ещё одной областью гражданского права, где можно обнаружить аналогичные отношения, являются торги (ст. 447 ГК РФ). Права и обязанности между победителем торгов и его предполагаемым контрагентом напоминают то, что было рассмотрено применительно к предварительному и публичному договорам. Вероятно, в гражданском праве можно найти и иные аналогичные примеры, где встречаются обязательства по заключению сделки между должником и кредитором, однако эти поиски имеет смысл оставить для отдельного исследования.

Отечественный правопорядок в прошлом прямо закреплял обозначенную выше возможность для некоторых случаев. Так, ГК РСФСР 1922 г., упоминавший всего три отдельные разновидности предварительных договоров, предусмотрел в ст. 182-б право суда на основании запродажной записи, относящейся именно к этой разновидности соглашений, признать основной договор купли-продажи заключенным в случае неисполнения обязанности по его заключению¹³⁵. В этой части ГК РСФСР 1922 г. шел по следам ст. 1679 X т. ч. 1 Свода законов Российской империи, а также ст. 1589 ФГК¹³⁶.

Закон о внесении изменений в часть первую ГК РФ № 42-ФЗ, подвергший радикальному пересмотру ст. 429 и связанную с ней ст. 445 кодекса, предоставил суду право своим решением признавать основной договор заключенным на

¹³³ Постановление Президиума ВАС РФ от 13.10.2011 № 4408/11 по делу № А68-6859/10.

¹³⁴ См.: *Бевзенко Р.С., Егоров А.В.* Поправки о залоге. Новые возможности для маневра. М., 2015. С. 21-22 (автор раздела – *Р.С. Бевзенко*).

¹³⁵ См.: *Новицкий И.Б., Луиц Л.А.* Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 146 (автор главы – *И.Б. Новицкий*).

¹³⁶ См.: *Новицкий И.Б.* Обязательство заключить договор. М., 1947. С. 17.

условиях предварительного соглашения. Таким образом, своеобразие обязательства по вступлению в договор теперь выделено не только цивилистической доктриной, но и позитивным правом¹³⁷.

Вопрос систематизации обязательств в аналогичном ключе подвергался анализу также и В.А. Белова¹³⁸. Ученый выделил шесть групп обязательств со следующими объектами: (1) передача вещей, (2) установление или прекращение субъективного права у кредитора или указанного им третьего лица, (3) работа, (4) услуга, (5) воздержание от конкретных действий, (6) предоставление информации.

Сразу заметим, что обязательства с отрицательным содержанием, объектом которых, согласно В.А. Белову, является «воздержание от конкретных действий», находятся за рамками данной работы. Это отдельная и большая тема. Кроме того, обращает на себя внимание группа под вторым номером. Примечательным является отдельное место, которое было выделено В.А. Беловым для этого правоотношения в классификации обязательств.

Думается, любое из относительных правоотношений во второй группе в системе В.А. Белова подпадает под понятие услуги. Ведь если кредитор может требовать у должника совершения юридически значимого действия в пользу себя или третьего лица, то что это как не услуга? Если обратиться к тем известным ГК РФ договорным институтам, в которых фигурируют подобные обязательства (например, поручение, агентирование), то можно убедиться, что любое из них подразумевает со стороны должника определенную целесообразную деятельность в интересах кредитора, требующую хотя бы минимального физического или интеллектуального напряжения, – а это признаки услуги.

В этом случае можно возразить, что, если отталкиваться от приведенного понимания услуг, то передача вещей – это тоже оказание услуги. Однако отличительной чертой обязательств по передаче вещей является их непосредственная направленность на передачу материальных объектов от одних

¹³⁷ Заметим, что новая редакция норм о предварительном договоре не соответствует подходу, первоначально предложенному в п. 2.7.1 Концепции совершенствования общих положений обязательственного права России. Концепция исходит из того, что сбалансированная модель регулирования предварительного договора не дает суду возможность восполнять волю сторон такого договора своим решением, оставляя ему лишь право обязать нарушителя возместить убытки потерпевшей стороне.

¹³⁸ См.: Белов В.А. Гражданское право: Особенная часть. М., 2004. С. 407; Белов В.А. Денежные обязательства. М., 2007. С. 5-10.

субъектов к другим, сопровождающаяся переходом права собственности либо установлением на них иного права. Для обязательств по оказанию услуг это либо невозможно вообще (как в случае с юридическими услугами), либо является лишь одним из элементов в комплексе совершаемых действий (в случае с подрядом). Именно из-за взаимосвязи передачи вещей с переходом (или возникновением) вещных прав на них ее следует противопоставлять всем прочим предметам обязательств.

Проведенный анализ разных вариантов систематизации обязательств, встречавшихся ранее в теории гражданского права, показал, что вслед за классификацией обязательств в законе абсолютно доминирующим является подход, выставляющий на первый план основание возникновения обязательств, который дополняется целью совокупности обязательств, порожденных этим основанием. Рассмотрение отдельных элементарных видов обязательств в зависимости от их объектов хоть и встречается, но остается второстепенным в тени критериев систематизации, диктуемых позитивным правом.

§2. Объект обязательств как основа их систематизации

Главное назначение любого обязательства состоит в том, чтобы служить юридическим средством, обеспечивающим переход определенного блага от одного лица к другому либо предоставление управомоченному лицу доступа к этому благу. Благо здесь должно пониматься в широком смысле: это могут быть вещи, услуги, информация и прочие ценные объекты прав, удовлетворяющие те или иные потребности участников оборота. Переход блага от одного лица к другому зачастую также сопровождается и определенным юридическим эффектом, связанным с возникновением у кредитора нового права на благо (пример – аренда) либо с перенесением на него уже существующего права на благо, которое прежде было у должника (пример – заём). Зачастую, но не всегда: в этом плане, пожалуй, единственным юридическим эффектом, в частности, оказания услуг является прекращение обязательства исполнением.

С точки зрения этих благ все обязательства могут быть сведены к следующим группам: по передаче вещей, по предоставлению доступа к объекту, по оказанию

услуг, по передаче информации (или, точнее, по сообщению информации) и по заключению договора с кредитором. Первую из них целесообразно разбить на две подгруппы в зависимости от того, насколько конкретно определен объект – при помощи уникальных характеристик или посредством родовых признаков; во втором обязательстве можно выделить производство работ, услуги по совершению определенных действий, имеющих юридическое значение, услуги по совершению сугубо фактических действий в пользу кредитора. Содержание каждого из перечисленных обязательств находится в прямой зависимости от свойств соответствующего им объекта, которые позволяют обнаружить у каждого из них определенные уникальные характеристики.

Специально заметим, что пока объект интерпретируется в соответствии лишь с одним из множества подходов к этому понятию. Для того, чтобы продолжить рассуждения об основе систематизации обязательства, этого достаточно; подробно же объект правоотношения будет рассмотрен далее, в ходе анализа обязательства по передаче вещей.

Материальность и пространственная ограниченность вещи, когда она является объектом соответствующего относительного правоотношения, определяют особый, специфический тип исполнения обязательства – передачу вещи (*traditio*), а также результат этого действия – прекращение владения у передающей стороны и появление его у стороны принимающей. Специфика *traditio* заключается, в частности, в том, что для ее осуществления необходимо активное встречное сотрудничество передающей стороны и принимающего субъекта. Особенности обязательства по передаче вещей будут подробнее освещены далее.

Обязательство по передаче вещей следует отличать от иного относительного правоотношения, которое также оперирует ценностью материального предмета, его полезными свойствами, но без перехода владения в отношении объекта или, говоря иначе, без его передачи. Речь идет об обязательстве по предоставлению доступа к вещам. Они в обороте распространены значительно меньше, однако довольно многообразны. К ним можно отнести, например, обязательства из договора имущественного найма без передачи вещи во владение, и гораздо менее известное снабжение через присоединенную сеть. Последнее также представляет

собой пользование чужим имуществом с определенными свойствами (например, электрической сетью с поддерживаемой в ней на определенном уровне мощностью) без приобретения кредитором владения в отношении него¹³⁹. Одна из наиболее специфических черт подобных обязательств лежит на поверхности: поскольку кредитор лишен владения, то и способами защиты, которые сопряжены с владением, – в первую очередь предусмотренными ст. 305 ГК РФ – он пользоваться не может.

Ключевым свойством услуг как объекта обязательств следует считать его тесную связь с личностью должника. Можно сказать, что всякий раз, когда речь идет об оказании услуг, за этим стоит та или иная степень доверия кредитора исполнителю. Это может быть вера в его способность высокопрофессионально выполнить поставленную перед ним задачу, наложив на исполнение свой отпечаток своей личности (это имеет место, например, при исполнении музыкального произведения). Это может быть уверенность кредитора в способности должника оказать услугу, обеспечив при этом высокий уровень безопасности носителя соответствующего права требования (например, при оказании транспортных услуг – перевозки пассажиров). Это может быть высокая оценка кредитором способности должника выполнить работу в оговоренные сроки или, некоторых случаях, организовать ее выполнение с привлечением третьих лиц на отдельных этапах (например, в рамках подряда и генерального подряда – по сути, особой разновидности услуг).

Одним из важнейших, сугубо юридических следствий указанного принципиального свойства такого объекта как услуги является отсутствие правопреемства при исполнении соответствующего обязательства. В этом плане оказание услуг противостоит передаче вещей и сообщению информации, где кредитор после исполнения неизбежно претерпевает определенный юридический эффект, как правило, сопряженный с появлением у него более или менее полного права на приобретенный объект.

¹³⁹ Своеобразие этих отношений (с точки зрения В.А. Белова не укладывающихся полностью в относительно-правовые рамки) было описано в статье: *Белов В.А.* Гражданско-правовые формы отношений снабжения через присоединенную сеть // Проблемы современной цивилистики: сборник статей, посвященных памяти профессора С.М. Корнеева / Отв. ред. Е.А. Суханов и М.В. Телюкина. М., 2013. С. 149-189.

Степень интенсивности связи объекта данного обязательства с личностью должника может приводить к тому, что данное правоотношение становится личным обязательством, в котором замена обязанной стороны, обладающей уникальными умениями, будет невозможна. Именно такой принцип регулирования договора об оказании услуг зафиксирован в ст. 780 ГК РФ. В литературе справедливо обращалось внимание на важность этого законодательного положения при характеристике прав и обязанностей сторон в обязательствах об оказании услуг¹⁴⁰.

У тесной связи услуг с личностью должника есть и другая весьма значимая сторона, резко выделяющая соответствующее обязательство среди всех прочих. Свойства услуг в известной степени трансформируют ответственность должника, делая невозможным исполнение лежащей на нем обязанности без его желания; кредитор при этом получает лишь право заявить требование о взыскании убытков. Совершенно не случайной на этом фоне выглядит норма ст. 398 ГК РФ о принудительном исполнении обязательств, которая касается только передачи индивидуально-определенных вещей, подчеркивая тем самым их наименьшую связь с личностью должника. Для принуждения должника к исполнению иных обязательств законодательство предусматривает иные средства, носящие скорее мотивирующий характер, как, например, новый для ГК РФ институт, схожий с французским *astreinte* и закрепленный в п. 1 ст. 308.3.

Говоря об обязательствах по сообщению информации, необходимо отметить следующую ключевую характеристику сведений: в ходе их передачи другому лицу количество обладателей этого объекта прав не остается неизменным (как, к примеру, при передаче вещей), а фактически удваивается. Как следствие, в законе появляются такие правила, как, например, нормы п. 2 ст. 1468 ГК РФ, обязывающие лицо, передавшее свое исключительное право на ноу-хау, содержать соответствующие сведения в тайне. Указанное свойство информации, в частности, делает проблематичным применение к этому обязательству норм о купле-продаже (по крайней мере, в ее классическом виде), как это предлагают некоторые

¹⁴⁰ См.: Санникова Л.В. Обязательства об оказании услуг в российском гражданском праве. М., 2007. С. 24-25.

правоведы¹⁴¹. Можно сказать, что в плане связи с личностью информация занимает промежуточное положение между вещами и услугами – с одной стороны, право дает инструменты, позволяющие установить над сведениями единоличное господство, но при этом, с другой стороны, если лицо однажды узнало определенную информацию – предмет обязательства, у него всегда есть возможность ее хранить без ограничения по времени.

Кроме отмеченных особенностей обязательства по сообщению информации у него есть и другие, весьма важные специфические черты, сближающие его с обязательствами по передаче вещей. Отметим две из них.

Во-первых, современному праву известны средства, которые позволяют устанавливать субъектам абсолютное господство над тем или иными сведениями. Результатом исполнения обязательства по сообщению информации, таким образом, может быть переход абсолютного права в отношении данной информации от одного лица к другому, – точно так же, как это происходит при передаче вещей. Подобное сингулярное правопреемство хорошо видно, к примеру, в случае передачи исключительного права на секрет производство в соответствии с п. 1 ст. 1468 ГК РФ. Несмотря на то, что эта норма умалчивает о чисто обязательственном аспекте этого договора, сердцевиной которого является обязанность по наиболее полному сообщению информации новому владельцу ноу-хау, передача сведений тесным образом связана с переходом исключительного права на секрет производства.

В плане связи с переходом абсолютных прав оба вида обязательств (по передаче вещей и по сообщению сведений) вместе противостоят оказанию услуг и заключению договора. Но между ними есть и очевидная разница: в случае с нематериальным объектом его закрепление происходит искусственно, через применение чисто правовых средств, среди которых выделяется угроза ответственности для лица, совершившего неправомерные действия с соответствующими сведениями. Применительно к вещам у права, обеспечивающего (можно сказать, «формирующего») господство над соответствующим предметом, имеется очень существенное фактическое

¹⁴¹ См.: Пугинский Б.И. Коммерческое право России. М., 2004. С 247.

подспорье – владение материальным объектом вместе со способностью владельца своими силами устранять всякое посягательство на обладаемую вещь. Иными словами, передача информации, как и передача вещей, часто связана с переходом абсолютного права на этот объект. Более того, если передача вещи сопровождается переходом владения на нее, то в случае сообщения сведений закону известен своеобразный аналог – конфиденциальность. Конфиденциальность является условием существования исключительного права на секрет производства в соответствии с п. 1 ст. 1465 ГК РФ.

Вторым свойством информации, на которое нужно обратить внимание, служит ее способность запечатлеваться на разнообразных материальных носителях – вещах с точки зрения гражданского права. Соединение вещей и информации является одним из случаев усложнения относительных правоотношений, образующихся на их «пересечении», при возникновении из одного юридического факта. Поясним эту мысль примерами своего рода «сложных» объектов соединяющих в себе информацию и вещь: ценные бумаги (глава 7 ГК РФ), легитимационные знаки (например, упомянутый в абз. 3 п. 2 ст. 887 ГК РФ номерной жетон, подтверждающий заключение договора хранения), произведения искусства (здесь стоит обратить внимание на примечательные с точки зрения соединения информации и вещи оригиналы произведения, упомянутые в п. 1 ст. 1291, ст. 1292, п. 1 ст. 1293 ГК РФ), материальные носители сведений о частной жизни гражданина, упомянутые, например, в п. 4 ст. 152.2 ГК РФ. Отличительной чертой обязательств по передаче таких объектов являются разнообразные юридические эффекты, не связанные напрямую с господством на передаваемую вещь: начиная от приобретения новым владельцем вещи обязательственных прав в отношении лица, обязанного по ценной бумаге, и заканчивая обязанностью обеспечить доступ автора к приобретенной вещи-предмету изобразительного искусства.

Специфика обязательств по заключению договора заключается в двух основных характеристиках. На первом плане находится чисто юридическая сущность их объектов – собственно соглашение должника с кредитором. Необходимо понимать, что договор, как и всякая иная сделка, – явление идеального порядка: с

одной стороны, он является частным случаем юридического факта – теоретической категории, служащей познанию юридической, а значит мыслимой реальности; с другой стороны, он как совокупность определенных условий состоит из суждений о последствиях своего заключения, с которыми согласны обе стороны. Отсюда вытекает потенциальная заменимость действий должника по исполнению обязательства соответствующим судебным актом¹⁴². Суд (а потенциально и любой иной юрисдикционный орган) может, с одной стороны, признать юридический факт наступившим, а с другой стороны, может «дополнить» суждения о последствиях этого юридического факта вместо стороны, которая неправомерно отказывается это сделать.

Таким образом, всю совокупность отношений, встречающихся в имущественном обороте, можно представить в виде нескольких простейших обязательств. Эти правоотношения составляют систему, в основе которой находится определенное благо, удовлетворяющее интерес контрагента. Вместе с действием должника, сопровождающим исполнение соответствующей обязанности, система сводится к следующим компонентам: передача вещи, предоставление доступа к вещи, оказание услуги, сообщение информации и заключение договора с кредитором. При этом свойство каждого из них непосредственным образом влияет на права и обязанности соответствующего обязательства.

§3. Понятие обязательства по передаче вещей

Результат применения описанного в первой главе данной работы аналитического подхода к гражданскому обороту необходимо продемонстрировать не только в построении оторванной от юридических фактов системы обязательств. Несомненно, очень важно показать, что описание и анализ отдельных относительных правоотношений не будет бессодержательным с точки зрения своего результата, но позволит сгруппировать все нормы, применимые к данному обязательственному типу, и тем самым укрепить принцип «аналогичным общественным отношениям – схожее правовое регулирование».

¹⁴² Подробнее об этом свойстве обязательства по заключению договора будет сказано ниже.

Рассмотрение всех простейших обязательств – задача для отдельного (и притом колоссального) исследования, поэтому для иллюстрации последовательного применения аналитического подхода будет использовано обязательство по передаче вещей. Причина в ее наибольшей урегулированности правом. Нормативный материал обязательственного права, покоящийся на фундаменте, самый значительный.

Поскольку выше в качестве альтернативы господствующему положению основания обязательства и, прежде всего, договора в вопросе систематизации обязательственного материала была предложена альтернатива в виде объекта этого правоотношения, такое предложение требует проверки.

Основных задач, решаемых при описании отдельного вида относительного правоотношения, две. Во-первых, это демонстрация тех уникальных юридических характеристик, которые присущи только ему. Во-вторых, должен быть решен вопрос о нормах, которые применяются исключительно к этому обязательству в силу его юридической специфики. В рамках второй задачи необходимо показать, от чего зависит содержание обязательства и, как следствие, результат его исполнения. Рассмотрение содержания обязательства при этом подразумевает ответ на вопрос, «что может требовать кредитор от должника в рамках обязательства», и разбор факторов, влияющих на ответ. Анализ результата исполнения должен показать, как меняется правовое положение сторон после исполнения обязательства.

Решение этих проблем предполагает прежде всего максимально ясное представление об обязательстве по передаче вещей. Оно, в свою очередь, требует, во-первых, определения, которое объединяет в себе ключевые характеристики этого правоотношения, и, во-вторых, четкую дифференциацию этого вида обязательств от иных, примыкающих к нему правовых форм общественных отношений.

Оборот вещей, основным инструментом которого является обязательство по передаче вещей, занимает особое место в сфере имущественных отношений, складывающихся в обществе. Основных причин для этого, по-видимому, две.

Первую из них можно назвать исторической: древнейшие экономические отношения между людьми имели своим объектом именно вещи¹⁴³. Самый примитивный обмен, который можно встретить в истории человеческого общества, сводился к переходу вещей от одних владельцев к другим, так как нацелен он был на удовлетворение базовых, сугубо материальных потребностей человека. Эта историческая причина обуславливает то, что отношения, складывающиеся в сфере обмена вещами, находятся в центре всего гражданского права в целом. Основные цивилистические институты, такие, как договор, собственность, выросли именно на основе вещного оборота и лишь потом были перенесены на иные области имущественного обмена. В частности, так произошло с передачей как с юридической категорией. Она кажется настолько естественной и привычной, что велик соблазн называть передачей переход от одних лиц к другим нематериальных объектов, которые передать в строгом смысле этого слова нельзя¹⁴⁴.

Вторая причина связана с тем, что отношения по поводу вещей являются, по всей видимости, самыми распространенными в гражданском обороте, даже если мы говорим о современном обществе, в котором особое значение приобрели нематериальные активы.

В первую очередь необходимо остановиться на вопросе возникновения обязательств по передаче вещей. Очевидно, что эти правоотношения возникают из множества правомерных действий, но интереснее разобраться в том, могут ли правонарушения, недействительные сделки быть основанием их возникновения.

Сначала обратимся к виндикационному требованию и корреспондирующей ему обязанности нелегитимного владельца вещи передать удерживаемый предмет лицу, заявляющему требование. В вопросе квалификации этого правоотношения в качестве обязательственного есть как проponentы¹⁴⁵, так и

¹⁴³ См., к примеру: *Гусаков А.Г.* Деликты и договоры как источники обязательств в системе гражданского права Древнего Рима. М., 1896. С. 23.

¹⁴⁴ См.: *Блинковский К.А.* Соотношение категорий передачи вещей и передачи товаров // Законодательство. № 11. 2013. С. 18-26.

¹⁴⁵ См., например: *Власова А.В.* Указ соч. С. 83; *Крашенинников Е.А.* К теории права на иск. Ярославль, 1995. С. 31; *Лоренц Д.В.* К вопросу о виндикационном правоотношении // Вестник ЧелГУ. 2008. № 31. С. 79.

критики. На аргументах¹⁴⁶ тех правоведов, которые отказывают виндикационному правоотношению в статусе обязательства, имеет смысл остановиться подробнее.

Отмечается плохая совместимость виндикационного правоотношения с правилами ст. 314 ГК РФ, которые устанавливают семидневный срок для исполнения корреспондирующей виндикационному требованию обязанности. В случае просрочки убытки было бы логично взыскивать в соответствии нормами главы 25 ГК РФ. Однако убытки у собственника возникают уже в момент утраты им вещи, и взыскиваются они в рамках деликтных и кондикционных отношений.

Следующим аргументом является возможность заменить реальное исполнение на возмещение убытков в рамках обязательства. Когда речь заходит о виндикации, это не представляется возможным.

Некоторые исследователи считают, что виндикационное требование не может быть передано третьему лицу так же, как обязательственное требование, из-за его тесной связи с владельческим титулом.

Обращается внимание на то, что виндикационное правоотношение не может быть прекращено способами, применимыми к обязательствам: ни новация, ни отступное, ни прощение долга здесь не могут выполнить свою функцию.

Наконец, в литературе встречается точка зрения, согласно которой виндикационные отношения (а также негаторные) не могут считаться обязательствами по более фундаментальной причине, обобщающей во многом все предыдущие аргументы критиков: эти отношения нельзя отделять от самого вещного права, защищаемого ими, они являются его составной частью¹⁴⁷. Виндикация и негаторное требование – это в первую очередь средство защиты права собственности, они бессмысленны при отсутствии его и существуют, только пока существует это право. «В этом смысле вещные иски предстают перед нами не как относительные требования к совершению действий по передаче вещи собственнику или по устранению препятствий в пользовании вещью, но как

¹⁴⁶ См., например: *Аникин А.С.* Содержание и осуществление исключительных прав. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 143-145. См., также подход Я. Шаппа, который характеризует виндикационное требование как «вещное притязание», противопоставляя его обязательствам: *Шапп Я.* Система германского гражданского права. М., 2006. С. 58-59.

¹⁴⁷ См.: *Гурвич М.А.* Право на иск. М., 1978. С. 142-145.

требования о прекращении нарушений права собственности, указание нарушителю на его обязанность в абсолютном правоотношении. Такое притязание есть одновременно осуществление абсолютного правомочия требования»¹⁴⁸.

Защиту от критики будет правильно начать именно с последнего аргумента в силу его принципиального характера. Аналитический подход к обязательствам и ко всему частному праву в целом при его последовательном проведении не позволяет смешивать абсолютные и относительные правоотношения даже в рамках одного комплексного института, каковым является собственность. Тот факт, что закон охраняет владение, пользование и распоряжение индивидуально-определенной вещью – субправомочия, принадлежащие собственнику – от всех третьих лиц вовсе не означает, что и тесно связанные с этими субправомочиями требования, направленные к конкретному нарушителю, будут носить такой же абсолютный характер. Напротив, такое требование вполне отвечает определению обязательства из п. 1 ст. 308 ГК РФ, обладает всеми его признаками: оно относительно, поскольку в каждый конкретный момент истребуемая вещь может находиться только у одного обязанного лица, а «не у всех и каждого»; ему корреспондирует обязанность незаконного владельца совершить положительное действие – выдать вещь, а интерес управомоченного лица не может быть удовлетворен его собственными действиями, ему предоставлено лишь право требовать выдачи вещи¹⁴⁹.

Если согласиться с этим, если признать, что виндикация – это разновидность обязательства, то можно предложить ответы и на другие критические замечания. Не обнаруживаются препятствия для того, чтобы виндикационное требование нельзя было бы прекратить отступным, прощением долга или тем более трансформировать в другое правоотношение посредством новации.

Вместе с тем следует, конечно, помнить, что виндикационное обязательство обладает важной особенностью: оно всецело зависит от судьбы охраняемого им вещного права и той вещи, которая выступает объектом последнего. В частности,

¹⁴⁸ Аникин А.С. Содержание и осуществление исключительных прав. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 145.

¹⁴⁹ См.: Крашенинников Е.А. К теории права на иск. Ярославль, 1995. С. 31.

это означает, что при выбытии вещи из имущества пассивной стороны правоотношения или в случае утраты активной стороной права на эту вещь виндикация становится невозможной¹⁵⁰.

Добавим также, что рассуждения о квалификации виндикационного права требования в целом по аналогии применимы и к кондикционным, и к реституционным отношениям.

Оборот вещей отличается большим многообразием. Это связано не только со свойствами самих вещей, которые весьма часто непосредственно влияют на отношения по их передаче, но также и с юридическими формами, в которые отливаются соответствующие отношения. Первое, что можно отметить, это значение данных форм: почти всегда они связаны с правом или, точнее, почти всегда влияют на отношения, регулируемые правом. Связь с правом выражена прежде всего в центральном элементе любых отношений, складывающихся в сфере оборота вещей – в их передаче.

Любая передача вещей характеризуется общими элементами. Во-первых, результативная передача всегда приводит к смене владельцев переданной вещи. Владение, понимаемое как «фактическое господство лица над телесной вещью»¹⁵¹, – это тот минимум, который не может не перейти от одного лица к другому в ходе передачи вещи и к которому могут прибавляться иные юридически значимые последствия в зависимости от намерений сторон¹⁵².

Второй элемент, присущий любой передаче: по своей сути она невозможна без согласованного поведения передающей и принимающей сторон, одна из которых стремится передать вместе с вещью владение ею, а вторая – желает эту вещь принять и установить в отношении нее собственное владение¹⁵³. Вряд ли можно отрицать то, что сама сущность этого действия предполагает двусторонность: вещь необходимо вручить и принять. Если хотя бы один из этих элементов будет отсутствовать, то передача не состоится. Не случайно Э. Дженкс обращал

¹⁵⁰ См.: *Тузов Д.О.* Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М., 2007. СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵¹ Барон Ю. Система римского гражданского права. Выпуск второй. М., 1898. С. 1.

¹⁵² См.: *Дженкс Э.* Английское право. М., 1947. С. 309.

¹⁵³ Собственное владение в данном случае может означать также и владение для другого лица, например, кредитора нового владельца вещи. Эпитет «собственное» применительно к владению в данном случае указывает на независимое господство, которое новый владелец желает установить над полученной вещью.

внимание на то, что в случае передачи «за прилавком купца, последний, конечно, протягивает руку, но ее должен протянуть и покупатель, чтобы взять предмет»¹⁵⁴.

Уже здесь хорошо видна специфика обязательства по передаче вещей со стороны его исполнения. Если взять другой тип обязательств, связанный, к примеру, с услугами, то для его исполнения направленность воли кредитора имеет совершенно другое значение, а точнее, по всей видимости, не имеет значения вовсе (по крайней мере в очень значительном количестве случаев). В самом деле, если исполнитель обязался исполнить музыкальное произведение в определенном месте и в определенное время, то он вполне может выполнить договоренность, даже если кредитор не явился.

Описанное свойство передачи было центральным элементом представлений римских юристов о владении, которое подразумевало не только собственно господство над вещью (*corpus possessionis*), но также и стремление над ней господствовать (*animus possidentis*) либо в своих интересах (*possessio*), либо в интересах другого лица (*detentio*)¹⁵⁵. Это же свойство предопределяет невозможность квалификации в качестве *traditio* таких действий, как адресации вещи неопределенному (или не вполне определенному) лицу. Примеры такой своеобразной «передачи» встречаются в юридических памятниках¹⁵⁶, можно их обнаружить и в некоторых современных отраслях экономики¹⁵⁷.

¹⁵⁴ *Дженкс Э.* Английское право. М., 1947. С. 308. Несмотря на то, что Э. Дженкс определяет передачу на почве английского права, его суждение вполне можно расценивать как имеющее всеобщее значение, так как оно основывается на самой сущности действия по передаче. В российской литературе схожее понимание передачи можно найти, к примеру, в этом труде: *Тузов Д.О.* Реституция в гражданском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. С. 54.

¹⁵⁵ В концентрированном виде разницу между владением и держанием можно передать при помощи следующего высказывания О.С. Иоффе: «Римляне обеспечивали специальной защитой владение (*possessio*), но не держание (*detentio*): первое означало обладание вещью для себя и, стало быть, как правило, именно и сопутствовало праву собственности; второе являлось обладанием для другого, и, значит, сопряженность его с правом собственности обладателя была исключена с самого начала» (*Иоффе О.С., Мусин В.А.* Основы римского гражданского права. Л., 1975 С. 82 (автор главы – *О.С. Иоффе*)). О разнице между *possessio* и *detentio* см. также: *Дернбург Г.* Пандекты. Т. II. М., 1911. С. 1, 15; *Покровский И.А.* Владение в русском проекте Гражданского уложения / Журнал Министерства юстиции. 1902. № 10. С. 27-54; *Рудоквас А.Д.* Приобретательная давность и давностное владение. Дис. ... д-ра. юрид. наук. СПб, 2011. С. 123, 130, 159 и след.; *Хвостов В.М.* Система римского права. М., 1996. С. 272, 278.

¹⁵⁶ Так, римские юристы обращали внимание на своеобразие такого действия, как бросание монет в толпу (см.: *Дернбург Г.* Пандекты. Т. II. М., 1911. С. 113). Для того, чтобы это действие считалось передачей вещей, ему не хватает определенности на стороне получателя. Примечательно, однако, что результат этого действия такой же, как и результат исполнения многих обязательств по передаче вещей, – переход права собственности на отчуждаемые вещи.

¹⁵⁷ Действия, называемые передачей, также встречаются в области тепло-, газо-, водо- и энергоснабжения. Об их своеобразии можно судить по выводу, сделанному С.М. Корнеевым применительно к договору о снабжении электроэнергией: «Передача электроэнергии потребителю осуществляется своеобразным способом

К этим характеристикам уместно добавить еще два признака. Во-первых, передача является специфическим действием, которое связано только с вещами – особыми объектами гражданских прав, обладающими специфическими признаками. Среди них два основных – это материальность и пространственная ограниченность. Отсюда следует, как минимум, один существенный вывод: в форму передачи не может отливаться оборот иных имущественных ценностей, например, субъективных прав и обязанностей. Забегая вперед, можно указать на логическое следствие: обязательство по передаче вещей следует строго отграничивать от правопреемства (самостоятельной гражданско-правовой категории), противопоставлять ему.

Второе замечание, которое следует сделать, состоит в том, что передать можно только индивидуально-определенную вещь. Или, иначе и точнее говоря, передача всегда индивидуализирует вещь¹⁵⁸, независимо от того, как она была определена до этого – индивидуально-определенным, родовым или альтернативным способом. Несколько забегая вперед, заметим, что это не означает индивидуализации навсегда: сразу после передачи вполне может наступить смешение переданных движимых вещей с аналогичными им, которое превратит данные вещи из индивидуально-определенных в определенные родовыми признаками. Однако же в момент передачи, сколь бы кратким этот момент не был, вещи определены индивидуально.

По всей видимости, на этом заканчиваются все признаки, которые являются общими для всех актов передачи вещей. Разнообразие здесь очень велико, и проявляется оно лучше всего в дифференцированных целях, которые преследуют

– путем предоставления потребителю технической возможности ее использовать; особой сделки «передачи» здесь нет» (*Корнеев С.М.* Договор о снабжении электроэнергией между социалистическими организациями. М., 1956. С. 104). Для многих из подобных действий характерна та же неопределенность на стороне принимающей стороны, что и в случае с швырянием денег в толпу, к которой, однако, прибавляется также и неопределенность на стороне, осуществляющей снабжение соответствующим ресурсом. Эти отношения объединяются понятием снабжения через присоединенную сеть. Об их квалификации и соотношении с классической передачей см.: *Белов В.А.* Что такое передача через присоединенную сеть и является ли она передачей в юридическом смысле этого слова (traditio)? // Законодательство. 2011. № 8. С. 30-38.

¹⁵⁸ Об этой функции передачи см., например: *Ахметжанова Д.Х.* Юридическое значение концентрации в договоре купли-продажи вещей, определенных родовыми признаками // Вестник гражданского права. № 1. 2017. С. 37-53; *Хаскельберг Б.Л., Ровный В.В.* Индивидуальное и родовое в гражданском праве. М., 2004. С. 30-31, 97.

Особое внимание этой функции передачи придавалось в контексте ст. 66 ГК РСФСР 1922 г. См. в связи с этим: *Гражданское право / Под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина.* Т. 1. М., 1944. С. 237 (автор главы – *Д.М. Генкин*).

разные случаи передачи вещей. На первое место следует поставить случаи исполнения обязательств посредством *traditio*. Вторыми идут случаи передачи вещей, необходимые для возникновения обязательств из реальных договоров. Передача вещей также может служить необходимым условием для исполнения должником своих обязанностей. Помимо этого, *traditio* иногда приводит к непосредственному юридическому эффекту, например, в виде перехода к одаряемому права собственности на принятую вещь в рамках дарения. Передача вещей также может приводить к изменению обязательства или к его прекращению при помощи иного действия, чем исполнение. Именно это происходит при передаче отступного¹⁵⁹. Наконец, передача вещей может иметь доказательственное значение, как это имеет место, например, при исполнении кредиторской обязанности по передаче должнику особой вещи – расписки в получении исполнения в соответствии с п. 2 ст. 408 ГК РФ.

Из этого перечня видно, что, во-первых, передача вещей может приводить к различным юридическим последствиям, находясь в разной взаимосвязи с обязательствами, приводя как к их возникновению и изменению, так и к их прекращению. Наметим и второе существенное следствие: передачу вещей с точки зрения гражданского права можно исследовать с разных точек зрения, в зависимости от того, какую цель она преследует. Далее будет идти речь о передаче вещей только в той мере, в которой она нацелена на исполнение особого правоотношения – обязательства по передаче движимых вещей.

Краткое рассмотрение основных свойств передачи обращает внимание на ту определяющую роль, которую играет объект передачи – вещь. Именно ее характеристики являются основным фактором, влияющим на юридическую квалификацию этого действия. Благодаря свойству материальности вещи, ее передача требует встречного взаимодействия участвующих сторон и результатом ее выступает переход владения в отношении передаваемой вещи¹⁶⁰.

¹⁵⁹ См.: Белов В.А. Гражданское право. Т. IV. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы. М., 2013. С. 118.

¹⁶⁰ Заметим, что извлечение полезных свойств из вещей возможно и без их передачи, то есть без перехода владения в отношении объекта обязательства. Такое использование материального предмета имеет место, к примеру, при «пользовательской» аренде (обозначенной в абз. 1 ст. 606 ГК РФ при помощи словосочетания «предоставить имущество во временное пользование», противопоставленного в этом определении выражению «предоставить имущество во временное владение и пользование», которое обозначает «владельческую

Детерминирующая связь объекта гражданских прав с юридически значимыми действиями, совершаемыми в отношении них, заставляет предположить, что ее можно проследить и в сфере правоотношений, оформляющих их переход от одних лиц к другим. Это предположение и задача по его анализу являются одними из краеугольных камней настоящей работы.

Здесь следует обрисовать основные характеристики обязательства по передаче вещей, которые составляют его определение. Обязательство по передаче вещей является относительным правоотношением, цель которого – побудить должника передать кредитору вещь (или вещи), определенную заранее, до передачи, либо индивидуальными, либо родовыми признаками и являющуюся выражением признаваемого законом интереса кредитора. Содержание этого обязательства заключается в праве требования кредитора, а также в обязанности должника по обеспечению поступления вещи во владение кредитора либо указанного им лица. Объектом данного правоотношения является вещь, подлежащая передаче¹⁶¹ и определенная до передачи при помощи большего или меньшего набора признаков; предметом – уже конкретная вещь, индивидуализированная самим актом передачи. Последний значимый элемент в этой системе – передача вещи, подразумевающая согласованное взаимодействие должника и кредитора, является действием по исполнению данного обязательства.

Сперва заметим, что, несмотря на слабую разработку этого правоотношения как самостоятельной разновидности обязательства в доктрине, в ней все же встречаются более или менее развернутые его описания. Пожалуй, самым подробным из них является анализ В.А. Белова. Упомянуть позицию этого ученого важно прежде всего потому, что она основывается на необходимости индивидуализации подлежащей передаче вещи. Определение В.А. Беловым данного обязательства, таким образом, включает в себя только «известную (индивидуально-определенную или индивидуализированную) вещь», исключая,

аренду») и, в частности, при аренде ячейки в камере хранения. Можно сказать, что здесь сущность обязательства сводится к предоставлению доступа к объекту, в котором заключен интерес кредитора, а не к его передаче. Сущность этого обязательства описывалась выше при изложении системы обязательств.

¹⁶¹ Вопрос об объекте обязательства по передаче вещей (как, впрочем, и всякого иного правоотношения) является проблематичным. Ему будет посвящен, отдельный, третий параграф настоящей главы. Пока же просто примем указанный подход к пониманию объекта описываемого обязательства.

следовательно, вещи, определенные родовыми признаками. Такое мнение основывается, во-первых, на индивидуализирующей функции *traditio*, отмеченной выше, и, во-вторых, на требовании к определенности действия должника в рамках обязательства¹⁶².

Предложенное выше определение исследуемого правоотношения, являющееся основой для данной работы, не ограничивает его объект одними лишь конкретными, индивидуально-определенными вещами. Более того, деление вещей на родовые и индивидуально-определенные далее будет рассмотрено как основополагающее для всей системы обязательств по передаче вещей, то есть как в значительной степени определяющее возможности сторон этого правоотношения, а также распределение между ними прав, обязанностей и рисков после исполнения должником своей обязанности по передаче. Далее также будет показано, что характеристика объекта данного обязательства через родовые признаки не делает содержание обязанности должника недостаточно конкретным, хотя, нельзя не признать, она дает пассивной стороне правоотношения более широкую свободу действий по сравнению с обязанностью по передаче индивидуализированной вещи. По этим причинам следует принять подход к обязательству по передаче вещей М.М. Агаркова, который не уточняет, какие именно вещи подлежат передаче – индивидуально-определенные или родовые, – допуская оба варианта¹⁶³.

В предложенное выше определение заложено понимание обязательственного правоотношения как связи лишь одного права требования и корреспондирующей ему обязанности. Эта интерпретация является продолжением того аналитического (в противоположность инструментальному) подхода к праву, который был обозначен в начале настоящей работы. И в этом плане он несовместим с встречающимся в литературе допущением существования сложных

¹⁶² См. (в том числе о частном случае индивидуализации объекта в рассматриваемом обязательстве – о так называемой «концентрации» генерических вещей): *Ахметжанова Д.Х.* Юридическое значение концентрации в договоре купли-продажи вещей, определенных родовыми признаками // Вестник гражданского права. № 1. 2017. С. 27.

¹⁶³ См.: *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. Т. 2. М., 2012. С. 56-57.

правоотношений, состоящих из множества субъективных прав и обязанностей¹⁶⁴. Типичным примером такого сложного, комплексного правоотношения является возникающая из большинства договоров совокупность взаимных прав и обязанностей, характеризуемая некоторыми исследователями как системная¹⁶⁵. Указание на то, что обязательство по передаче вещей является простейшей (с точки зрения своей структуры) связью права и обязанности, исключает необходимость рассмотрения сложных отношений, возникающих из различных юридических фактов (в первую очередь, договоров), в рамках которых происходит передача вещей.

Нельзя также не отметить и более практическое следствие данного подхода. Изолированное, отдельное от сопровождающих его иных правоотношений рассмотрение обязательства делает очевидной возможность перемены лиц на обеих сторонах обязательства даже в тех случаях, когда сопутствующие правоотношения остаются неизменными¹⁶⁶. Однако в судебной практике встречаются дела, где арбитражные суды придерживаются позиции, не допускающей уступку права в одном из sinalлагматических обязательств вне

¹⁶⁴ Рассмотрение сложных правоотношений можно обнаружить, в частности, в следующих трудах: *Алексеев С.С.* Общая теория права. Т. 2. М., 1982. С. 136-137; *Поляков А.В., Тимошина Е.В.* Общая теория права. СПб., 2005. С. 397-398; *Кулаков В.В.* Обязательство и осложнения его структуры в гражданском праве России. М., 2010. С. 140 и след.

Обоснование существования сложных, «комплексных» правоотношений особенно распространено в сфере процессуального права. См., например: *Щеглов В.Н.* Гражданское процессуальное правоотношение. М., 1966. С. 29; *Гурвич М.А.* Основные черты гражданского процессуального правоотношения // Советское государство и право. 1972. № 2. С. 30; *Пауль А.Г.* Процессуальные нормы бюджетного права. СПб., 2003. С. 132-164.

Находит оно своих сторонников и в трудах, продолжающих в современных условиях традицию хозяйственного права и пытающихся сконструировать «суперкомплексные» обязательства, которые возникают из договора, но при этом включают в себя также и публично-правовые компоненты (налоговые, финансовые, природоохранные правоотношения, правоотношения государственной поддержки и т.д.). См.: *Танчук И.А., Ефимочкин В.П., Абова Т.Е.* Хозяйственные обязательства. М., 1970; *Елисеев В.С.* Теория экономических обязательств: правовое обеспечения и защита имущественного интереса. М., 2009. С. 353.

Заметим также, что правоотношения с несколькими субъективными правами и обязанностями допускают все те исследователи, которые употребляют данные два понятия во множественном числе при определении самого правоотношения. Так, к примеру, описывает содержание правоотношения Ю.К. Толстой: «Определяя содержание правоотношения, необходимо исходить из того, что всякое правоотношение состоит из прав и обязанностей его участников, что в правоотношении правам одних лиц соответствуют обязанности других» (*Толстой Ю.К.* К теории правоотношения. Л., 1959. С. 32).

¹⁶⁵ См., например: *Пугинский Б.И.* Теория и практика договорного регулирования. М., 2008. С. 9-11 и след. Следует, впрочем, отметить, что помимо прав и обязанностей сторон соглашения ученый включает в систему договорных отношений также и ряд других элементов: субъектов, между которыми заключен данный договор, их поведение, третьих лиц, правовую сферу которых данный договор может затрагивать и т.д.

¹⁶⁶ Разумеется, здесь применима оговорка о том, что речь идет о тех случаях, когда перемена лиц не противоречит каким-либо нормам закона либо свойствам самого обязательства, в частности, тем из них, которые обозначены в ст. 383 ГК РФ.

зависимости от перевода долга по второму из них¹⁶⁷. Суждения, высказываемые в поддержку такого подхода, можно найти и в доктрине гражданского права¹⁶⁸. В то же время в литературе справедливо указывалось, что эта позиция проистекает из неоправданного смещения договора и обязательства¹⁶⁹, которое рассматривалось выше в данной работе. Анализ обязательства по передаче вещей (как, впрочем, и всякой иной разновидности обязательств) как элементарной связи субъективного права и обязанности позволяет избежать такого, необоснованно ограничивающего договорную свободу, подхода к синаллагматическим обязательствам.

Рассматривая обязательство по передаче вещей в контексте предложенного определения, следует несколько подробнее остановиться на характеристике субъективного права требования, которое находится в его центре. Это важно по следующим двум причинам. Во-первых, анализ субъективного права является необходимой ступенью на пути к построению четкой структуры всего исследуемого правоотношения и, в особенности, взаимосвязи права требования и объекта обязательства. Во-вторых, решение данной проблемы является важным инструментом, позволяющим отграничить рассматриваемое обязательство от смежных правовых форм.

Чаще всего субъективное право определяется путем указания на его фактическую сущность – на юридически признанную и обеспеченную возможность управомоченного лица определенным образом действовать самому или требовать нечто у носителя корреспондирующей праву обязанности¹⁷⁰. В

¹⁶⁷ См., например: постановление Президиума ВАС РФ от 30.12.2003 № 9037/03 по делу № А45-4710/2002-КГ6/269; постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.07.2011 по делу № А26-6900/2009.

¹⁶⁸ См.: *Брагинский М.И.* Договоры, направленные на создание коллективных образований. М., 2004. С. 110.

¹⁶⁹ См., к примеру: *Рыбалов А.О.* Обязательства «простые» и «сложные» (некоторые аспекты спора о понятии обязательства) // Юрист. 2005. № 5. С. 2-7.

¹⁷⁰ Впрочем, указанное понимание субъективного права, главным элементом которого является потенциальная возможность действий управомоченного лица либо его возможность потребовать определенных действий (или бездействий) от пассивной стороны юридического отношения, не является единственным в теории права. В юридической литературе можно найти и иные подходы. В качестве примера приведем точку зрения Н.Г. Александрова, который на первый план в субъективном праве выводил не возможность действий, а само возможное поведение (см.: *Александров Н.Г.* Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. С. 88). Эта точка зрения хорошо укладывалась в доминировавшее в советской правовой науке понимание правоотношения как общественного отношения, урегулированного нормами права. Настоящая работа написана на основе иной концепции правоотношения, где эта фундаментальная юридическая категория расценивается как идеальная, мыслимая, надстроечная (в марксистском смысле этого слова) форма общественного отношения, являющаяся вдобавок к этому научной абстракцией. Следы этой концепции можно обнаружить, в частности, в следующих трудах: *Толстой Ю.К.* К теории правоотношения. Л., 1959. С. 22; *Явич Л.С.* Общая теория права.

основе этого подхода лежит уходящее корнями во взгляды Ф.К. Савиньи¹⁷¹ определение Б. Виндшейда – одного из основателей современного учения о субъективном праве¹⁷²: «Субъективное право есть признанное объективным правом господство воли. Если закон приписывает кому-либо право, то это значит, что закон признает его волю господствующей в определенном отношении над волею другого лица, или точнее говоря, закон позволяет ему выразить волю определенного содержания, которой должны подчиниться другие воли»¹⁷³.

Помимо фактической сущности, исследователи, как правило, не обходят и чисто юридический аспект субъективного права. Здесь можно наметить два момента, на которые обращают внимание правоведы: место субъективного права в правоотношении и его структуру. Относительно первого момента исследователи традиционно обращают внимание на связь субъективного права с корреспондирующей ему обязанностью, подчеркивая при этом, во-первых, закономерность и всеобщность такой связи¹⁷⁴, во-вторых, необходимость наличия обязанности для осуществления субъективного права¹⁷⁵. Что касается структуры субъективного права, то здесь традиционным и, можно сказать, общепризнанным является подход, согласно которому в структуре субъективного права выделяются два элемента – правомочие на собственные действия и правомочие на чужие

Л., 1976. С. 207-208; *Ткаченко Ю.Г.* Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1980. С. 96-97; *Тархов В.А.* Гражданское правоотношение. Уфа, 1993. С. 11.

¹⁷¹ Ф.К. Савиньи является автором волевой теории субъективного права. Согласно этой теории существо субъективного права заключается во власти как господстве воли обладателя субъективного права, причем в условиях согласия его контрагента. Изложение взглядов Ф.К. Савиньи на субъективное право см.: *Венедиктов А.В.* Государственная социалистическая собственность. М.-Л., 1948. С. 36. Нетрудно заметить, что эта теория является фундаментом для определения Б. Виндшейда, которое приведено чуть ниже в основном тексте работы.

¹⁷² О развитии учения о субъективном праве и месте взглядов Б. Виндшейда в нем см.: *Третьяков С.В.* Формирование концепции вторичных прав в германской цивилистической доктрине. (К публикации русского перевода работы Э. Зеккеля «Вторичные права в гражданском праве») // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 253-270.

¹⁷³ Пересказ подхода Б. Виндшейда, изложенный в приложении к его сочинению «Actio des römischen Rechts», см.: *Суворов Н.С.* Об юридических лицах по римскому праву. М., 2000. С. 71. См. также: *Виндшейд Б.* Учебник пандектного права. Т. I. СПб., 1874. С. 82. Следует, впрочем, отметить, что сам Б. Виндшейд признавался в заимствовании приведенного в основном тексте работы определения у другого германского правоведа – А. Тона.

¹⁷⁴ См., например: *Ем В.С.* Категория обязанности в советском гражданском праве (вопросы теории): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981. С. 26.

¹⁷⁵ См., например: *Власова А.В.* Структура субъективного гражданского права. Ярославль, 1998. С. 14.

действия¹⁷⁶. Иногда к ним прибавляется третий элемент – правомочие на защиту¹⁷⁷.

Так или иначе, но основное назначение субъективного права – это предоставлять его носителю определенную возможность действовать по своему усмотрению или, иными словами, свободу в границах, очерченных законом. Это видно в процитированном определении Б. Виндшейда, а также в ставшей классической для отечественного правоведения дефиниции субъективного права, сформулированной С.Н. Братусем: «Признанная и обеспеченная законом мера возможного поведения лица»¹⁷⁸.

Важно понимать, что никто не вступает в обязательство для того, чтобы вынудить должника совершить определенные действия (воздержаться от их совершения¹⁷⁹) ради них самих. Эти действия являются инструментом по обеспечению поступления имущественного блага в сферу господства кредитора – обладателя субъективного права. Именно в этом благе заключен основной интерес управомоченной стороны обязательства. Сказанное полностью укладывается в концепцию субъективного права, разработанную Р. Иерингом, главным моментом

¹⁷⁶ См., к примеру: *Власова А.В.* Структура субъективного гражданского права. Ярославль, 1998. С. 8-10; *Белов В.А.* Гражданское право: Общая часть. М., 2002. С. 540; *Гражданское право. В 4 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. Т. 1. М., 2006. С. 121 (автор главы – В.С. Ем); Гражданское право. Общая часть. Курс лекций / Под ред. А.Г. Диденко. Алматы, 2006. С. 61 (автор лекции – Иоффе О.С.); Бабаев А.Б., Белов В.А.* Учение о гражданском правоотношении // *Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М., 2007. С. 235.* В отечественной цивилистике этот взгляд на субъективное право впервые сформулировал О.С. Иоффе, который, кстати, отрицал необходимость включения в его состав правомочия на защиту. См.: *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. М., 1961. С. 223-225 и след.

¹⁷⁷ См., к примеру: *Александров Н.Г.* Законность и правоотношения в советском обществе. С. 108-109; *Грибанов В.П.* Право на защиту как одно из правомочий субъективного гражданского права // *Вестник МГУ. Серия «Право».* 1968. № 3. С. 23; *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 73-74; *Явич Л.С.* Общая теория права. Л., 1976. С. 176; *Гурвич М.А.* Право на иск. М., 1978. С. 7-8.

¹⁷⁸ *Братусь С.Н.* О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав // *Советское государство и право.* 1949. № 8. С. 33. См. также разбор основных возражений, предъявленных этому определению: *Певзнер А.Г.* Понятие и виды субъективных гражданских прав: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1961. С. 33 и след.

¹⁷⁹ Следует отметить, что концепция обязательств с отрицательным содержанием разделяется не всеми исследователями. Осторожно-скептическое отношение к ней можно обнаружить в трудах О.С. Иоффе, который считал, что «пассивная функция никогда не исчерпывает юридического объекта обязательства, а обычно выступает в качестве результата или дополнения к положительным действиям его субъектов» (*Иоффе О.С.* Обязательственное право. М., 1975. С. 6). Однозначно против существования обязательств с отрицательным содержанием высказывается А.В. Власова, указывающая на то, что к ним не применим целый ряд важнейших характеристик любого обязательства, например, имущественность содержания, направленность на оформление перемещения материальных благ и т.д. См.: *Власова А.В.* Структура субъективного гражданского права. Ярославль, 1998. С. 73. Так или иначе, но проблематику обязательств с отрицательным содержанием в силу ее сложности и обширности следует оставить за рамками данной работы.

которой является указание на интерес как на субстанциональный элемент всякого субъективного права¹⁸⁰.

Данная концепция нашла многих сторонников в отечественном правоведении¹⁸¹ и на данный момент является одной из господствующих. Несмотря на то, что теория Р. Иеринга встречала достаточно серьезные возражения, их можно оставить в стороне, так как роль интереса как своего рода социального фундамента, основы субъективного права разделялась даже критиками теории Р. Иеринга.

Интерес является указателем направленности субъективного права – данный тезис является наиболее существенными для данной работы¹⁸². Несколько забегаая вперед, заметим, что особое значение направленности интереса кредитора как центрального элемента принадлежащего ему права требования именно на вещь станет очевидным, когда будет рассмотрено понятие объекта обязательства по передаче вещей. Это одна из причин, почему вопрос об объекте правоотношения так важен. Дело в том, что юридически значимые характеристики объекта являются одновременно более или менее определенным описанием интереса кредитора.

Впрочем, роль интереса, направленного на вещь, в рамках соответствующего субъективного права существенна и для проблемы демаркации обязательства по передаче вещей от иных, смежных с ним правовых форм общественных

¹⁸⁰ См.: *Ihering R. Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. 2 Aufl. Leipzig, 1871. Teil 3. Abt. 1. S. 328, 338* (приводится по: *Крашенинников Е.А. Интерес и субъективное гражданское право // Правоведение. 2000. № 3. С. 138*); *Иеринг Р. Борьба за право. М., 1874. С. 36 и след.*; *Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Т. 2. Вып. 2, 3, 4. М., 1995. С. 196*; *Михайлов С.В. Категория интереса в российском гражданском праве. М., 2002. С. 84-86. См. также изложение взглядов германских цивилистов Г. Гартмана и П. Эртмана на цель обязательств и роль частного интереса в этом вопросе: *Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. Т. 2. М., 2012. С. 109-110.**

¹⁸¹ См., к примеру: *Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1908. С. 139*; *Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.-Л., 1948. С. 36-39*; *Хвостов В.М. Система римского права. М., 1996. С. 59*; *Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л., 1959. С. 43-46*; *Иоффе О.С. Советское гражданское право. Курс лекций. Т. I. Л., 1958. С. 73*; *Гражданское право. Ч. 1 / Отв. ред. В.П. Мозолин, А.И. Масляев. М., 2007. С. 94-95 (автор главы – В.П. Мозолин).*

¹⁸² Это утверждение встречает в доктрине гражданского права, по сути, только одно существенное возражение. В отечественной цивилистике в наиболее концентрированном виде его высказал И.В. Михайловский: права и интересы являются разноплановыми категориями. Вполне можно иметь интерес в чем-либо и не иметь при этом на предмет интереса никакого права. Напротив, вполне допустима ситуация, когда лицо обладает правом, не только не приносящим пользы, но даже в известной степени нарушающим его интересы. См.: *Михайловский И.В. Очерки философии права. Т. I. Томск, 1914. С. 88-89.* На это можно возразить следующим образом. Речь идет не о субъективных интересах, которые могут быть у правообладателя, а могут и отсутствовать. Имеются в виду интересы объективные, то есть те интересы, для которых лицу предоставлено субъективное право и которые в этом качестве признаются законодательством. Есть ли интерес у правообладателя в данный момент, или же его нет, – этот вопрос, как правило, не имеет какого-либо юридического значения.

отношений. Здесь признак направленности интереса на вещь имеет особое значение.

Наиболее близко к обязательству по передаче вещей примыкают некоторые из правовых форм общественных отношений, получивших обозначение «гарантийных»¹⁸³. Их сущность заключается в том, что активная сторона рассчитывает на совершение контрагентом действий, направленных на достижение определенной цели, но при этом не имеет права требовать их совершения. Юридически обеспеченный интерес здесь подкреплён лишь возможностью взыскания убытков, связанных с неоправдавшими себя приготовлениями к исполнению обязанностей стороны по договору. Эти правоотношения встречаются в разных областях гражданского права¹⁸⁴, однако в контексте данной работы наибольший интерес представляют те из них, которые направлены на обеспечение передачи вещей лицу, уже затратившему определенные усилия по подготовке к их принятию. Это имеет место, к примеру, в условиях консенсуального договора хранения – единственного договорного института, для которого законом прямо предусмотрены последствия

¹⁸³ О них см.: *Белов В.А.* Содержание так называемых регрессных вексельных обязательств // Законодательство. 2008. № 6. С. 12-22; *Белов В.А.* Юридическая природа прав ожидания (гарантийных правоотношений) // Законодательство. 2008. № 7. С. 13-26; *Белов В.А.* Гражданское право. Т. IV. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы. С. 813-865. Следует, впрочем, отметить, что к этим отношениям в качестве альтернативного подхода, противостоящего их объединению в самостоятельный гражданско-правовой институт, можно применить концепцию формирующегося субъективного права. Ее взамен теории динамической правоспособности М.М. Агаркова и учения о вторичных правах предложил О.С. Иоффе (*Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. М., 1961. С. 258; *Иоффе О.С.* Развитие цивилистической мысли в СССР. Ч. 1 // Избранные труды по гражданскому праву. М., 2009. С. 291-294). Если применить эту концепцию к рассматриваемым отношениям по передаче вещей, то получится, что речь идет не столько о самостоятельной гражданско-правовой форме, сколько о формировании обязательства, в котором получатель вещей займет место должника, а их предыдущий владелец – позицию кредитора.

Можно предположить, что концепция формирующегося субъективного права способна заменить практически все гражданско-правовые формы общественных отношений, сделав из них лишь определенные, промежуточные ступени формирования «обычного», «классического» правоотношения, состоящего из субъективного права и корреспондирующей ему обязанности. Каждая юридическая возможность, таким образом, как бы стремится стать субъективным правом. Это обстоятельство, думается, должно сделать ее особенно привлекательной для тех правоведов, которые отстаивают правоотношение как единственно возможную связь между субъектами права. Такое понимание правоотношения, по сути, является повсеместным. См., например: *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. СПб., 1908. С. 137-143; *Явич Л.С.* Общая теория права. Л., 1976. С. 200-227; *Поляков А.В., Тимошина Е.В.* Общая теория права. СПб., 2005. С. 368-463. Настоящая работа исходит из принципиально иной посылки – из тезиса о плюрализме юридических форм общественных отношений.

¹⁸⁴ Так, В.А. Белов – ученый, который разработал этот вид правоотношений, названный им также «права ожидания», выделяет три его разновидности: гарантийные (встречаются, в частности, в области залога, поручительства), информационные (распространены в сфере потребительских отношений) и преддоговорные (имеют отношение к контактам потенциальных контрагентов, предшествующим заключению договоров). См.: *Белов В.А.* Гражданское право. Т. IV. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы. М., 2013. С. 818-819.

непредоставления поклажедателем предмета хранения хранителю (п. 1 ст. 888 ГК РФ)¹⁸⁵. В принципе схожие ситуации можно представить и в рамках других договоров, которые, как и хранение, традиционно относятся к категории реальных, например, перевозка или доверительное управление. В силу того, что в соответствующих главах отсутствуют правила, аналогичные п. 1 ст. 888 ГК РФ, эту норму следует считать общим правилом, применимым ко всем идентичным случаям¹⁸⁶.

Основное отличие гарантийных правоотношений по передаче вещей от их обязательственного аналога заключается в том, что получатель вещи (активная сторона правоотношения) не обладает непосредственным интересом в ней. Лучше всего это видно на примере консенсуального договора хранения: интерес хранителя состоит в том, чтобы его приготовления к принятию предмета на хранение не пропали даром, но сам предмет для него не имеет существенного значения. Без этого интереса он не может считаться обладателем субъективного права, направленного на вещь. Уточним при этом, что в данном случае, разумеется, не отрицается важность титула для хранителя, которые принял предмет поклажи: возможность контролировать вещь-предмет поклажи и устранять посягательства третьих лиц на законных основаниях – важнейший юридической инструмент в руках добросовестного хранителя.

Примечательно при этом, что, несмотря на указанное различие, гарантийные отношения, связанные с передачей вещей, могут приводить к тому же результату, что и похожие на них относительные правоотношения – обязательства. Однако это может иметь место только в том случае, если объект отношения описан при помощи небольшого перечня характеристик, исключающего его индивидуализацию как до передачи, так и после. Если исходить из того, что любой переход владения в отношении вещей, определенных до этого перехода родовыми признаками, приводит к переходу права собственности на них, то и в случае

¹⁸⁵ Впрочем, в литературе встречается и иная квалификация этих отношений, например, как основанных на такой специфической гражданско-правовой форме общественных отношений, как кредиторские обязанности. Содержанием этой своеобразной «обязанности» в данном случае становится передача предмета хранения поклажедателем хранителю. См.: *Белов В.А.* «Запретная» цивилистика, или о чем молчит гражданское право // Закон. № 8. 2015. С. 116-117.

¹⁸⁶ Нельзя не заметить, что эта норма обладает хорошим потенциалом генерализации, но не в части обязательств, а скорее в области смежных с ними гарантийных отношений.

гарантийных отношений будет иметь такое же сингулярное правопреемство. Подробнее об этом аспекте определенных родовыми признаками вещей, влияющем на обязательства, будет сказано ниже.

Закрепленная характеристика права требования в рассматриваемом обязательстве как юридически защищенный интерес в вещи, подлежащей передаче, позволяет сузить понятие обязательства по передаче вещей: из нее исключаются те правовые формы общественных отношений, в которых передача вещей хоть и имеет место, однако интерес получателя вещи не принимает форму субъективного права требовать предоставления вещи передающей стороной. Его интерес обеспечивается иными, специфическими средствами: в данном случае – возможностью требовать компенсации за понесенные в ходе приготовления к принятию вещи от контрагента расходы, например, в соответствии с уже упоминавшимся выше п. 1 ст. 888 ГК РФ.

Важность выбора той или иной интерпретации субъективного права требования обусловлена не только упрощением классификации обязательств по передаче вещей, но также и определением круга отношений, которые необходимо будет в эту классификацию поместить. Верное понимание юридически обеспеченного интереса кредитора как сердцевины принадлежащего ему субъективного права позволяет сформулировать основной вопрос, ответ на который предопределяет содержание и вид системы обязательств по передаче вещей. Именно поэтому разбор субъективного права требования в составе обязательства по передаче вещей, выявление и формулирование его наиболее адекватного содержания имеет такое значение и требует соответствующего внимания. Вопрос выглядит следующим образом: какой интерес кредитора может в принципе обеспечить принимаемая им вещь? Сейчас можно сказать, что перечень интересов (но не субъективных прав – их будет намного больше) будет весьма невелик, ведь участники гражданского права получают вещь в свое господство для весьма небольшого количества целей, например, использование, восстановление утраченного владения, обеспечение исполнения.

Интерес обладателя права требования, заключенный в вещи, является не единственным моментом, на который следует обратить внимание при анализе

предложенного определения обязательства по передаче вещей. Одной из фундаментальных характеристик любого обязательства является его направленность на принуждение должника к совершению фактических действий либо воздержанию от них¹⁸⁷. Юридический результат, достижимый без них, не требует существования обязательства. Он наступает «автоматически», сразу после совершения соответствующей сделки или заключения соответствующего договора. «Для цели передачи права не обнаруживается ровно никакого мышечного движения. Как говорят те, кто признает соответствующие конструкции, передача права осуществляется сама собой, то есть без всякого движения, без всякого действия»¹⁸⁸.

Если же юридический результат не достижим без тех или иных фактических действий должника (например, без передачи особой вещи – ценной бумаги или без его контактов с третьими лицами, как это случается в рамках агентских отношений), то именно в этом случае речь идет об обязательстве. Другое дело, что результатом его исполнения вполне может стать и переход субъективного права к кредитору; здесь важно именно значение фактических действий должника, относимых к одной из частей триады *dare-facere-praestare*: если целью данных отношений не является принуждение субъекта права к их совершению, то они не относятся к обязательствам.

На это обстоятельство и его место в характеристике обязательства в качестве одного из ключевых свойств данного правоотношения в теории гражданского права практически не обращается внимания. Между тем, оно имеет существенное значение в тех случаях, когда речь заходит об отграничении обязательства от смежных гражданско-правовых форм, в первую очередь, от сингулярного правопреемства. Если для исполнения обязательства требуется совершить некое действие, которое соответствует примерному перечню способов исполнения

¹⁸⁷ В качестве ремарки добавим, что фактические (то есть относимые к реальной действительности, отличной от идеальной, мыслимой сферы права) действия могут быть как направленными на сугубо правовой результат (например, в рамках договора поручения или агентирования), так и почти с ним не связанными. Примером последних может служить оказание услуг в виде исполнения музыкального произведения собственного сочинения: единственным юридическим результатом здесь будет исполнение самого обязательства.

¹⁸⁸ *Скловский К.И.* Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ (Понятие, виды и форма сделок. Недействительность сделок). М., 2014. С. 61.

обязательств, данному в п. 1 ст. 307 ГК РФ, то правопреемство вполне может произойти непосредственно в момент заключения соответствующего договора. По этой причине стороне, являющейся правопреемником по такому договору, не предоставляется никакого права требования, адресованного контрагенту и служащего инструментом по побуждению последнего к определенному поведению. Соответственно, в случае возникновения какого-либо спора речь будет идти не о том, чтобы принудить пассивную сторону к каким-либо действиям либо воздержанию от них, как это было бы, если бы речь шла об обязательстве, а о доказывании уже наступившего юридического результата договора или иной сделки.

В самом деле, может ли возможность или мера свободы¹⁸⁹ подлежать передаче? Очевидно, что нет. С точки зрения ее выражения вовне, для всякого наблюдателя, передача – подчеркнуто фактическое действие, требующее больших или меньших реальных усилий со стороны обязанного лица; передать, таким образом, можно лишь материальный предмет – вещь, но не юридически обеспеченную и определенную меру свободы – субъективное право. Для понуждения должника к совершению подобных фактических действий и было изначально сконструировано понятия обязательства. Это хорошо видно в классической формуле обязательства Юлия Павла, где перечисляются фактические действия, составляющие содержание всех известных на тот момент обязательств.

Причины появления и роль правопреемства принципиально иные, если сравнивать его с обязательством. В то время как обязательство, создавая для этого все необходимые юридические предпосылки, призвано опосредовать переход материальных ценностей вместе с правами на них, побуждая должника к совершению фактических действий, правопреемство «обслуживает» только переход юридических возможностей, то есть субъективных прав, признаваемых правопорядком. Для перехода возможности совершение дополнительных фактических действий не требуется. После того, как наступил необходимый юридический факт или «накоплен» соответствующий юридический состав,

¹⁸⁹ Эти понятия являются ключевыми в определении субъективного права в ряде концепций, упомянутых выше.

возможность переходит автоматически, без каких-либо усилий, действий или воздержания от действий со стороны прежнего обладателя этой возможности – субъективного права. Эта разница между фактическим и юридическим явлениями хорошо прослеживается в условиях договора, где передача вещи собственнику произошла до момента перехода к нему права собственности от контрагента по сделке – так называемая *traditio brevi manu* (передача короткой рукой). Подобные сделки не приводят к возникновению обязательства: здесь нет фактического действия должника, которое должно удовлетворить интерес кредитора и к совершению которого призвано подтолкнуть соответствующее относительное правоотношение. Такой договор в силу самого факта его заключения приводит к переходу субъективного права, то есть к сингулярному правопреемству.

Благодаря отсутствию у субъективного права такого важнейшего признака как материальность, а, следовательно, принципиально иной природе, не позволяющей рассматривать его в качестве объекта правоотношения, уподоблять право вещи и рассматривать его переход от одного лица к другому по аналогии с обязательством по передаче вещей является в корне неверным¹⁹⁰.

Пожалуй, единственное, что роднит вещи и субъективные права – это их ценность. Именно благодаря тому, что и то, и другое является экономическим благом, заставило римских юристов включить их в одно понятие вещи, которые было разделено на два вида: *res corporales* и *res incorporales*¹⁹¹. Эта же причина

¹⁹⁰ О соотношении обязательства по передаче вещей с иными гражданско-правовыми формами передачи товаров см.: *Блинковский К.А.* Система обязательств // Практика применения общих положений об обязательствах / Отв. ред. М.А. Рожкова. С. 13; *Блинковский К.А.* Соотношение категорий передачи вещей и передачи товаров // Законодательство. 2013. № 11 С. 18-26. Высказывания в пользу тезиса о невозможности облечь переход прав в обязательственную форму см. также: *Скловский К.И.* Сделка и ее действие // Вестник гражданского права. 2012. № 3. С. 27; *Скловский К.И.* Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ (Понятие, виды и форма сделок. Недействительность сделок). М., 2014. С. 4, 49. Впрочем, в литературе можно найти и поддержку применения «вещных» категорий гражданского права (передача, владение и др.) по аналогии к случаям распоряжения субъективными правами и их переходу. См., к примеру: *Гумаров И.* Понятие вещи в современном гражданском праве России // Хозяйство и право. 2000. № 3. С. 80; *Storrie M.E.* Property Law in a Comparative Perspective. Leuven, 2004. P. 42. См. также критику этих воззрений в части конструкции права собственности на право требования с разбором немецкой литературы по этому вопросу: *Крашенинников Е.А.* К вопросу о собственности на требование // Очерки по торговому праву. Вып. 8. Ярославль, 2001. С. 31-36.

¹⁹¹ См. важное уточнение, сделанное применительно к делению вещей на *res corporales* и *res incorporales*: *Хвостов В.М.* Система римского права. М., 1996. С. 125. Как указывает В.М. Хвостов, речь должна вестись не о классификации вещей, а о делении субъективных прав на две группы в зависимости от материальности (*res corporales*) или нематериальности (*res incorporales*) их объекта. Схожую трактовку можно обнаружить также и у Д.Д. Гримма с той лишь разницей, что он делает акцент на разных составных частях имущества, соответствующим телесным и бестелесным «вещам». См.: *Гримм Д.Д.* Лекции по догме римского права. Пг., 1916. С. 57-58.

позволила законодателю уподобить в ст. 454 ГК РФ обе категории товару и распространить на переход субъективных прав общие положения о купле-продаже.

Применительно к данной работе указанное различие приобретает особое значение, так как оно «отсекает» от ее предмета те случаи, когда право на вещь переходит от одного лица к другому без ее передачи, а лишь на основании соответствующего договора. Относительно перехода права собственности такая возможность предусмотрена п. 1 ст. 223 ГК РФ, применительно к другим случаям эту норму следует рассматривать в качестве общего принципа, в соответствии с которым стороны могут при помощи договора произвольно и по своему усмотрению определить момент перехода права на вещь. Все подобные случаи обязательствами не являются и будут рассматриваться далее лишь в той степени, в которой они могут быть полезны для высвечивания каких-то существенных характеристик обязательств по передаче вещей, познаваемых в сравнении или в связи с подобными отношениями правопреемства.

Отметим, что Концепция развития гражданского законодательства РФ в п. 3.4.6. предлагает «расширить перечень случаев, при которых право собственности может быть приобретено без передачи вещи, например, если вещь к моменту заключения сделки, направленной на передачу права собственности, уже находится во владении приобретателя». Исходя из описанной выше необходимости противопоставлять друг другу сингулярное правопреемство (в центре – переход субъективного права на основе волеизъявления его обладателя) и обязательство по передаче вещей (в фокусе – действие по переносу владения от одного лица к другому, фактическое по своей сущности), в этом пункте концепция нацелена не на развитие регулирования относительных правоотношений, а на снятие лишних ограничений на распоряжение участниками гражданского оборота принадлежащими им абсолютными правами, в частности, правом собственности. Сказанное выше в нескольких предыдущих абзацах показывает, что это не одно и то же; эти сферы имущественных отношений, складывающихся в ходе экономического обмена, следует отделять друг от друга.

Следующее важное положение, которое имеет непосредственное отношение к введенному в данную работу определению обязательства по передаче вещей, выводится из его связи с лицами, между которыми существует данное правоотношение. Рассматриваемая разновидность обязательств характеризуется наименьшей интенсивностью связи с личностью как кредитора, так и должника.

Значение личности в обязательстве можно рассмотреть, во-первых, в условиях перемены лиц в обязательстве и, во-вторых, в ходе его исполнения.

Ограничения уступки прав требования целесообразно разделить на три группы. Благодаря первой группе ограничений право требования в обязательстве становится высокоперсонифицированным. Как правило, описание их свойств в литературе начинается с отсылки к ст. 383 ГК РФ: «Переход к другому лицу прав, неразрывно связанных с личностью кредитора, в частности требований об алиментах и о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, не допускается»¹⁹². К указанным в данной норме правам можно добавить, к примеру, право требования одаряемого к дарителю об исполнении обещания дарения (п. 2 ст. 572 ГК РФ), право требования заемщика к кредитору о выдаче кредита¹⁹³, оказание личных услуг, компенсацию морального вреда (ст. 151 ГК РФ), право требования возвращения дара как результат неблагодарности одаряемого (ст. 578 ГК РФ)¹⁹⁴.

Вторая группа ограничений связана с субъективным отношением должника к кредитору и предусмотрена п. 2 ст. 388 ГК РФ: требования по обязательствам, в которых личность кредитора имеет существенное значение для должника, близки по своей природе к высокоперсонифицированным требованиям, однако отличаются от них меньшей прочностью связи с личностью кредитора¹⁹⁵. Норма

¹⁹² См., например: Крашенинников Е.А. Основные вопросы уступки требования // Очерки по торговому праву. Сборник научных трудов / Под ред. Е.А. Крашенинникова. Ярославль, 1999. С. 20; Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. М., 2002. С. 144.

¹⁹³ См.: Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. М., 2002. С. 146.

¹⁹⁴ См.: Анненков К.Н. Система русского гражданского права. Т. III. Права обязательственные. С. 204.

¹⁹⁵ Именно поэтому указанные две группы ограничений следует противопоставлять друг другу. См., к примеру: Новоселова Л.А. Ограничения перехода прав кредитора другим лицам. СПС «КонсультантПлюс»; Почуйкин В.В. Основные проблемы уступки права требования в современном гражданском праве России. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 69. Противоположную позицию см.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. Т.Е. Абовой и А.Ю. Кабалкина. М., 2005. С. 935 (автор комментария – Е.В. Кабатова).

п. 2 ст. 388 ГК РФ допускает цессию в рамках описанных в ней обязательств, но лишь с согласия должника.

Ограничения на перевод долгов в литературе освещается значительно менее подробно, что связано, по-видимому, с лаконичностью закона по этому вопросу. Прежде всего, ГК РФ не содержит ограничений в этой области, но и иные законы нельзя охарактеризовать как подробно регламентирующие эту форму перемены лиц в обязательствах. Думается, правильным будет утверждение, что данный вопрос законодательством обходится молчанием¹⁹⁶. Если говорить о причинах такой индифферентности, то следует согласиться с высказанной в научной литературе точкой зрения, которая связывает это с общим принципом абз. 1 п. 2 ст. 391 ГК РФ о запрете перевода долга без согласия кредитора: «Естественно, что кредитор никогда не согласится на перевод (а) долгов, в которых существенным для него элементом является кредитоспособность конкретного должника, то есть личность должника; (б) долгов, перевод которых прямо запрещен действующим законодательством, ибо сам договор перевода такого долга будет ничтожным»¹⁹⁷.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что составить исчерпывающий перечень ограничений цессии и перевода долга не представляется возможным. Более того, сами формулировки ст. 383 и п. 2 ст. 388 ГК РФ этого не подразумевают; тем более не подразумевает этого и молчание закона в сфере препятствий на перевод долга. Между тем, любые ограничения на перемену лиц в обязательствах должны исходить из некоего компонента обязательственной связи, который является причиной ограничения. Применительно к запрету цессии этот компонент не описывается, и это наталкивает на мысль о том, что его следует в каждом отдельном случае разыскивать самостоятельно. Означает ли это, что его никоим образом нельзя описать в общем виде?

В задачу настоящей работы не входит детальное рассмотрение ограничений на перемену лиц во всех обязательствах. Исходя из заявленной темы, необходимо сосредоточиться на тех особенностях влияния личного компонента на содержание

¹⁹⁶ См.: Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. М., 2002. С. 192-193. Автор обоснованно утверждает, что перевод некоторых долгов противоречит умозаключениям, которые можно косвенно вывести из ряда норм в отдельных законах.

¹⁹⁷ Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. М., 2002. С. 192-193.

правоотношений, которые характерны именно для обязательств по передаче вещей.

В свое время М.М. Агарков, анализируя институт перевода долга, отметил, что недопустимость перевода долга объясняется отнесением личных качеств, присущих должнику, к элементам в основании возникновения соответствующего обязательства¹⁹⁸. Думается, с этим тезисом можно не только согласиться, но также и расширить его практически на все случаи перемены лиц в обязательствах, описанные в главе 24 ГК РФ, включая уступку права требования: любое ограничение в правопреемстве в обязательстве связано с «вхождением» персональных свойств стороны соответствующего правоотношения в юридический факт, с которым оно связано.

Если на сингулярное правопреемство в данном обязательстве установлен запрет стороной правоотношения или законодателем, то это, очевидно, означает, что сама личность кредитора или должника по какой-то причине имеет существенное значение. Причины могут быть различны, однако ни одна из них не может не учитывать характер объекта обязательства.

Коль скоро интерес кредитора заключается в вещи, которая по воле случая оказалась у данного должника, то личность последнего какого-либо значения иметь не должна¹⁹⁹. Требование о передаче данной вещи может быть адресовано любому лицу, у которого она находится. С этой точки зрения рассматриваемый вид обязательств, по всей видимости, является уникальным среди прочих простейших относительных правовых связей, перечисленных в предыдущем параграфе. Наиболее яркими примерами здесь служат, конечно, обязательства по оказанию услуг: музыкант, обязавшийся исполнить музыкальное произведение перед кредитором, не может возложить эту обязанность на иное лицо – слишком значителен отпечаток личности исполнителя на подобных действиях. Объекты обязательств, относящихся к разряду «*dare*», в принципе не могут быть связаны с личностью пассивной стороны правоотношения и, следовательно, не могут служить основанием для отнесения обязательств к их личной разновидности.

¹⁹⁸ См.: Агарков М.М. Перевод долга // Избранные труды по гражданскому праву. Т. 2. М., 2002. С. 122-123.

¹⁹⁹ Сказанное, конечно, никак не умаляет роли иных обстоятельств, которые могут сделать исполнение обязательства значительно более обременительным (п. 4 ст. 388 ГК РФ).

Сказанное выше, впрочем, не исключает того, что сама вещь может иметь неодинаковую ценность для разных лиц из-за какой-то особой связи, которая может наличествовать между лицом, заинтересованным в вещи, и самой вещью. Наличие данной связи приводит к тому, что передача вещей в рамках обязательств может влиять на личные неимущественные права такого лица. Как правило, она обуславливается соединением вещи и информации, что связано с уникальным свойством вещей – ее материальностью и, следовательно, способностью быть носителем информации²⁰⁰.

Что касается сферы исполнения обязательств, то здесь, по всей видимости, контраст между обязательствами по передаче вещей и прочими обязательствами выглядит еще сильнее. Если, по общему правилу, права и обязанности, опосредующие передачу материальных предметов, слабо связаны с личностью их носителя, то еще меньше связана с персоной должника сама передача вещи.

Ключевым положением закона по этому вопросу следует считать п. 3 ст. 313 ГК РФ, из которого следует, что кредитор не вправе отказывать третьему лицу в предлагаемом им исполнении, если данное исполнение не требует личного участия должника²⁰¹. Примечательным является то, что, помимо иных источников ограничений на исполнение обязательства третьим лицом, закон предусмотрел также и существо обязательства²⁰². Если развить эту идею и преломить ее к рассматриваемому виду правоотношений, то вряд ли можно отрицать, что

²⁰⁰ Следует, впрочем, отметить, что передача информации может в известной степени соединяться также и с другими объектами, а не только с вещами. Приведем пример с оказанием услуг: зачастую консультации, оказываемые субъектом своему клиенту, вполне можно представить как совокупность оказания услуг и передачи информации. Однако здесь важно другое. Ни один иной объект, кроме вещей, не может быть носителем информации, то есть предметом, служащим более или менее продолжительному сохранению запечатленных на нем сведений. Думается, связь вещей и информации (особенно в контексте простейших обязательств) заслуживает отдельного рассмотрения.

²⁰¹ Отметим, что такой подход российского законодателя выглядит достаточно современным, если сравнить его с более консервативной позицией некоторых документов нового *lex mercatoris*, которые проявляют осторожность в плане вмешательства третьих лиц в обязательственную связь между двумя сторонами. Ср.: ст. III.-2:107 DCFR. См. иной, более близкий к п. 3 ст. 113 ГК РФ, подход: п. 1 ст. 79 Кодекса европейского договорного права (European Contract Code (ЕСС), иногда называемый также Кодексом Гандольфи; источник: http://www.eurcontrats.eu/site2/newdoc/Norme%20_Libro%20I-inglese_.pdf; дата обращения: 06.02.2021); ст. 7:106 Принципов европейского договорного права (Principles of European Contract Law, иногда называемые также Принципами Ландо; источник: <http://www.jus.uio.no/lm/en/pdf/eu.contract.principles.parts.1.to.3.2002.portrait.letter.pdf>; дата обращения: 06.02.2021).

²⁰² На это обращает внимание и п. 2.3.1 (с позиции *de lege lata*) и п. 3.3.1 (в перспективе *de lege ferenda*) раздела II Концепции совершенствования общих положений обязательственного права России.

существо обязательства типа «dare» может препятствовать переадресации исполнения.

В самом деле, чтобы убедиться в этом, можно сравнить исполнение обязательства по передаче индивидуально-определенной вещи, например, автомобиля с уникальным государственным номером, и обязательства по оказанию услуги, требующей творческого участия конкретного исполнителя, например, исполнения музыкального произведения на фортепиано. В первом случае интерес кредитора заключен в самом материальном предмете, который как таковой с личностью должника а priori не связан; во втором – ситуация сложнее: здесь интерес кредитора заключен в действиях, в определенном поведении должника, которое неизбежно трансформируется, если его осуществлять будет иное, чем изначальный должник, лицо.

Иными словами, можно сказать, что исполнение обязательства по передаче вещей, по общему правилу, характеризуется заменимостью по параметру его субъекта. Обратим внимание, что это свойство обязательства связано в первую очередь с объектом правоотношения, который представляет собой выражение интереса кредитора. Нельзя поэтому при анализе института исполнения обязательства в целом не принимать во внимание, о каком именно обязательстве идет речь. Отечественная литература по этому вопросу данное мнение подтверждает²⁰³.

Предложенное понимание интереса кредитора поднимает некоторые закономерные вопросы применительно к тому, как на данный момент выглядит регламентация исполнения обязательств в ГК РФ. Подпункт 1 п. 2 ст. 313 ГК РФ особо выделяет денежное обязательство: кредитор не может отказать третьему лицу в принятии исполнения такого обязательства при его просрочке даже ввиду отсутствия соответствующего волеизъявления должника. Думается, данный подход можно поддержать как должным образом обеспечивающий интересы

²⁰³ Вероятно, наиболее ярким примером здесь можно считать работу В.С. Толстого «Исполнение обязательств» (М., 1973), второй раздел которой представляет собой анализ особенностей исполнения отдельных видов обязательств в зависимости от их объекта: материальный или иной объективный результат действия, информация, договор, а также субъективное право или обязанность.

должника, не ущемляя при этом интересов кредитора²⁰⁴. Однако открытым остается вопрос: является ли денежное обязательство настолько специфичной связью, что указанная возможность для третьего лица может существовать только в его контексте?

По всей видимости, здесь есть хороший потенциал для обсуждавшейся выше генерализации норм об обязательствах и, как следствие, для их либерализации²⁰⁵. Очевидно, что деньги являются, пожалуй, самым «обезличенным» и наиболее ликвидным товаром; в этом плане они уникальны. В то же время при анализе обязательств следует в первую очередь исходить из интереса кредитора, который, с точки зрения гражданского права, остается относительно однородным в условиях практически всех обязательств по передаче вещей. Это означает, что положения подп. 1 п. 2 ст. 313 ГК РФ можно распространить, если не на все такие обязательства, то по крайней мере на их генерическую разновидность, подразумевающую определение объекта при помощи родовых признаков.

Существует еще один аспект анализируемого обязательства, имеющий значение в плане связи с личностью его стороны, а также с особенностями его исполнения. Обратим внимание на уже упоминавшуюся ст. 398 ГК РФ, посвященную ответственности за непередачу индивидуально-определенной вещи. Почему законодатель решил предоставить кредитору возможность требовать отобрания причитающегося ему объекта только в том случае, когда речь об обязательстве передать вещь? Думается, и здесь это связано с тем, что объект связан с личностью не так сильно, как если бы речь шла, например, об услугах или информации. Принуждение, к примеру, к исполнению хореографического номера с применением санкционированного государством насилия – слишком радикальная мера в контексте уважения к личности должника.

В литературе отмечалось, что обязательство по передаче вещей а priori характеризуется имущественным интересом кредитора, вне зависимости от встречного предоставления²⁰⁶. В этом плане данное обязательство противостоит

²⁰⁴ См.: п. 3.3.2 раздела II Концепции совершенствования общих положений обязательственного права России.

²⁰⁵ См.: *Сарбаш С.В.* Исполнение договорного обязательства. М., 2005. С. 118-120.

²⁰⁶ См.: *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. Т. 2. М., 2012. С. 56-57.

отношениям, содержанием которых являются действия должника, не направленные на тот или иной внешний для лица объект, например, обязательству обучить иностранному языку или оказать медицинскую помощь²⁰⁷.

Имущественный интерес в обязательстве как его необходимый компонент составляет одну из давних проблем цивилистики. В первую очередь стоит вспомнить классическую цитату из Дигест Юстиниана (D. 40.7.9.2), авторство которой приписывается Домицию Ульпиану: «*Ea enim in obligatione consistere, quae pecunia lui praestarique possunt*». Эта знаменитая и часто цитируемая формула указывает на необходимость имущественного содержания правоотношения, чтобы оно могло считаться обязательством, или, что, в сущности, то же самое, на возможность его денежной оценки²⁰⁸. Теория обязательств как исключительно имущественных правоотношений может в концентрированном виде быть выражена известным суждением Р. Зома о том, что обязательство означает уменьшение имущества должника, но не его свободы²⁰⁹.

Одна из основных отечественных работ по этому вопросу принадлежит перу Е.В. Пассека – ученого, который придерживался мнения о допустимости существования обязательств с неимущественным содержанием с политико-правовой точки зрения и о невозможности их существования с позиции *de lege lata*, отмечая при этом, что практически во всех современных ему правопорядках вопрос о защите обязательств с неимущественным содержанием предоставлен на усмотрение судебной практики при отсутствии прямого указания закона. Русское право того времени не было исключением²¹⁰.

²⁰⁷ См.: *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. Т. 2. М., 2012. С. 39.

²⁰⁸ См.: *Дернбург Г.* Пандекты. Т. II. М., 1911. С. 47. Следует отметить, впрочем, что в литературе встречается достаточно убедительная оппозиция такой обобщенной трактовке этого утверждения Домиция Ульпиана. Так, Е.В. Пассек считает, что контекст данного отрывка подразумевает не всякие обязательства вообще, а лишь конкретный, частный случай: обязательство передать в собственность раба, который к моменту исполнения обрел свободу. Примечательно, что ученый разбирает и другие места в текстах римского правового наследия, показывая, что на поверку ни одно из них не может считаться в действительности безоговорочным доказательством в пользу имущественности как необходимого признака всякого обязательства. См.: *Пассек Е.В.* Неимущественный интерес в обязательстве // Неимущественный интерес и непреодолимая сила в гражданском праве. М., 2003. С. 126-138.

²⁰⁹ См.: *Sohm R.* The Institutes of Roman law. Oxford, 1892. P. 279.

²¹⁰ См.: *Пассек Е.В.* Неимущественный интерес в обязательстве // Неимущественный интерес и непреодолимая сила в гражданском праве. М., 2003. С. 88.

С точки зрения *lex lata* невозможность существования обязательств с неимущественным содержанием признавало подавляющее большинство дореволюционных цивилистов²¹¹. Похожая картина наблюдается в советском²¹² и постсоветском правоведении²¹³. В то же время в отечественной цивилистической литературе встречаются и оппозиционные господствующему мнению суждения²¹⁴.

Заметим, что попытка найти имущественный эквивалент услугам, не связанным напрямую с внешним объектом, без опоры на встречное удовлетворение или на обеспечение исполнения обязательства в виде залога или неустойки, весьма затруднена. А потому и безвозмездное совершение подобных действий может быть исполнением только натуральных обязательств, не обеспеченных исковой защитой.

Проблема имущественного и, в первую очередь, денежного эквивалента в данных обязательствах побудила И.Б. Новицкого высказаться в следующем духе: «В случаях решительного неисполнения обязанным лицом требуемого действия, государственной власти (суду) приходится заменять исполнение денежным эквивалентом, возмещением убытков, причиненных неисполнением; между тем, этот единственный выход, открывающийся перед судом, не доступен в тех случаях, когда предмет обязательства носит неимущественный характер: определить в этих случаях денежный эквивалент невозможно, а следовательно, все отношение оказывается непригодным для судебной защиты. Сущность вопроса,

²¹¹ См., к примеру: *Голевинский В.И.* О происхождении и делении обязательств. М., 1872. С. 3; *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. Казань, 1894. С. 278-279 (следует отметить, что Г.Ф. Шершеневич высказывается здесь не вполне определенно; однако, по всей видимости, он склоняется к характеристике обязательства как отношения с имущественным содержанием, которое можно оценить при помощи денежного эквивалента); *Анненков К.Н.* Система русского гражданского права. Т. III. Права обязательственные. С. 8-9; *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства. М., 2003. С. 8-10.

²¹² См., в частности: *Иоффе О.С.* Обязательственное право. М., 1975. С. 5; *Гойхбарг А.Г.* Хозяйственное право РСФСР. Т. I. М., 1923. С. 94-95; *Гражданское право / Под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. Т. 1. М., 1944. С. 292 (автор главы – М.М. Агарков).*

²¹³ См., к примеру: *Гражданское право: Учебник / Под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. Ч. 1. М., 1996. С. 417 (автор главы – Н.Д. Егоров); Гражданское право / Под общ. ред. С.С. Алексеева. М., 2009. С. 158 (автор главы – С.С. Алексеев).*

²¹⁴ См., к примеру: *Синайский В.И.* Русское гражданское право. Киев, 1912. С. 168-169; *Новицкий И.Б.* Обязательственное право: I. Общие положения. Комментарий к ст. 106-129. М., 1925. С. 17-18; *Советское гражданское право. Краткий учебник / Под общ. ред. Я.Ф. Миколенко. М., 1940. С. 91 (автор главы – З.И. Шкундин); Брагинский М.И.* Общее учение о хозяйственных договорах. Минск, 1967. С. 13; *Советское гражданское право / Под ред. О.А. Красавчикова. Т. I. М., 1985. С. 419 (автор главы – О.А. Красавчиков); Богатырев Ф.О.* Обязательство с нематериальным интересом: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; *Гражданское право. Учебник. Ч. 1 / Отв. ред. В.П. Мозолин, А.И. Масляев. М., 2003. С. 531-532 (автор главы – А.И. Масляев); Гражданское право. Учебник / Под ред. О.Н. Садикова. Т. I. М., 2006. С. 339 (автор главы – О.Н. Садиков).*

таким образом, сводится к чисто практической проблеме: какими способами воздействовать гражданскому суду на неисправного должника? какой меркой измерять значение неимущественного интереса?»²¹⁵. Сложность этих вопросов, думается, является одним из основных аргументов, убеждающих в правильности позиции о недопустимости обязательств с исключительно неимущественным содержанием²¹⁶.

Обязательство по передаче вещей явно противостоит таким отношениям, – оно всегда является имущественным. Вопросы, поставленные И.Б. Новицким в приведенной цитате применительно к принуждению к исполнению неимущественных относительных правоотношений, не возникают, если речь идет об обязательствах по передаче вещей²¹⁷. Это связано с юридически значимыми характеристиками самого объекта обязательства – вещи. Впрочем, здесь требуется обоснование из-за недостаточной определенности понятия имущества.

Можно наметить несколько основных смыслов, вкладываемых в понятие имущества в законе. Оно упоминается в самом широком смысле, когда речь заходит об универсальном правопреемстве. Так, например, происходит при описании наследования в ст. 1110 ГК РФ. Если учитывать, что в состав наследства входят «вещи, иное имущество в том числе права и обязанности» (абз. 1 ст. 1112 ГК РФ), то видно, что в данном случае имущество – это практически все юридически признаваемые блага за исключением благ, тесно связанных с личностью умершего гражданина (абз. 2 и абз. 3 ст. 1112 ГК РФ).

Совершенно специфическое понимание имущества закреплено в одной из центральных статей ГК РФ – ст. 128, содержащей перечисление объектов

²¹⁵ Новицкий И.Б. Очерки гражданского права: Обязательственное право. Общие понятия. М., 1921. С. 31.

²¹⁶ Оговоримся, что гражданскому праву известен институт, полностью построенный на началах измеримости неимущественного интереса. Имеется в виду компенсация морального вреда. Минимальное впечатление о дискуссионности этого института можно составить по этим трудам: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. С. 118-124; Беляцкий С.А. Возмещение морального (неимущественного) вреда. Можно поставить вопрос еще шире, вспомнив, что проблема оценки убытков касается практически всех отношений, встречающихся в гражданском праве. К ним относятся даже такие отношения, чье имущественное содержание никем не ставится под сомнение. Для темы настоящей работы это означает, что вопрос о допустимости обязательств с неимущественным содержанием нельзя считать закрытым и разрешение находится за пределами данного исследования.

²¹⁷ Впрочем, нельзя не отметить, что проблемы, отмеченные в цитате И.Б. Новицкого, в значительной степени дискуссионны. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с критикой И.Б. Новицким воззрений М.М. Агаркова по вопросу о предмете обязательства. О ней см.: Белов В.А. Влияние философских и методологических установок на результат цивилистических исследований (на примере работ М.М. Агаркова, И.Б. Новицкого) // Вестник Московского университета. 2005. № 5. С. 14-44.

гражданских прав. Специфическое прежде всего потому, что оно страдает некоторой неопределенностью. Из содержания этой статьи ясно лишь то, что к имуществу относятся вещи и имущественные права, при этом работы и услуги, интеллектуальная собственность и нематериальные блага из состава имущества исключены. Но в то же время ничего не сказано про обязанности и долги. Скорее всего, данная статья говорит только об имущественных активах в самых различных формах, так как именно к активам относятся все упомянутые в статье юридические явления.

В наиболее узком смысле термин «имущество» употребляется в п. 1 ст. 209 ГК РФ, который раскрывает содержание права собственности: «Собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом». Если рассмотреть эту норму в контексте других норм гл. 13 ГК РФ²¹⁸, а также всего раздела II этого закона, то станет ясно, что здесь под имуществом понимаются только вещи.

Та же многозначность имущества обнаруживается и в юридической литературе. Так, к примеру, В.А. Рязановский, обобщив значительное количество определений имущества, встречающихся главным образом в зарубежной литературе, заметил, что этот термин понимается в двояком значении: более широком как совокупность прав и обязанностей и в узком в качестве совокупности только прав, иногда за вычетом долгов²¹⁹. В курсах гражданского права встречаются определения, в целом, соответствующие следующей дефиниции (с непременными оговорками о многозначности термина): «В строгом смысле слова имущество представляет собой совокупность принадлежащих субъекту гражданского права вещей, имущественных прав и обязанностей»²²⁰.

Из сказанного можно сделать вывод, что так или иначе, но в понятие имущества всегда включается вещный компонент, то есть, как бы широко это понятие не понималось, вещи оно всегда в себя включает. Причем это верно даже в тех

²¹⁸ В частности, в п. 1 ст. 216 ГК РФ право собственности прямо названо вещным правом. Очевидно, что объектом вещного права может быть только вещь.

²¹⁹ См.: *Рязановский В.А.* Лекции по гражданскому праву. Общая часть. Вып. 2. Харбин, 1925. С. 49. Обобщение трактовок имущества в доктрине гражданского права (особенно на материале римского права) см. также: *Хвостов В.М.* Система римского права. М., 1996. С. 123-124.

²²⁰ Гражданское право. В 4 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. Т. 1. С. 398 (автор главы – Е.А. Суханов).

случаях, когда данное понятие фигурирует в максимально узком смысле. Обязательство по передаче вещей всегда соответствует признаку имущественности содержания как необходимому признаку любого обязательства. Заметим также, что данная логика вполне применима также и в тех случаях, когда сама вещь не представляет экономической, рыночной ценности и является скорее объектом личного интереса для сторон обязательства (например, в тех случаях, когда речь идет о письмах или памятных фотографиях). Можно сказать, что само свойство материальности вещей как объектов правоотношений сообщает имущественность любому правоотношению и, в частности, обязательству, возникающему по их поводу.

В заключение отметим еще одну специфическую особенность обязательств по передаче вещей, которая также связана с его объектом – вещью. Ею является потенциальная возможность кредитора реализовать свой законный интерес в натуре даже в том случае, когда этому противодействует должник. Именно такой инструмент дает в руки кредитору абз. 1 ст. 398 ГК РФ, который легитимизирует «отбирание» у владельца вещи помимо его воли. Этот инструмент, имеющий своей целью самую непосредственную реализацию интереса управомоченной стороны, можно противопоставить универсальному средству компенсации имущественных потерь во всех гражданско-правовых отношениях – возмещению убытков. Последнее может лишь возместить уменьшение или «недополучение» благ лицом, но воплотить его интерес оно не может.

Указание на ст. 398 ГК РФ заставляет обратить внимание на ее распространение только на те случаи, когда речь идет об индивидуально-определенной вещи. Спрашивается, имеются ли какие-либо основания не прибегать к этому способу, когда в распоряжении должника имеются вещи, определенные родовыми признаками, аналогичными тем, которые должны быть у предмета исполнения обязательства, связывающего его с кредитором? Думается, что отказывать последнему в поддержке при истребовании у обязанного лица вещей, определенных родовыми признаками, было бы несправедливо²²¹. В таких случаях

²²¹ Такая оценка, впрочем, не может претендовать на всеобъемлющий статус. Это можно подтвердить ссылкой на опыт французской юриспруденции, где проблема исполнения в натуре обязательства по передаче вещей, определенных родовыми признаками, решена по-особому: французская доктрина относит такое

было бы правильно применять соответствующую норму ст. 398 ГК РФ без ограничений, касающихся определенности вещей, исключая, разумеется, те случаи, когда толкование может нарушить права третьих лиц, также претендующих на соответствующие материальные объекты, определенные родовыми признаками.

Итак, обязательство по передаче вещей можно определить как имущественное относительное правоотношение, состоящее из права кредитора требовать передачи ему материального объекта – вещи (или вещей), и из корреспондирующей этому праву обязанности должника данную вещь (или вещи) передать. Передача с ее специфическими чертами – согласованным взаимодействием между должником и кредитором, а также направленностью на переход владения – является особым способом исполнения данного обязательства. Данное обязательство следует отделять от примыкающих к нему иных форм общественных отношений: от гарантийных отношений по признаку наличия интереса получателя вещи в самой вещи и от сингулярного правопреемства по признаку направленности отношения на фактические действия должника.

§4. Объект обязательства по передаче вещей

Свойства вещи играют весьма значимую роль в определении практически всех основных свойств исследуемого типа обязательства. Уникальный способ исполнения – передача вещи, а также переход владения как ее результат, ее квалификация как договор, подразумевающий согласованные действия по передаче вещи и по ее принятию, имущественный интерес в обязательстве по передаче вещей, его неотнесение к категории личных обязательств, – все эти основные свойства непосредственно связаны с характеристиками вещи, а точнее с ее ключевым признаком – материальностью. Первостепенную роль вещь как объект права играет также в вопросе отделения исследуемого обязательства от

обязательство не к типу «*dare*» (дать что-либо), а к типу «*facere*» (сделать что-либо). Поэтому, руководствуясь максимой «*nemo potest cogi ad factum*», воплотившейся благодаря авторитету Р. Потье в ст. 1142 ФГК, должника по таким обязательствам нельзя принуждать к исполнению в натуре. Кредитору предоставлено лишь право требовать возмещения убытков. См.: *Zimmermann R. The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition*. New York, 1996. P. 775; *Каранетов А.Г.* Иск о присуждении к исполнению обязательства в натуре. М., 2003. С. 13-14, 145-146.

смежных относительных правоотношений (например, оказания услуг или сообщения информации) и иных правовых форм общественных связей (в первую очередь, от правопреемства).

Заметим, что определение обязательства по передаче вещей, которое зафиксировано в данной работе, пока является достаточно абстрактным. Несмотря на то, что в отношении данного правоотношения был сделан ряд необходимых замечаний, тем не менее введенная в настоящее исследование дефиниция не дает ответа на главный вопрос: от чего же, собственно, зависит юридический результат исполнения данного обязательства? Этот вопрос связан в первую очередь с лежащей на поверхности причиной: количество юридических фактов и, главным образом, договоров, известных законодательству и вызывающих к жизни это правоотношение, очень велико и отличается большим многообразием.

В науке гражданского права считается, что в теорию цивилистики понятие объекта прав ввел Ф.К. Савиньи, противопоставив его субъекту правоотношения и дав ему следующее определение: «То, что чрез посредство юридических отношений подчиняется нашей воле»²²². После теории Ф.К. Савиньи, а также Г. Пухты и Й. Унгера, которые внесли в понимание объекта прав свой вклад, среди исследователей наметился выраженный разброс. Все концепции объекта права было предложено делить на плюралистические и монистические²²³.

Авторы монистических теорий сходятся в том, что все встречаемые в обороте объекты прав и обязанностей можно привести к единому «знаменателю». Первые теории объектов права, появившиеся в германской пандектистике, относятся именно к этому типу. В частности, такова концепция Ф.К. Савиньи²²⁴. Позднее в рамках монистических теорий свои взгляды излагали многие отечественные ученые, например, К.П. Победоносцев²²⁵, считавший, что учение об объектах

²²² См.: *Гримм Д.Д.* К учению об объектах прав // Вестник гражданского права. 2007. № 1. С. 200.

²²³ См.: *Яковлев А.С.* Имущественные права как объекты гражданских правоотношений. Теория и практика. М., 2005. С. 5; *Бевзенко Р.С.* Объекты гражданских правоотношений // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М., 2007. С. 310.

²²⁴ См.: *Гримм Д.Д.* К учению об объектах прав // Вестник гражданского права. 2007. № 1. С. 200-203, 217-220.

²²⁵ См.: *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Ч. 1. М., 2002. С. 83.

сводится, по сути, к учению о вещах, или Я.М. Магазинер²²⁶, который рассматривал в качестве единственного объекта правоотношения действия обязанного субъекта.

Плюралистические теории, напротив, объединяет постулирование невозможности свести все многообразие объектов правоотношений к единой основе. В обобщенном виде эти воззрения можно свести к признанию существования двух основных объектов – вещей и действий обязанных лиц²²⁷.

Следует отметить, что плюралистические теории, в целом, преобладают как в дореволюционной российской, так и в советской и постсоветской литературе: их можно обнаружить в работах Г.Ф. Шершеневича²²⁸, Я.М. Магазинера²²⁹, И.Б. Новицкого²³⁰, М.И. Брагинского²³¹ и многих других.

Для предмета данной работы особый интерес представляет развернувшаяся в советской цивилистике дискуссия о возможности воздействия такой идеальной категории, как правоотношение, на фактические явления, прежде всего на вещи и на поведение человека. В центре этой дискуссии находятся эволюционирующие на разных этапах взгляды О.С. Иоффе²³².

²²⁶ Мониристической теорией объекта следует считать второй вариант концепции этого ученого, разработанный в 50-х гг. XX в. и описанный в его очерке «Объект права» (1957 г.). См.: Магазинер Я.М. Объект права // Избранные труды по общей теории права. СПб., 2006. С. 337.

²²⁷ В этом русле рассуждали, к примеру, германские ученые Э. Беккер и Ф. Регельсбергер. См.: Гримм Д.Д. К учению об объектах прав // Вестник гражданского права. 2007. № 1. С. 200, 206-209, 215-217, 220-221.

²²⁸ См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1911. С. 132.

²²⁹ Я.М. Магазинер придерживался плюралистической теории объекта прав в момент написания своей «Общей теории права на основе советского законодательства», которая впервые вышла в свет в 1925 г. В этом труде он следующим образом кратко сформулировал свое понимание этой категории: «Объектом на правоотношения является то, на что активный субъект имеет право». См.: Магазинер Я.М. Общая теория права на основе советского законодательства // Избранные труды по общей теории права. СПб., 2006. С. 222.

²³⁰ См.: Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 43-45 (автор главы – И.Б. Новицкий). Следует отметить, что И.Б. Новицкий касается вопроса об объекте правоотношения применительно к сравнению вещных и обязательственных правоотношений. В связи с этим выявить полный перечень возможных объектов правоотношений не представляется возможным. Однако можно точно сказать, что объектами являются, как минимум, вещи (в вещных правоотношениях) и действия обязанного лица (в обязательствах).

²³¹ См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М., 1999. СПС «КонсультантПлюс» (автор главы – М.И. Брагинский). Авторы этого труда придерживались концепции «двойного объекта» правоотношения, разработанной германским ученым Э. Бирлингом и адаптированной в контексте советского правоведения М.М. Агарковым (см.: Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. Т. 2. М., 2012. С. 32-33) и, несколько позднее, О.С. Иоффе (см.: Иоффе О.С. Спорные вопросы учения о правоотношении // Избранные труды по гражданскому праву. М., 2000. С. 677).

²³² Помимо концепции, которая будет изложена ниже, О.С. Иоффе обосновал также и собственный вариант концепции объекта двух родов – юридического (действие обязанного лица) и материального (вещь), который был им разработан в ответ на критику своей первоначальной теории о едином объекте правоотношения – действии обязанного лица (см.: Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 679-680).

Он обосновал, по сути, первую последовательную монистическую теорию объектов правоотношения в российской цивилистике, основным тезисом которой было утверждение о том, что единственным объектом следует считать действия обязанного лица²³³. Изначально О.С. Иоффе отталкивался от понимания субъективного права как юридического средства обеспечения требуемого активной стороной поведения обязанного лица. Естественным следствием такого подхода является то, что единственным объектом правоотношения является поведение должника²³⁴.

Назначение права состоит в том, чтобы служить ориентиром для людей в их каждодневной деятельности. Законодательство заполнено идеальными, мыслимыми моделями общественных отношений, которые расцениваются публичной властью в качестве «нормальных», соответствующих праву. Субъекты гражданского оборота, выбирая тот или иной вариант поведения, либо соотнобразовывают свои действия с этими идеальными моделями, либо, наоборот, игнорируют их, что ведет к правонарушениям. Допустимо ли помещать в эту систему реальный объект, например, вещь? Здесь напрашивается отрицательный ответ. Ведь на то объект и реальный, что он противопоставляется мыслимым, идеальным категориям.

Можно возразить, что поведение людей также следует считать явлением реального мира, который напрямую не связан с миром идеальным. С этим нужно согласиться, но с существенной оговоркой. Прямой связи здесь нет, однако есть важнейшее опосредующее звено – мышление человека. Благодаря его функционированию и происходит правовое регулирование. Имея в своем сознании идеальную модель поведения – компонент мыслимой сферы, человек может соотнобразовывать свои реальные действия в соответствии с этой моделью. Такая схема правового регулирования примиряет фундаментальное противопоставление, следующим образом описанное С.С. Алексеевым: «Если мыслить правоотношение только как идеологическую связь, то в этой связи не

Позднее О.С. Иоффе добавил в эту систему объектов еще один, третий компонент – волевой (см.: *Иоффе О.С. Советское гражданское право*. М., 1967. С. 215-221).

²³³ См.: *Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву*. М., 2009. С. 585-625.

²³⁴ См.: *Иоффе О.С. Советское гражданское право // Избранные труды*. Т. 2. СПб., 2004. С. 558.

должно быть ничего такого, что бы не относилось к праву. Поведение же участников правоотношения – уже нечто «фактическое», находящееся вне идеологической формы»²³⁵.

Однако если поведение человека вместе с его мышлением и сознанием является опосредующим звеном между физическим и идеологическим миром, то как быть с материальными объектами? Этот вопрос значим для данной работы, так как один из ее главных предметов исследования – влияние объекта обязательства на его содержание на примере обязательства по передаче вещей.

Анализируя теорию О.С. Иоффе, И.Б. Новицкий высказал тезис о том, что воздействовать можно не только на поведение людей, но и на вещи²³⁶. По этой причине исключать вещь, как и любой другой материальный объект, из системы правоотношения не следует. Это замечание верно, но следует заметить, что такое воздействие будет носить фактический, физический характер, противостоящий воздействию юридическому. Если согласиться с этим аргументом, как полностью дискредитирующим любые попытки ввести в состав правоотношения вещи, то необходимо подыскать иное место для этой категории в системе правоотношения. Такие попытки в науке предпринимались: некоторые ученые помещали юридически значимые характеристики вещей в разряд юридических фактов²³⁷. Здесь хорошо видно, что речь идет о поиске места в системе обязательства свойств объекта на фоне осознания (хоть и неполного) их важности и влияния на правоотношение.

Однако О.С. Иоффе пошел иным путем, фактически воспроизведя теорию двух объектов германского ученого Э. Бирлинга. Ее суть заключается в следующем: в каждом правоотношении присутствует объект первого рода – те действия, которые обязан совершить должник в пользу кредитора. Однако при этом в нем всегда есть также и объект второго рода – то, на что направлено поведение обязанного лица. Сюда попадают все те явления, которые непосредственно

²³⁵ Алексеев С.С. Общая теория социалистического права: Курс лекций. Учебное пособие. Вып. 2. Нормы права и правоотношения. Свердловск, 1964. С. 67.

²³⁶ См.: Новицкий И.Б., Луц Л.А. Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 44 (автор главы – И.Б. Новицкий).

²³⁷ Именно так поступил О.С. Иоффе, для чего ему потребовалось ввести в систему юридических фактов еще один элемент – юридическое обстоятельство. Подробнее об этом будет сказано ниже.

удовлетворяют интерес кредитора. Именно в эту категорию следует поместить и вещи, которые подлежат передаче в соответствующем обязательстве. Объектом первого рода следует считать действие по передаче соответствующей вещи; объектом второго рода – то, на что направлено поведение должника. При этом если объект первого рода в правоотношении присутствует всегда, то объекта второго рода может и не быть. В случае с обязательствами по передаче вещей объектом второго рода будет сама вещь, подлежащая передаче²³⁸. Думается, что такой подход к объекту правоотношения ведет к появлению в структуре правоотношения лишних элементов, которые не несут значимой функциональной нагрузки.

Если считать действие обязанного лица необходимым объектом любого обязательства, то получается смешение категорий исполнения обязанности и объекта правоотношения. Лучше всего это видно именно на примере обязательств, в рамках которых происходит передача вещей. Если считать сами действия по передаче вещей объектом правоотношения, то получается полное совпадение исполнения и объекта первого рода. В этом случае известная проблема квалификации исполнения обязанности запутывается еще больше: существующие в науке подходы к исполнению как к сделке, поступку или фактическим действиям нельзя увязать с теорией объектов двух родов, предложенной Э. Бирлингом и адаптированной в советской цивилистике О.С. Иоффе.

В теории гражданского права предлагалось обозначить объект второго рода в качестве предмета правоотношения и таким образом встроить его в новую систему правоотношения, выделив для вещи отдельное место под особым наименованием «предмет правоотношения»²³⁹. Введение в структуру правоотношения предмета правоотношения имеет смысл, но не в качестве замены объекту, а в качестве дополнения к нему. Это особенно актуально, когда речь идет об обязательствах, чей объект может быть определен достаточно

²³⁸ Изложение теории Э. Бирлинга см.: *Тарановский Ф.В.* Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. С. 157; *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву // *Избранные труды по гражданскому праву*. Т. 2. М., 2012. С. 32-33.

²³⁹ См., например: *Толстой Ю.К.* К теории правоотношения. Л., 1959. С. 64-65.

абстрактно, при помощи большего или меньшего набора признаков. В то же время предмет, называемый также предметом исполнения, всегда определен индивидуально – это то самое благо, которое передается должником кредитору.

Переходя конкретно к обязательствам по передаче вещей, необходимо постоянно иметь в виду, что интерес управомоченной стороны заключен только в вещи, которая подлежит передаче. Сам акт передачи для кредитора, как правило, имеет второстепенное значение. Это утверждение основывается на социальном отношении, которое является основой, «оригиналом» для своей юридической «модели» – обязательства. Ни один участник гражданского оборота не вступает в обязательство только для того, чтобы побудить должника к совершению именно действия по передаче вещи. Его конечная цель – сама вещь вместе с правом на нее. Именно поэтому нельзя объединять передачу вещи и саму вещь в одной категории объекта правоотношения – они имеют для кредитора совершенно разное значение.

Важным подтверждением в данном случае служит уже отмечавшееся выше отсутствие тесной связи между действием по передаче вещи (или в более общем виде – по исполнению обязательства) и личностью должника, которое можно вывести из норм ст. 313 ГК РФ. Исполнение обязательства, таким образом, является гораздо более свободной сферой для должника, чем сфера объекта. Ведь заменить последний, по общему правилу, без согласия кредитора нельзя. Для этого существуют особые институты гражданского права – новация, имеющая договорную природу, на что прямо указывает п. 1 ст. 414 ГК РФ, и возмещение вреда в денежном эквиваленте в соответствии со ст. 15, ст. 16 и главой 59 ГК РФ. Исполнение обязательства – действие по передаче вещи – занимает в структуре правоотношения особое место и потому должно рассматриваться отдельно от вещей, которые являются единственными объектами обязательств по передаче вещей.

Говоря о месте вещей в обязательствах и в целом в правоотношениях, нельзя не вспомнить про известную полемику относительно сущности вещных прав, имевшую место между Г. Дернбургом и Б. Виндшейдом. Первый весьма определенно утверждал, что вещные права являются юридической формой,

выражающей непосредственное отношение лиц к вещам²⁴⁰, второй – высказывался в противоположном ключе, настаивая, что все права, включая вещные, существуют лишь между лицами²⁴¹. То, что это последнее утверждение, восходящее к взглядам Ф.К. Савиньи на правоотношение²⁴², разделялось подавляющим большинством отечественных правоведов, удобнее всего проследить по исследованиям, посвященным одному из центральных юридических понятий – правоотношению. Ему следовали как сторонники концепции правоотношения – урегулированного нормами права общественного отношения²⁴³, так и ученые, рассматривавшие правоотношение как идеальную, сугубо юридическую форму общественных отношений²⁴⁴. Этот второй подход лежит в основе настоящей работы.

Изложение воззрений правоведов на фундаментальную категорию объекта права, приведенное выше, показывает, что этому понятию могут соответствовать различные по своей природе экономические блага. Это положение, связанное с весьма широким объемом правового регулирования современной хозяйственной жизни общества, является, наверное, главным аргументом в пользу позиций тех ученых, которые отстаивали различные вариации плюралистических теорий объекта правоотношения. Между тем, трудно отказаться от мысли о том, что у всех возможных благ, вовлекаемых в гражданский оборот и обретающих в праве форму объекта правоотношений, должно быть нечто общее. В противном случае гражданское право как отрасль, регулирующая главным образом имущественные отношения, просто не смогло бы существовать в качестве законченной системы юридических норм с обособленной общей частью, в которой традиционно выделяется и отдельная совокупность правил об объектах прав (подраздел 3

²⁴⁰ См.: *Дернбург Г.* Пандекты. Т. I. М., 1906. С. 56-57.

²⁴¹ См. описание позиции Б. Виндшейда: *Дернбург Г.* Пандекты. Т. I. М., 1906. С. 56.

²⁴² См.: *Савиньи Ф.К.* Система современного римского права. Т. 1. Москва-Одесса, 2011. С. 456-457.

²⁴³ В русле этого подхода написаны, к примеру, следующие работы: *Гримм Д.Д.* Энциклопедия права с приложением краткого очерка истории философии права. СПб., 1895. С. 71; *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 2. СПб., 1907. С. 334; *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. С. 51 и след.; *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. Т. 2.. С. 168.

²⁴⁴ На этой концепции базируются, в частности, следующие труды: *Кечекьян С.Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 7; *Тархов В.А.* Гражданское правоотношение. С. 11 и след. Впрочем, в отечественной литературе можно найти и иные высказывания, которые трактуют вещные права как отношения лиц к вещам в духе Г. Дернбурга. См., к примеру: *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. Пг., 1917. С. 22; *Покровский И.А.* История римского права. СПб., 1998. С. 317.

раздела I ГК РФ). Этот тезис, с другой стороны, также довольно очевидный, работает в пользу монистических теорий.

Наличие весомых аргументов в пользу обеих групп теорий объекта правоотношений заставляет искать между ними «золотую середину». Чтобы диалектически соединить оба взаимопротиворечащих подхода и применить результат к исследуемому обязательству, нужно оттолкнуться от понимания субъективного права требования, предложенного в предыдущем параграфе настоящей главы. Напомним, что в качестве основы для данной работы было принято понимание субъективного права, в центре которого находится признаваемый законом интерес правообладателя. Думается, что именно интерес должен стать тем элементом, который может сбалансировать большинство имеющихся теорий, раскрывающих смысл и содержание объекта правоотношения. Таковым должно считаться то имущественное благо, в котором заключен интерес правообладателя и которое является его конечной целью. Данное понимание объекта права, восходящее к воззрениям Р. Иеринга, можно кратко сформулировать словами Г.Ф. Шершеневича: объектом права является «все то, что может служить при помощи права средством осуществления интереса» управомоченного лица²⁴⁵.

В чем привлекательность этого подхода? В первую очередь, он не заостряет внимание на том, какие именно блага могут в принципе быть объектами правоотношения. Этот вопрос является второстепенным. Главное, что с его помощью можно определенно обнаружить, что является объектом в данном конкретном обязательственном правоотношении. Для этого достаточно выявить цель кредитора. То имущественное благо, которое является этой целью, и есть объект обязательства. Можно сказать, что объект – это имущественное выражение (или связанное с имуществом неимущественное выражение) того интереса, который находится в ядре субъективного права, предоставленного кредитору в рамках данного правоотношения. Интерес, находящийся в центре понятий субъективного права и объекта права, таким образом, придает всему правоотношению вид законченной системы, базирующейся на едином

²⁴⁵ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1. М., 2005. С. 99.

фундаменте. Это второе и главное достоинство данного подхода. Роль интереса в правоотношении, таким образом, становится краеугольным камнем для исследования любого простейшего обязательства.

Далее необходимо проанализировать те свойства, которые должны быть у материального предмета, чтобы он мог быть объектом обязательства – вещью. Иначе говоря, нужно ответить на вопрос: что такое вещь как объект правоотношения?

Российское законодательство не дает определения вещи и не содержит перечня его основных признаков. Это заставляет обратиться к доктрине гражданского права, – возможно, она даст материал для конструирования нужного определения.

Первое и, наверное, основное свойство вещи как объекта обязательства лежит на поверхности и уже неоднократно упоминалось на страницах данной работы. Речь, конечно, идет о ее материальности. Этот физический признак указывается практически всеми исследователями, которые рассматривали юридическое понятие вещи. Опираясь на это свойство, определял вещь и Ю.С. Гамбаров: «Во втором, то есть в тесном, смысле под вещью разумеется лишь то, что находится в пространстве и ограничивается пространством, или все то, что непосредственно воспринимается нашими органами чувств в противоположность тому, что только мыслится нами и представляется продуктом умозрения»²⁴⁶.

Представляется, что свойство материальности или, иначе, телесности²⁴⁷, не требует какого-либо существенного дополнительного анализа, по крайней мере, по отношению к большинству вещей, с которым на постоянной основе имеет дело гражданский оборот. Вполне достаточно сказать о том, что речь идет о тех

²⁴⁶ Гамбаров Ю.С. Вещь // Энциклопедический словарь «Гранат». Т. 10. М., 1912. С. 18. Стоит отметить, что это определение через римских юристов, которые ввели в гражданское право известное деление *res corporales* – *res incorporales*, восходит к философским построениям Марка Туллия Цицерона, противопоставлявшего по образцу своих греческих предшественников вещи существующие (*res quae sunt*) и вещи мыслимые (*res quae intelleguntur*), то есть материальные предметы и абстрактные понятия, в первую очередь, субъективные права. Об этом см.: Дождев Д.В. Римское частное право. М., 1996.. С. 325.

²⁴⁷ Думается, современная российская теория гражданского права, а также законодательство и судебная практика недостаточно внимания уделяют аспекту материальности вещи как ее, без преувеличения, ключевой характеристике. Не случайно ГГУ начинает изложение правил о вещах как об объектах прав именно с указания на их материальность (§90).

объектах, которые доступны чувственному восприятию человека, прежде всего, осязанию как играющему главенствующую роль в акте *traditio*.

В то же время среди благ, окружающих человека, встречаются материальные объекты, которые в силу своих физических свойств не могут вовлекаться в гражданский оборот как таковые, без некоторой предварительной подготовки. Для беспрепятственного владения и распоряжения форме этих предметов не хватает своего рода стабильности, устойчивости. В первую очередь это касается газообразных и жидких объектов. К ним также примыкает и электрический ток. Материальность всех этих объектов не подлежит сомнению. В отношении жидкости это тем более верно. Газ также представляет собой совокупность молекул – мельчайших, но вполне материальных частиц. Даже электрический ток, материальность которого наименее очевидна, представляет собой направленный поток электронов – чрезвычайно малых, но все же вещественных частиц. Материальность электрического тока проявляется также и в его доступности человеческим чувствам: уточнять, как можно ощутить на себе действие электрической энергии, нет необходимости.

Для адекватного понимания вещи как объекта гражданских прав следует обрисовать соотношение перечисленных выше материальных предметов с прочими вещами. Что касается жидких и газообразных объектов, то сами по себе, в свободном состоянии, они не могут быть объектом гражданских правоотношений и, в частности, обязательств. Для этого им в первую очередь необходима изолированность, отделенность от окружающей их однородной материи, которые свидетельствуют о том, что они «отвоеваны человеком от природы в процессе его труда»²⁴⁸. Как правило, это достигается за счет помещения их в какой-либо контейнер. В этом случае контейнер следует считать физической границей вещи, средством, которое позволяет выделить его содержимое среди других объектов природы и придать ему необходимую степень индивидуализации. Таким контейнером вполне может служить трубопровод – весьма распространенное средство для исполнения обязательств по передаче жидких и газообразных вещей. Впрочем, этот способ не является единственным:

²⁴⁸ Суханов Е.А. Лекции о праве собственности. М., 1991. С. 27.

передача жидких и газообразных вещей также вполне допустима вместе с тарой – баллонами, цистернами, бочками и иными емкостями.

Впрочем, в природе существует значительное количество объектов, которые материальны, обладают пространственной ограниченностью, но которые при этом объектом обязательства по передаче вещей быть не могут. К ним следует относить объекты, не доступные человеческому господству.

Римские юристы ввели в систему гражданского права принцип «*impossibilium nulla obligatio est*»²⁴⁹, который можно перевести следующим образом: «обязательство, предмет которого невозможен, ничтожно». Ныне он закреплен в п. 1 ст. 416 ГК РФ: «Обязательство прекращается невозможностью исполнения, если оно вызвана обстоятельством, за которое ни одна из сторон не отвечает». В качестве хрестоматийных примеров римские юристы приводят три группы случаев: объект не существует вовсе (продажа кентавра), объект более не существует (обещание продать раба, который к тому моменту уже умер) или он отнесен к *res extra commercium* (продажа Марсова поля)²⁵⁰.

Свойства вещи, которые делают невозможность ее существования в качестве объекта обязательства, могут быть классифицированы по разным основаниям. Во-первых, следует выделить объективные и субъективные свойства. Эта классификация отражена в ст. 416 ГК РФ. Пункт 2 данной статьи говорит о невозможности исполнения обязательства в результате виновных действий должника. Эта невозможность является субъективной²⁵¹. При ее возникновении обязательство не прекращается, но лишь меняет свое содержание: вместо исполнения в натуре должник обязан возместить убытки, причиненные субъективной невозможностью исполнения обязательства²⁵².

²⁴⁹ Это определение принадлежит римскому юристу Публию Ювентию Цельсу (D. 50.17.188). См.: *Дождев Д.В.* Римское частное право. М., 1996. С. 440.

²⁵⁰ См.: *Pothier R. J.* Treatise on the Contract of Sale. Boston, 1939. P. 3-4; *Zimmermann R.* The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition. New York, 1996. P. 688.

²⁵¹ Этот вид невозможности исполнения обязательства можно сформулировать следующим образом: если кто-то обязался сделать (или передать) нечто, что не мог именно он, но иное лицо может, то в этом случае обязательство не может считаться прекратившимся (D. 45.1.137.5). Можно предложить также и иную формулировку, опирающуюся на указанный фрагмент из Дигест Юстиниана: «Невозможность существует только тогда, когда ни один человек не способен произвести требуемое исполнение». *Hunter W.A.* A Systematic and Historical Exposition on Roman Law in the Order of a Code. London, 1903. P. 599.

²⁵² См.: Гражданское право / Под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. Т. 1. М., 1944. С. 393 (автор главы – М.М. Агарков); *Новицкий И.Б., Луниц Л.А.* Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 298 (автор главы – Л.А. Луниц).

Пункт 1 ст. 416 ГК РФ говорит о тех случаях, когда вещь либо погибла, либо имеет такие свойства, которые не позволяют ее передать в рамках обязательства, и при этом за гибель вещи, либо за появление этих свойств ни одна из сторон не отвечает. Такие свойства вещи следует считать объективными, а невозможность исполнения обязательства как следствие появления этих свойств у вещи вполне оправданно считается основанием для прекращения обязательства. Несмотря на кажущуюся очевидность этого положения, его следует считать неоднозначным с точки зрения обоснования в теории гражданского права.

Первый подход обращает внимание на логическую необходимость правила «*impossibilium nulla obligatio est*»: поскольку невозможное неисполнимо, следовательно, о нем нельзя и договариваться²⁵³. Недостаточность этого обоснования обычно связывают с принципиальной нетождественностью невозможного и недолжного²⁵⁴.

Германский правовед П. Крюкманн обращал внимание на то, что нельзя говорить о необходимости исполнения, если оно невозможно. А поскольку отпадает необходимость исполнения, то нельзя говорить и об ответственности. В отсутствие последней обязательство сводится к простому долженствованию, не имеющему юридического значения²⁵⁵.

Помимо деления свойств вещи на субъективные и объективные с точки зрения их влияния на возможность исполнения, следует отметить также и следующую классификацию: юридические и физические свойства²⁵⁶.

Что касается физических свойств, то общее понимание об их содержании можно составить, исходя из сказанного относительно субъективной и объективной невозможности исполнения. Юридическая невозможность исполнения проистекает из особого, чисто юридического свойства вещи – ее оборотоспособности. В зависимости от ее пределов вещь может быть вообще

²⁵³ См., например: *Дернбург Г.* Пандекты. Т. II. М., 1911. С. 41.

²⁵⁴ См.: *Генкин Д.М.* К вопросу о влиянии на обязательство невозможности исполнения // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича. М., 2005. С. 177-178.

²⁵⁵ См.: *Генкин Д.М.* К вопросу о влиянии на обязательство невозможности исполнения // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича. М., 2005. С. 178-179.

²⁵⁶ См., например: *Савиньи Ф.К.* Обязательственное право. М., 1876. С. 262.

недоступна для распоряжений частных лиц (вещи, изъятые из оборота) или же может быть доступна для распоряжений узкого круга субъектов гражданского права (вещи, ограниченные в обороте). Отсюда следует, что в зависимости от правоспособности лиц, заключающих договор, круг вещей, которыми они потенциально могут распорядиться, может быть различным.

Важно добавить, что юридическая невозможность исполнения может касаться вещей, разрешенных в обороте и, более того, имеющих в распоряжении должника, но запрещенных к передаче, например, в силу ареста или международных санкций.

Юридическая и фактическая невозможность исполнения обязательств по передаче вещей имеет неодинаковое значение для существования этого правоотношения: невозможность фактическую было бы правильно считать более значимой. Если вещь не доступна для передачи, для смены владения в отношении нее, то само существование обязательства, где она занимает место объекта, становится бессмысленным, учитывая общую направленность всех подобных правоотношения на побуждение должника к совершению фактических действий. Однако случаи, когда обязательство между сторонами не могло существовать с точки зрения права, однако сама передача уже имела место, встречаются достаточно часто. В результате такой передачи вполне может возникнуть обязательство по истребованию обратно вещи у лица, которое получило ее по недействительной сделке и которое не может владеть ей в силу закона.

Существуют и другие классификации невозможности исполнения обязательства, однако они имеют меньшее значение, поэтому в контексте данной работы их можно опустить²⁵⁷.

Говоря об объекте обязательства по передаче вещей нельзя не остановиться на тех требованиях, которые предъявляет ему закон для целей наиболее полного

²⁵⁷ Изложение иных классификаций случаев невозможности исполнения см.: *Яблочков Т.М.* Невозможность исполнения и сила договорного обязательства // *Право и жизнь.* 1926. № 4-5. С. 15-27; № 6-7. С. 14-19; *Павлов А.А.* Некоторые вопросы учения о невозможности исполнения обязательств // *Очерки по торговому праву.* Вып. 11. Ярославль, 2004. С. 51-60. Об «этической» или «моральной» невозможности см.: *Ойгензихт В.А.* Проблемы риска в гражданском праве. Душанбе, 1972. С. 169. О распространенной в германской доктрине теории практической невозможности см.: *Генкин Д.М.* К вопросу о влиянии на обязательство невозможности исполнения // *Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича.* М., 2005. С. 178-179, 191.

обеспечения интересов кредитора. Речь идет о правилах относительно качества, количества, комплектности, ассортимента, юридической «чистоты», тары, упаковки, а также принадлежностей и документов передаваемых товаров. Сейчас эти нормы собраны в ст. 460-482 ГК РФ среди прочих правил о договоре купли-продажи. Выше уже отмечалось, что данное регулирование подходит для генерализации, то есть для перенесения в общую часть. Здесь же можно добавить, что это связано с тем, что речь в перечисленных статьях идет не столько о предмете купли-продажи, сколько о требованиях к объекту обязательства по передаче вещей в его общем виде, вне зависимости от основания его возникновения. Нужно сделать лишь одно уточнение: перечисленные нормы в основном касаются обязательства регулятивного типа. В самом деле, если речь идет об обязательстве, где собственник требует возврата принадлежащей ему вещи от нелегитимного владельца, то говорить о том, что владелец должен непременно передать качественную или комплектную вещь, не приходится. Как правило, в таких условиях передается «то, что есть». Но, повторимся, для «нормальных» обязательств генерализация указанных правил вполне подходят.

Подведем итог рассмотрению вещи как объекта обязательства по передаче вещей. Получившийся набор свойств вещей позволяет закрепить следующее определение: вещи как объект обязательств представляют собой материальные, пространственно-ограниченные предметы, доступные для фактического господства сторон правоотношения. Совокупность характеристик вещи, составивших эту дефиницию, является одновременно необходимым минимумом признаваемого законом интереса активной стороны обязательства, юридическим выражением которого является объект правоотношения. Можно сказать, что если хотя бы какого-то признака из перечисленных у объекта обязательства по передаче вещей не хватает, то это правоотношение существовать не может. Объект в описанном выше виде присутствует в любом обязательстве подобного вида.

Указанной выше дефиниции не хватает одного существенного компонента, чтобы она подходила для любых правоотношений, а не только обязательственных, – индивидуальной определенности объекта. Получается, что

единого понятия вещи, которое соответствовало бы и абсолютным (в первую очередь, конечно, вещным), и относительным правовым связям, не существует. Все дело в том, что интерес управомоченного лица, а следовательно, и его юридическое господство, обеспеченное правопорядком, в силу базовых свойств абсолютных правоотношений (защита против всех и каждого) не терпит неконкретности, неопределенности своего объекта. Это можно считать еще одним проявлением вещного принципа специальности²⁵⁸. Относительные правоотношения, напротив, способны оформлять в том числе и такие интересы активной стороны правоотношения, которые в первую очередь подразумевают не все, но лишь некоторые характеристики соответствующего объекта в соответствии с формулой «главное, чтобы у вещи были свойства a, b, c; остальные – либо не имеют значения, либо должны быть стандартными».

§5. Влияние определенности объекта обязательства по передаче вещей на его содержание

Обратим особое внимание на весьма важное обстоятельство, которое напрямую вытекает из описанного в предыдущем параграфе подхода к объекту правоотношения: речь идет об определенности интереса кредитора в обязательстве по передаче вещей. Меньший набор признаков вещи – объекта данного относительного правоотношения дает должнику бóльшую свободу в определении того, каков будет предмет исполнения – конкретная передаваемая кредитору вещь, являющаяся воплощением его интереса. Напротив, больший набор характеристик сужает эту свободу, ограничивая выбор должника среди вещей при исполнении обязательства.

Эти утверждения заставляют обратиться к принципиальному делению вещей на индивидуально-определенные и определенные родовыми признаками. Основанием для данного деления является степень определенности вещей, являющихся для данного правоотношения объектом. Вещи, определенные индивидуально, обычно описываются в литературе как обладающие признаками, которые позволяют выделить их из вещей одного с ними рода, то есть

²⁵⁸ Об этом принципе несколько подробнее будет сказано ниже.

характеристиками, специфически присущими данной конкретной вещи²⁵⁹. Вещи, определенные родовыми признаками, чаще всего характеризуются числом, весом, мерой и прочими подобными параметрами²⁶⁰.

При этом следует отметить, что отнесение вещи к одной из двух групп не является для права чем-то заранее predetermined. С точки зрения окружающей нас действительности любой реальный предмет единичен. Даже несмотря на схожесть двух вещей, их кажущуюся полную идентичность, они различаются уже тем, что занимают две различные области в пространстве. Как справедливо отмечалось в литературе, двух абсолютно одинаковых предметов не существует²⁶¹.

Однако в условиях гражданского оборота его участники вполне могут рассматривать вещи в качестве идентичных²⁶². На практике это означает, что субъекты абстрагируются от полного набора свойств данных объектов, принимая во внимание исключительно их принадлежность к тому или иному виду имущественных ценностей. Если восприятие реальности говорит о том, что двух абсолютно одинаковых вещей не существует, то гражданское право позволяет зачастую рассматривать в качестве идентичных даже весьма отличающиеся друг от друга объекты. В то же время обратная ситуация также встречается достаточно часто, когда два, казалось бы, неотличимых друг от друга объекта обладают различными правовыми режимами.

²⁵⁹ «Индивидуально определенной будет всякая обычная вещь, выделенная из массы однородных вещей» (Гражданское право / Под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. Т. 1. М., 1944. С. 80 (автор главы – Д.М. Генкин)). См. также: Гражданское право / Под ред. Я.Ф. Миколенко, П.Е. Орловского. Ч. 1. М., 1938. С. 130 (автор главы – М.М. Агарков).

²⁶⁰ Определение родовых вещей через указание на число, вес, меру было закреплено в ст. 66 ГК РСФСР 1922 г., посвященной переходу права собственности, и восходит оно, как ни странно, к § 91 ГГУ, где идет речь о заменимых вещах. Ниже соотношение делений вещей на родовые и индивидуально-определенные и на заменимые и незаменимые будет рассмотрен отдельно. Здесь, однако, отметим, что всякая вещь, определенная родовыми признаками, является заменимой. Думается, именно это соображение объясняет указанное заимствование. Добавим, что ГК РСФСР 1922 г. стал первым и последним отечественным актом, обрисовавшим понятие родовых вещей. О них см. также: *Анненков К.Н.* Система русского гражданского права. Т. 1. СПб, 1894. С. 276; Гражданское право / Под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. Т. 1. М., 1944. С. 80 (автор главы – Д.М. Генкин); *Хаскельберг Б.Л., Ровный В.В.* Индивидуальное и родовое в гражданском праве. М., 2004. С. 47 и след.; Гражданское право. Учебник / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. Т. 1. М., 2005. С. 260-261 (автор главы – А.П. Сергеев).

²⁶¹ См., к примеру: Советское гражданское право / Под ред. О.А. Красавчикова. Т. 1. М., 1985. С. 182 (автор главы – О.А. Красавчиков); *Хаскельберг Б.Л., Ровный В.В.* Индивидуальное и родовое в гражданском праве. М., 2004. С. 20.

²⁶² Указание на субъективность деления вещей на родовые и индивидуально-определенные можно обнаружить, к примеру, в следующих трудах: *Вагацума С., Аршидзума Т.* Гражданское право Японии: В 2 кн. Кн. 1. М., 1983. С. 95; *Хвостов В.М.* Система римского права. М., 1996. С. 130.

В гражданском обороте одна и та же вещь может выступать как в качестве индивидуально-определенной, так и в качестве родовой, что зависит прежде всего от усмотрения сторон. Контрагенты, исходя из собственных интересов, заключают соглашение, из которого и должно быть ясно, какие именно вещи составляют предмет возникших обязательств – родовые или индивидуально-определенные. Так, к примеру, в условиях денежных обязательств дюжина купюр достоинством в десять рублей представляет собой вещи, определяемые родовыми признаками. Однако эти же купюры вполне могут быть предметом купли-продажи, если они не выступают в качестве средства платежа, как это происходит в денежных обязательствах²⁶³, а сами по себе обладают некоторой ценностью, например, в случае, если они являются редкими и представляют интерес для коллекционеров²⁶⁴. Таким образом, отнесение вещи к одной из двух исследуемых категорий является не фактическим, изначально данным ее свойством, но ее правовой характеристикой, способной изменяться в зависимости от юридически значимых обстоятельств²⁶⁵.

Определение родовых вещей через вес, меру, число, длину и другие параметры нельзя считать достаточным для раскрытия их сути. Применимость этих параметров надо расценивать как следствие их главного свойства – принадлежности к одному виду или типу вещей. Именно это обстоятельство позволяет определять родовые вещи через указанные характеристики. В то же время следует учитывать, что вид вещей может объединять в себе объекты, которые с бытовой точки зрения могут казаться разнородными. Отнесение вещи к тому или иному виду является не констатацией ее физических свойств, но скорее

²⁶³ См.: Белов В.А. Денежные обязательства. М., 2007. С. 11-12.

²⁶⁴ Пример использования денег как индивидуально-определенных и, кстати сказать, непотребляемых вещей приводит Д.И. Мейер: «Лицу нужно показать, что у него есть деньги, и для этого лицо занимает деньги у другого: в этом смысле они могут быть предметом найма». Мейер Д.И. Русское гражданское право. М., 2003. С. 616.

²⁶⁵ Впрочем, в литературе встречаются и противоположные мнения. О.С. Иоффе, к примеру, полагал, что индивидуальная и родовая определенность вещей является их естественным свойством, особым юридическим фактом – юридическим обстоятельством, то есть таким «неволевым явлением, которое существует постоянно или в течение длительного времени, порождает непрерывно или периодически определенные правовые последствия и не погашается в единократном акте правового действия» (Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. М., 2009. С. 602, 633). В.А. Тархов отмечал, что индивидуальная определенность является естественным свойством лишь вещей, единственных в своем роде. Во всех остальных случаях решающее значение в вопросе отнесения вещей к той или иной группе имеет соглашение сторон. См.: Тархов В.А. Гражданское право. Общая часть: Курс лекций. Чебоксары, 1997. С. 191.

логической операцией, основанной на выявлении значимых для сторон характеристик объекта, которые также присущи другим объектам.

Традиционно считается, что одной из главных задач деления вещей на родовые и индивидуально-определенные является выделение особенностей объектов обязательств, возникающих из некоторых договоров²⁶⁶. Так, к примеру, только вещи, определенные родовыми признаками, могут быть предметом займа. Вступая в заемные обязательства, стороны соглашаются, что для них уникальные характеристики каждой из вещей, являющихся предметом обязательств, значения не имеют. Как отмечал О.А. Красавчиков, здесь играют роль только родовая принадлежность вещей, их качественное состояние и количественная мера²⁶⁷.

В то же время совершенно по-иному выглядит ситуация в условиях, к примеру, обязательств из договора ссуды. Согласно действующему законодательству их предметом может быть только индивидуально-определенная вещь. Соответствующие правила, известные еще в римском праве, сегодня прямо закреплены в п. 1 ст. 689 ГК РФ. Это далеко не единственное проявление значимости противопоставления индивидуально-определенных и родовых вещей. Очень заметную роль оно играет также и в области вещных прав.

Объектом права собственности, как и любого другого вещного права, может быть только индивидуально-определенная вещь. Действительно, нельзя быть собственником какого-то абстрактного количества однородных вещей. Недопустимо с точки зрения гражданского права обладать отвлеченной тысячью рублей, для этого необходима четкая индивидуализация самой купюры (или купюр, если их несколько) соответствующего номинала. При этом сама индивидуализация вещи достижима различными путями. Так, в приведенном примере это могут быть, в частности, номер банкноты или сам факт нахождения ее в бумажнике, кармане, другом хранилище, принадлежащем известному лицу. Способ индивидуализации в данном случае не имеет значения, важно лишь

²⁶⁶ См., к примеру: *Андреев В.К.* Право собственности в России. М., 1993. С. 25.

²⁶⁷ О.А. Красавчиков указывал, что вещи, определенные родовыми признаками, «индивидуализируются в гражданском обороте путем указания на их родовую принадлежность, качественное состояние и количественную меру» (Советское гражданское право / Под ред. О.А. Красавчикова. Т. 1. М., 1985. С. 182 (автор главы – О.А. Красавчиков)). Как справедливо уточнили Б.Л. Хаскельберг и В.В. Ровный, в приведенной цитате правильнее было бы использовать термин «определяются» вместо «индивидуализируются» (*Хаскельберг Б.Л., Ровный В.В.* Индивидуальное и родовое в гражданском праве. М., 2004. С. 47).

наличие достаточно четких определяющих признаков, которые позволяют утверждать, что на эту вещь установлено то или иное вещное право.

Однако то, что недопустимо в условиях вещных правоотношений, вполне возможно в рамках обязательств. Заключение договора, по которому одна сторона обязуется передать другой стороне некоторое количество не определенных индивидуально или, как их еще называют, генерических вещей, является совершенно естественной и широко распространенной сделкой. Но здесь неизбежно возникает вопрос: какова судьба права собственности на эти вещи?

По идее, если принять то, что право собственности, будучи вещным правом, может иметь в качестве своего объекта только индивидуально-определенные вещи, то сам факт передачи вещей с родовыми признаками должен в любом случае влечь и переход собственности на них. Вещи, определенные родовыми признаками, переходя из сферы обладания одного лица во владение другого лица, по отношению к передающему теряют свою индивидуализацию. Об этом говорит сам факт того, что вещи определены родовыми характеристиками. В свою очередь, и всякое требование о получении обратно таких же вещей подразумевает, что лицо будет удовлетворено всякими вообще вещами, которые обладают оговоренными в соглашении или в законе признаками, – ведь именно так был сформулирован интерес этого лица.

Иначе говоря, любые вещи, определенные родовыми характеристиками, обладают абсолютной заменимостью в рамках того рода вещей, к которому они принадлежат. Субъект, к которому обращено требование о передаче таких вещей, должен считаться исполнившим свою обязанность надлежащим образом при условии предоставления предметов с оговоренными ранее признаками. Предъявление претензии об отсутствии у вещей других, не предусмотренных ни соглашением, ни законом признаков будет явно необоснованным, так как ничего подобного из предыдущих взаимоотношений сторон не вытекает.

Здесь следует сказать несколько слов о соотношении понятий генерических и заменимых вещей. Данный вопрос не находит однозначного решения в

литературе. Так, одни авторы употребляют эти понятия как синонимы²⁶⁸; другие исследователи, напротив, различают генерические и заменимые вещи²⁶⁹.

Думается, последняя позиция является верной, что, однако, не означает, что есть вещи, определенные родовыми признаками, которые являются незаменимыми. Дело в том, что свойство заменимости может быть присуще как генерическим, так и индивидуально-определенным предметам.

Случаи, когда индивидуально-определенная вещь является заменимой, в гражданском обороте достаточно распространены. Так, в частности, Г.С. Васильев приводит в качестве примера норму п. 1 ст. 612 ГК РФ, где арендодателю предоставлено право произвести замену некачественной вещи, сданной в аренду, на аналогичную вместо того, чтобы устранять ее недостатки либо снижать арендную плату. «Очевидно, что «аналогичной» будет та, которая по своим функциональным характеристикам совпадает с ранее предложенной... Следовательно, заменимость вполне сочетается с индивидуальной определенностью»²⁷⁰, – подытоживает Г.С. Васильев. Схожие нормы достаточно часто встречаются в тех главах ГК РФ, где содержатся правила о качестве вещи, являющейся предметом обязательств, возникающих из тех или иных договоров: например, п. 2 ст. 475 (замена некачественного товара, переданного по договору купли-продажи), п. 1 ст. 503 (аналогичные нормы, касающиеся договора розничной купли-продажи), п. 1 ст. 518 (замена бракованного предмета поставки), п. 1 ст. 629 (замена дефектной вещи, сданной в прокат) и др.

Можно сделать вывод, что всякая вещь, определенная родовыми признаками, является заменимой в пределах своего рода. Смысл определения объекта

²⁶⁸ См., к примеру: *Анненков К.Н.* Система русского гражданского права. Т. I. С. 276; *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского права. Вып. 1. СПб., 1894. С. 86; *Зом Р.* Институции. История и система римского права. Ч. 2. Система. Вып. 1. Общая часть и вещное право. Сергиев Посад, 1916. С. 240; *Митюков К.А.* Система римского гражданского права. Киев, 1912. С. 71-72; *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Ч. 1. М., 2002. С. 94; *Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права. СПб., 1998. С. 150; *Чиларж К.* Учебник институций римского права. М., 1906. С. 94; *Эннексерус Л.* Курс германского гражданского права. Т. 1. Полутом 2. М., 1950. С. 18.

²⁶⁹ Так, к примеру, японские цивилисты С. Вагацума и Т. Ариидзуми рассматривали вещную дихотомию заменимое-незаменимое в качестве объективной, а противопоставление родовое-индивидуальное как субъективное (см.: *Вагацума С., Ариидзуми Т.* Гражданское право Японии: В 2 кн. Кн. 1. С. 95). Указанные две классификации разводили также такие исследователи, как В.М. Хвостов (см.: *Хвостов В.М.* Система римского права. М., 1996. С. 130), Д.В. Дождев (см.: *Дождев Д.В.* Римское частное право. М., 1996. С. 313-314), Г.С. Васильев (см.: *Васильев Г.С.* Заменимость и индивидуальная определенность // Арбитражные споры. 2005. № 4. С. 133) и др.

²⁷⁰ *Васильев Г.С.* Заменимость и индивидуальная определенность // Арбитражные споры. 2005. № 4. С. 132.

правоотношения при помощи родовых признаков в том и состоит, что участники гражданского оборота закрепляют в соглашении только те признаки объекта правоотношения, которые представляют для них интерес. В то же время некоторые индивидуально-определенные объекты также могут быть заменимыми, что было показано на примере нарушения обязательств возникающих из договора аренды.

Здесь надлежит сделать некоторое уточнение, касающееся взаимосвязи такого действия, как передача, и особых объектов подлежащих передаче, – родовых вещей. Дело в том, что передача в любом случае индивидуализирует передаваемые вещи. В самом деле, если договориться о передаче можно как в отношении индивидуально-определенных, так и генерических вещей, то передать можно, как уже отмечалось выше, только конкретную, индивидуализированную самим фактом передачи вещь. За этим парадоксом скрывается теоретическая проблема, связанная с пределами оправданного употребления такого понятия, как родовые вещи. Так, в частности, И.Б. Новицкий отмечал: «Неправильно делить вещи на индивидуальные и родовые: всякая вещь сама по себе конкретна, индивидуальна, напротив, обязательства... делятся на родовые и конкретные или индивидуальные»²⁷¹. Эту мысль позднее поддержали В.В. Залесский²⁷² и О.А. Красавчиков²⁷³. Если попытаться выразить ее иными словами, то можно сказать, что само деление вещей на родовые и индивидуальные имеет смысл только в условиях обязательств.

В целом, эту позицию следует признать верной, однако с некоторыми модификациями. Полностью отказываться от такого понятия, как «передача родовых вещей», думается, не следует. Необходимо лишь оговориться, что за этим словосочетанием стоит сложный, трехстадийный процесс. Сначала стороны договариваются о том, что должник обязуется предоставить кредитору те или иные генерические вещи (первый этап). Далее происходит собственно передача (второй этап), когда в отношениях сторон появляются конкретные, индивидуально-определенные вещи, являющиеся предметом обязательства.

²⁷¹ Новицкий И.Б., Луцк Л.А. Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 116-117 (автор главы – И.Б. Новицкий).

²⁷² См.: Советское гражданское право / Под ред. И.Б. Новицкого, П.Е. Орловского. Т. 1. М., 1958. С. 236 (автор главы – В.В. Залесский).

²⁷³ См.: Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958. С. 84.

Наконец, после того, как вещи были переданы, они, переходя в обладание кредитора, теряют свою индивидуализацию, то есть обезличиваются (третий этап).

Обратим внимание, что из всех трех этапов только на втором из них, по общему правилу, фигурирует индивидуально-определенная вещь. Но здесь есть исключения: кредитор может индивидуализировать вещи, полученные им от должника, в одностороннем порядке. Эта индивидуализация проще всего достижима именно на втором этапе, когда предмет обязательств непосредственно вручается кредитору. Индивидуализация здесь будет проводиться не заново (как это было бы, если бы речь шла о третьем этапе, когда вещи уже обезличились), а будет как бы продлена в будущее. Ясно, что доказывать факт получения тех или иных вещей от конкретного контрагента, когда они уже смешались с аналогичными вещами, значительно сложнее по сравнению с той ситуацией, когда смешение еще не произошло.

Особую актуальность это приобретает, если у кредитора возникает подозрение, что ему были переданы вещи ненадлежащего качества. Именно отсюда проистекает важность такого действия, как первоначальный осмотр товаров непосредственно на стадии вручения предмета обязательств кредитору. Если осмотр будет произведен позже, когда вещи уже были обезличены, то доказать их получение от конкретного лица весьма непросто²⁷⁴.

Однако главное отличие между индивидуально-определенными и родовыми вещами заключается в том, что у стороны, передавшей генерические вещи, может взамен возникнуть лишь обязательственное право требования. К этому тезису следует сделать уточнение: переход вещей от одного владельца к другому может быть и незаконным. В качестве примера можно привести карманную кражу, в ходе которой вор изымает у ничего не подозревающего лица некоторую денежную сумму. Собственно, в сам момент изъятия денежные купюры, составляющие эту сумму, теряют свою индивидуализацию, что влечет за собой, во-первых, утрату

²⁷⁴ Иногда это сделать практически нереально, к примеру, в тех случаях, когда предмет обязательств выражен в сыпучих, жидких, газообразных и прочих подобных вещах. Доказать то, что негодность получившейся в результате смешения однородной массы была вызвана вещами, полученными от конкретного лица, вряд ли возможно технически. Потенциальный правонарушитель всегда может возразить, что, во-первых, никаких претензий ему в момент передачи предъявлено не было, а во-вторых, ни у кого не может быть уверенности, что некачественными были именно его вещи, а не товары другого контрагента кредитора, либо имущество, изначально принадлежавшее кредитору.

потерпевшим права собственности на них и, во-вторых, появление взамен у него права требования по возврату денег в соответствующем размере.

Сказанное вытекает из современной теории вещных прав и полностью ей соответствует. Напомним, одним из ее основных принципов является принцип специальности²⁷⁵. Он подразумевает, что объектом этих прав может быть только индивидуально-определенная вещь, причем за рамками здесь остаются не только вещи, определенные родовыми признаками, но и совокупности разнородных вещей – имущественные комплексы. Последние приобретают юридическую значимость только при переходе прав на них от одного субъекта к другому, то есть в «динамике» оборота. В условиях же его «статике» разные объекты приобретают дифференцированный гражданско-правовой режим.

Принцип специальности как одна из основ вещных прав приобретает первостепенное значение при заключении тех договоров, по условиям которых может происходить передача как генерических вещей, так и индивидуально-определенных. С одной стороны, некоторые из этих договоров прямо предусматривают переход права собственности на предмет соответствующей сделки. Участники гражданского оборота, которые их заключают, на это

²⁷⁵ Германские исследования определяют данный принцип следующим образом: «В соответствии с принципом «специальности (определенности)» (*Spezialitätsgrundsatz*) вещные права могут устанавливаться только в отношении отдельных, определенных вещей, всюду следуют судьбе вещи и с их гибелью могут уничтожаться». См.: *Wieling H. Sachenrecht*. 3 Aufl. Berlin, Heidelberg, New York, Tokyo, 1997. S. 22 (приводится по: *Емелькина И.А.* Система ограниченных вещных прав на земельный участок. М., 2011. С. 41). С.А. Сеницын следующим образом поясняет его назначение: «Суть действия *Spezialitätsprinzip* состоит в установлении конкретного правового режима для каждого объекта, что обеспечивает единообразное применение правовых норм о вещном праве к равнозначным объектам – вещам» (*Сеницын С.А.* Защита владения и вещных прав в гражданском праве России и Германии. Дис. ... канд. юрид. наук. М. 2010. С. 40). Германские правоведы подчеркивают, что «везде, где речь идет о вещно-правовой принадлежности, прежде всего в вещном праве, действует принцип распространения прав по отдельности» – синоним принципа специальности. См.: *Schmidt K. Handelsrecht*. 5 Aufl. Köln, Berlin, Bonn, München, 1999. S. 138-142. (приводится по: *Грибанов А.В.* Предприятие как имущественный комплекс (объект права) по праву России и Германии. М., 2010. С. 223). На принцип специальности вещных прав обращалось внимание также и в российской дореволюционной цивилистике (чаще всего путем указания на индивидуальную определенность как необходимое свойство объекта вещного права): *Гамбаров Ю.С.* Вещное право // *Словарь юридических и государственных наук* / Под ред. А.В. Волкова, Ю.Д. Филипова. Т. 1. СПб., 1901. С. 1754; *Покровский И.А.* История римского права. СПб., 1998. С. 374.

О принципе специальности см. также: *Суханов Е.А.* О понятии и видах вещных прав в российском гражданском праве / *Гражданское право России – частное право* // Отв. ред. В.С. Ем. М., 2008. С. 319; *Гражданское право*. В 4 т. Т. 2 / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2008. С. 11 (автор главы – *Е.А. Суханов*). О родовых и индивидуальных признаках вещей применительно к вещным и обязательственным правам см.: *Пухта Г.Ф.* Курс римского гражданского права. Т. I. М., 1874. С. 101; *Дозорцев В.А.* Принципиальные черты права собственности в Гражданском кодексе // *Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сборник памяти С.А. Хохлова* / Отв. ред. А.Л. Маковский. М., 1998. С. 235; *Бабаев А.Б.* Система вещных прав. М., 2007. С. 201-202.

рассчитывают и, как правило, ради этого вступают в возникающие обязательства. В этой группе договоров можно назвать, в частности, договоры купли-продажи, мены, дарения, займа и ряд других. С другой стороны, есть ряд других договоров, по условиям которых допустимы следующие две ситуации.

Первая ситуация: одна сторона передает другой индивидуально-определенную вещь без намерения перенести право собственности. Так, к примеру, по договору хранения хранитель обязуется хранить вещь, переданную ему поклажедателем, и возвратить ее в сохранности (п. 1 ст. 886 ГК). По договору аренды арендодатель может обязаться передать вещь арендатору, чтобы тот ею владел и пользовался (ст. 606 ГК). Ясно, что коль скоро индивидуально-определенная вещь передается для указанных целей, то перехода права собственности здесь не происходит.

Вторая ситуация: одна сторона передает для определенных целей другой стороне вещи, определенные родовыми признаками, также, казалось бы, без намерения перенести на нее право собственности, но, тем не менее, такой переход все же происходит. Выдвинутый выше тезис о переходе права собственности как о правовом последствии любой передачи генерических вещей заставляет выразиться еще более категорично: переход права собственности здесь не может не произойти. Наиболее характерным договором здесь, пожалуй, можно считать так называемое иррегулярное хранение или, как его называет отечественный ГК, хранение вещей с обезличением (ст. 890 ГК РФ). Можно также указать на договор перевозки вещей, определяемых родовыми признаками (иррегулярная перевозка или перевозка вещей с обезличением), который отечественное законодательство специально не регулирует, аренду предприятия (ст. 660 ГК РФ) и доверительное управление (ст. 1012 ГК РФ).

Нельзя не заметить, что вопрос о вещах и, следовательно, о правах на них проходит водоразделом по обязательствам из выделенной категории договоров. В зависимости от того, какие вещи передаются по договору – генерические или индивидуально-определенные – возникают разные правовые последствия, которые обладают первостепенной практической значимостью, обусловленной рядом неперемных атрибутов права собственности. В частности, с этим правом связываются риск случайной гибели и повреждения вещи, правомочие

распоряжения и, следовательно, вопрос об упущенной выгоде субъекта, не ставшего собственником определенного договором имущества в результате нарушения контрагентом своих обязанностей. В этой сфере особенно ярко проявляет себя концепция права как средства распределения рисков²⁷⁶: можно говорить о двух принципиально разных системах их распределения по сторонам договора в зависимости от того, кому принадлежит право собственности на передаваемые вещи.

Сказанное относительно деления вещей на генерические и индивидуально-определенные заставляет соотнести их характеристику и влияние на исследуемое обязательство с закрепленным выше пониманием объекта правоотношения, а также с концепцией субъективного права, которая является основной для данной работы.

Можно сказать, что родовая и индивидуальная определенность вещей, будучи свойством объекта права требования, является одновременно характеристикой интереса кредитора, ради которого он и вступил в обязательство. Это утверждение основывается на обоснованном выше понимании права требования и объекта обязательства. Следовательно, определенность вещей является тем показателем, который позволяет установить, какой предмет в качестве конкретного, овеществленного выражения объекта обязательства будет считаться надлежащим при исполнении обязанности должником. Если соглашение сторон позволяет установить интерес кредитора только на уровне признаков, присущих целой группе вещей, следовательно, он будет удовлетворен любой вещью, входящей в эту группу.

Обязательство, объектом которого являются вещи, определенные родовыми признаками, по сути, оперирует не столько вещами как какими-то материальными предметами, имеющими форму товара, сколько некоторой стоимостью, выраженной в вещах определенного рода. Это придает договорам, из которых такие обязательства возникают, свойство «иррегулярности» (по аналогии с иррегулярным хранением): в отличие от их «регулярных» аналогов,

²⁷⁶ Об этой концепции см.: *Магазинер Я.М.* Общая теория права на основе советского законодательства // Избранные труды по общей теории права. СПб., 2006. С. 162-169.

где происходит передача прав в отношении конкретных, индивидуализированных предметов, они оперируют более или менее абстрактной ценностью, заключенной в совокупности объектов. Эта совокупность может принимать форму имущественного комплекса, форму совокупностей вещей вроде стада домашних животных или форму известного количества иных материальных предметов, определенных при помощи большего или меньшего набора параметров.

Коль скоро речь идет о стоимости, то должник практически не ограничен в ее использовании, в источнике ее получения, в определении той конкретной формы, которую примет эта стоимость, то есть предмета обязательства. Слишком абстрактный характер носит стоимость, чтобы можно было ее как-либо существенно сузить. Главное, чтобы в ходе исполнения обязанности был удовлетворен интерес кредитора. Для этого нужно, чтобы объект обязательства, юридически выражающий эту стоимость, принял форму предмета исполнения. Предмет при этом должен соответствовать всем критериям в договоре, связывающем стороны, и в законе, регламентирующем данные отношения.

Несколько забегаая вперед, заметим, что гражданское право содержит в себе конструкции, которые позволяют осуществлять юридические операции с этой стоимостью. Эти операции, благодаря слабой определенности объекта, главным образом связаны с неизбежностью перехода права собственности на вещи, определенные родовыми признаками.

Сказанное относительно объекта обязательства по передаче вещей заставляет несколько иначе взглянуть на роль этой категории в рамках правоотношения. Обзор теорий объекта правоотношений показал, что большинство исследователей сходится по крайней мере в одном: объект правоотношений можно представить как своего рода «проекцию» в юридическую реальность имущественных ценностей экономического оборота – товаров и услуг, на которые распространяется та или иная гарантируемая правопорядком степень контроля над этими ценностями. Несмотря на то, что современное гражданское право регулирует в том числе и отношения, возникающие по поводу благ, ничего

общего с товарами и услугами не имеющих²⁷⁷, тем не менее сам механизм частноправового регулирования сформировался как инструмент воздействия именно на товарно-денежные отношения.

Изложение концепций объекта правоотношений позволяет сделать вывод, что этот взгляд на роль объекта в гражданском правоотношении занимал доминирующее положение как в дореволюционной юридической литературе, так и в советской и в современной цивилистике. Несмотря на значительные расхождения в подходах к понятию объекта правоотношения, у всех приведенных концепций есть одна общая черта – рассмотрение объекта в качестве сугубо пассивной субстанции. С приведенных позиций объект – не более чем благо, обладающее определенной имущественной ценностью и являющееся воплощением интереса кредитора.

Действительно, трудно спорить с тем, что стороны вступают в правоотношения прежде всего с целью перераспределения благ. Однако этот тезис неизбежно подталкивает к тому, что объекты рассматриваются в качестве юридического явления, не оказывающего существенного влияния на юридические связи, возникающие между сторонами. Объекты предстают не более чем выражением интересов контрагентов, которые могут распоряжаться ими как угодно. Тем более что основополагающие принципы современного гражданского права к этому всячески располагают. Среди них, в частности, осуществление прав своими действиями и в своем интересе, неприкосновенность собственности (п. 1 ст. 1 ГК РФ), свобода договоров (ст. 421 ГК РФ) и др.

В то же время такой подход, если ему придавать гипертрофированное значение, уводит внимание исследователей от свойств объектов гражданских правоотношений, обладающих способностью предопределять содержание правоотношений, элементами которых они являются. При тщательном рассмотрении некоторых институтов гражданского права становится заметно, что воля участников гражданского оборота ограничена не только императивными нормами закона, но также и свойствами объектов их прав и обязанностей.

²⁷⁷ Примером здесь могут служить объекты личных неимущественных прав: честь, достоинство, деловая репутация и др.

Указанное выше различие между родовыми и индивидуально-определенными вещами показало глубокое влияние объекта на обязательства. Его можно заметить как бы на трех уровнях. Первый уровень – это взаимосвязь свойств вещей и юридических характеристик акта их передачи (*traditio*). Этот акт может иметь в качестве своего объекта только материальные предметы, а его результатом и, одновременно, следствием свойств объекта является переход владения в отношении передаваемой вещи. Второй уровень – это анализ влияния объекта на само обязательство по передаче вещей: благодаря объекту данное правоотношение занимает специфическую нишу в системе обязательственного права, которая не позволяет смешивать его с некоторыми смежными юридическими формами общественных отношений. Наконец, третий уровень, который сводится к анализу разновидностей исследуемого обязательства в зависимости от определенности его объекта, показывает влияние объекта на права и обязанности сторон.

Необходимо заметить, что последний, третий уровень является, по всей видимости, заключительным этапом в конструировании обязательства по передаче вещей в его чистом, самом абстрактном виде, не связанном с каким-либо иными, внешними по отношению к нему факторами (например, с основанием его возникновения, характеристиками его сторон и т.д.).

Перед тем, как закрепить основные выводы данного параграфа, обратим внимание на следующее возражение, которое наверняка встретит рассуждение об объекте обязательства по передаче вещей, изложенное выше. Взяв за основу только одну классификацию вещей, известную в теории гражданского права, данная работа оставила за своими рамками целый ряд иных свойств вещей, которые имеют несомненное значение для рассматриваемых обязательств. К ним относятся, в частности, свойства материальных объектов гражданских прав, которые перечислены в главе 6 ГК РФ.

На это замечание следует ответить следующим образом. Ни одна из известных гражданскому праву классификаций вещей не имеет такого всеобъемлющего значения для исследуемого обязательства, как деление вещей на генерические и индивидуально-определенные. Как было показано выше, связь этого деления с определенностью интереса кредитора и, следовательно, с принадлежащим ему

субъективным правом требования, приводит к тому, что от данной классификации зависит момент перехода права собственности на передаваемые вещи, все сопряженные с этим переходом риски и преимущества для должника.

Прочие известные классификации вещей влияют в основном на два обстоятельства: во-первых, на технику передачи вещей и, следовательно, на момент перехода прав в отношении них, во-вторых, на объем права требования кредитора. Они, прежде всего, помогают ответить на вопрос «Что по умолчанию охватывает охраняемый законом интерес кредитора?», тогда как деление вещей на индивидуализированные и генерические влияет в первую очередь на конкретность интереса управомоченной стороны обязательства.

В качестве примера влияния свойств вещей на первое обстоятельство можно привести деление вещей на движимые и недвижимые. Как известно, для того, чтобы исполнение обязательства по передаче недвижимых вещей было результативным с точки зрения перехода прав в отношении них, необходима регистрация перехода права в соответствии общим принципом, закрепленным в ст. 8.1 ГК РФ. Разумеется, это обстоятельство имеет важнейшее значение, но влияния на возможности сторон рассматриваемого обязательства, сравнимого со значением деления вещей на генерические и индивидуально-определенные, оно не оказывает.

Примером влияния юридических характеристик вещей на объем требования являются главные вещи и принадлежности. В соответствии с диспозитивным правилом ст. 135 ГК РФ, если передаче в рамках соответствующего обязательства подлежит главная вещь, то это означает, что должник обязан передать также и ее принадлежность. Описание объекта как главной вещи и принадлежности, таким образом, диспозитивно определяет то, на что имеет право кредитор, требующий передачи ему вещи, являющейся главной по отношению к ее своего рода «приложению» – принадлежности. Это деление вещей, если отталкиваться от понимания субъективного права как юридической власти кредитора, определяет конкретную границу, где эта власть заканчивается: предполагается, что она охватывает две вещи – главную и ее принадлежность. К нему примыкает также и деление вещей на простые и сложные (ст. 134 ГК РФ), а также на плоды, доходы и

продукцию (ст. 136 ГК РФ) – к ним вполне применима та же логика.

Таким образом, объект обязательства по передаче вещей – вещь является юридическим воплощением интереса кредитора, который может быть более или менее определенным в зависимости от его описания при помощи как индивидуальных, так и родовых признаков. При этом в роли родовых признаков могут выступать самые различные параметры, так как сама эта операция носит сугубо ментальный, можно сказать, логический²⁷⁸ характер, определяющий отнесение материальных предметов к различным совокупностям объектов. По этой причине к родовым вещам следует отнести в том числе и вещи, входящие в имущественные комплексы. Влияние родовых и индивидуализирующих параметров интереса кредитора является фундаментальным для обязательства по передаче вещей, так как от степени конкретности этого интереса зависят права и обязанности сторон исследуемого правоотношения. В частности, это проявляется в том, что любая передача вещей, определенных до передачи родовыми признаками, приводит к переходу в отношении них права собственности. Деление обязательств по передаче вещей в зависимости от определенности их объекта, таким образом, является основной классификацией этих правоотношений.

²⁷⁸ «Логический» потому, что понятия рода и вида являются одними из главных понятий раздела логики, изучающего классификацию.

Заключение

Проведенное исследование показало, что основание обязательства как доминанта в изучении, описании и регулировании обязательств не является единственным «маяком» в этом разделе гражданского права. Ей необходимо подыскивать альтернативы, так как она является наследием частного права совершенно другой эпохи, где свобода договора не понималась так широко, как они понимаются сейчас. Если в римском праве фокус на отдельных разновидностях сложных договорных связей был естественен в силу небольшого набора встречавшихся в обороте соглашений, то в условиях современного оборота с его сложнейшими и многообразными экономическими отношениями он во многих аспектах выглядит анахронизмом.

Альтернативой может служить концентрация законодателя, теории гражданского права и практики его применения на простейших обязательствах. Отправной точкой здесь должно служить осознание того факта, что многие правоотношения (частным случаем которых являются обязательства) с точки зрения своего содержания очень слабо зависят от юридических характеристик своего основания. На самом деле, это осознание в некоторых разделах гражданского права встречается, но ему нужно придать всеобщий характер. Наиболее ярким примером такого раздела является общее учение о денежном обязательстве. Это правоотношение могло быть разработано только при условии ясного понимания автономности денежного требования от его основания. Однако, остается открытым вопрос: если это понимание верно в отношении денег, то почему нельзя для начала распространить метод и на все другие вещи, а потом и целиком на обязательственное право? Отсутствие ответа на этот вопрос стало фундаментом данной работы. Это не только возможно, но и необходимо для развития обязательственного права.

Выставление на первый план обязательств – важнейшее проявление аналитического подхода к гражданскому праву. Его преимуществом является поиск непреходящих, имманентных свойств простейших правоотношений, то есть таких характеристик, которые остаются неизменными, какими бы сложными не были включающие их экономические связи. Поскольку последние имеют

тенденцию усложняться по мере развития хозяйственной стороны человеческой культуры, то инструментальный подход, сосредоточенный на более или менее сложных хозяйственных отношениях (в первую очередь на договорах), должен постепенно вытесняться аналитическим методом.

Этот процесс, однако, пока заметен слабо. Последние реформы обязательственного права в развитых правовых порядках показывают, что внимание законодателя (и судебной практики, на которую законодатель очень часто ориентируется) пока приковано к договорам. Та же картина наблюдается и в российском праве. Это приводит к тому, что в тексты кодексов вводятся все новые и новые договорные конструкции, при этом общие части почти не обогащаются новыми принципиальными нормами, которые могли бы быть выявлены при сопоставлении разных соглашений с совпадающими обязательствами. Такие совпадения будут выявляться тем чаще, чем активнее будет обращение к аналитическому подходу в обязательственном праве.

Поиск и конструирование обобщений, важных для обязательственного права, – не единственная польза от аналитического подхода. В контексте российской цивилистики его актуальность связана также и с укреплением принципа свободы договора. Этот подход показывает, что свобода здесь заключается прежде всего в возможности комбинировать простейшие обязательства в рамках одного соглашения, а не в выборе того или иного уже имеющегося в тексте закона договора. То, что стороны могут заключить такой договор, чаще всего вполне очевидно, а вот первая возможность сегодня в России нуждается в обеспечении и укреплении. Для этого нужно применять аналитический подход, переключающий внимание с юридических фактов на обязательства. Кстати, этот подход потенциально должен показать, где пределы этих комбинаций: какие обязательства (и другие формы общественных отношений) сочетаются между собой, а какие – нет. Ответ на эти вопросы покажет объективные (а не произвольные, периодически очерчиваемые российским судом) границы свободы договора.

Попытка переориентировать обязательственное право с юридических фактов на сами правоотношения привела в ходе настоящего исследования к системе,

состоящей из простейших обязательств, каждое из которых имеет свой уникальный объект. Более близкое рассмотрение этой системы показало, что каждый из ее компонентов обладает целым рядом специфических характеристик. Следовательно, каждый из них обладает более или менее широким набором правил, применимых только к нему. Особо примечательно то, что и юридические свойства, и нормы, регулирующие обязательство, обусловлены в первую очередь объектом этого правоотношения, его значимыми для права чертами и параметрами. Можно сказать, что это заставляет пересмотреть привычную роль объекта обязательства как пассивной субстанции: оказывается, его свойства напрямую влияют на содержание права требования кредитора и обязанности должника. Это влияние носит объективный характер, ему не ничего не может противопоставить ни законодатель, ни стороны обязательства, так как оно – проекция в идеальный мир юридических конструкций того, что имеет место в окружающей людей действительности.

Особенно хорошо это видно на материале обязательства по передаче вещей – самого распространенного и окруженного самым обильным, подробным нормативным массивом. Из-за того, что объектом этого правоотношения служит вещь, то есть материальный, ограниченной в пространстве и доступный для господства субъектов обязательства предмет, ему присущ свой специфический способ исполнения в виде *traditio*, который сопряжен с целым рядом важнейших требований, начиная с качества вещи (ст. 469 ГК РФ) и заканчивая ее юридической «чистотой» (ст. 460-462 ГК РФ). Ему присуща слабая связь с лицами самого обязательства, его результатом всегда служит, как минимум, переход владения в отношении передаваемой вещи, ответственность за его нарушение обладает определенной спецификой (см., например, ст. 398 ГК РФ) и т.д. Указанные свойства обязательства по передаче вещей отличают его от других относительных правоотношений, объектом которых являются другие блага и которые поэтому исполняются по-иному, ответственность за их нарушение своеобразна, связь со сторонами может быть более интенсивной, а качество и юридическая «чистота» объекта обладают своей спецификой.

Подчеркнем, что все эти характеристики правоотношения предопределены

свойствами объекта, но не юридического факта, который породил данное обязательство. Иными словами, обязательство по передаче вещей исполняется таким же способом, обеспечено такой же ответственностью, а подлежащий передаче предмет должен отвечать таким же требованиям, будь то обязательство из займа, купли-продажи, мены, аренды или другого договора, подразумевающего передачу вещи в рамках обязательства.

Если эти рассуждения верны, то здесь открываются возможности для обобщения целого ряда важных положений, применимых ко всем обязательствам по передаче вещей, но оказавшихся в разных главах ГК РФ, посвященных договорам. Если в общую часть кодекса уже проникли нормы о последствиях уклонения от передачи индивидуально-определенных вещей или о некоторых параметрах денежных обязательств (примеры уже состоявшихся обобщений в духе аналитического подхода к частному праву), то почему бы не обобщить правила, например, о качестве передаваемой вещи, ее комплектности или о защите от эвекции? Проведенный в работе анализ обязательства по передаче вещей показал, что положительный ответ на этот вопрос напрашивается.

Правильность выбранного метода систематизации обязательств – в зависимости от их объекта – подтвердился и на следующем классификационном уровне, а именно, когда был поставлен вопрос о том, какие вещи подлежат передаче. Такое свойство вещей, как степень их определенности, настолько сильно влияет на содержание обязательства, что именно данный критерий правильно положить в основу главного подразделения обязательства по передаче вещей. Достаточно будет сказать, что исполнение обязательства по передаче генерических вещей (без их индивидуализации) может привести только к одному результату – переходу права собственности к получателю. Ясно, что, если объектом служит индивидуально-определенная вещь, то перечень возможных результатов исполнения значительно возрастает. Примечательно, что и здесь проявляется уникальность этого обязательства. К примеру, обязательства по оказанию услуг имеет смысл систематизировать не по определенности объекта, а, по всей видимости, по необходимости достижения результата: либо должнику следует приложить некоторый минимум усилий для достижения того или иного

результата, либо этот результат достигнуть.

В целом, проведенное исследование показало, что у изучения отдельных обязательств в зависимости от их объектов огромный потенциал, который может значительно обогатить науку гражданского права, а также решить массу практических проблем, встречающихся в ходе законотворчества и в процессе правоприменения.

Библиография

1. Список нормативных актов

1. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР, 1922, № 71, ст. 904.
2. Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1964, № 24, ст. 406.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ, 29.01.1996, № 5, ст. 410.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // СЗ РФ, 03.12.2001, № 49, ст. 4552.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ, 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496.
7. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ, 29.07.2002, № 30, ст. 3012.
8. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // СЗ РФ, 30.06.2014, № 26 (часть I), ст. 3377.
9. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ, 01.01.1996, № 1, ст. 1.
10. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ, 22.04.1996, № 17, ст. 1918.
11. Федеральный закон от 21.12.2013 № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ, 23.12.2013, № 51, ст. 6699.
12. Федеральный закон от 21.12.2013 № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // СЗ РФ, 23.12.2013, № 51, ст. 6687.

13. Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ, 09.03.2015, № 10, ст. 1412.

2. Перечень использованных материалов судебной практики

1. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.12.2011 № 81 «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации».

2. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах».

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

4. Постановление Президиума ВАС РФ от 30.12.2003 № 9037/03 по делу № А45-4710/2002-КГ6/269.

5. Постановление Президиума ВАС РФ от 13.10.2011 № 4408/11 по делу № А68-6859/10.

6. Определение Арбитражного суда Московского округа от 12.01.2015 по делу № А40-48158/2013.

7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.05.2003 по делу № КГ-А40/2292-03.

8. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 03.05.2005 № Ф03-А51/05-1/872.

9. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 04.11.1999 № А12-4100/99-С6.

10. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 05.10.2000 № А12-4532/00-с27.

11. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 20.09.2004 № А55-15369/03-2.

12. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.07.2011 по делу № А26-6900/2009.

13. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.10.2014 по делу № А40-48158/2013.

14. Решение Арбитражного суда города Москвы от 30.06.2014 по делу № А40-48158/2013.

3. Список литературы

Научные статьи, учебники, сборники, комментарии и монографии

1. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. Т. 2. М., 2012.
2. Агарков М.М. Перевод долга // Избранные труды по гражданскому праву. Т. 2. М., 2002.
3. Агарков М.М. Юридическая природа железнодорожной перевозки // Право и жизнь. 1922. № 2.
4. Акифьева А.А. Развитие теории о делении обязательств на обязательства по приложению усилий и достижению результата во французской доктрине гражданского права // Вестник гражданского права. 2015. № 3.
5. Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955.
6. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. М., 1982.
7. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права: Курс лекций. Учебное пособие. Вып. 2. Нормы права и правоотношения. Свердловск, 1964.
8. Андреев В.К. Право собственности в России. М., 1993.
9. Анненков К.Н. Система русского гражданского права. Т. I. СПб, 1894.
10. Анненков К.Н. Система русского гражданского права. Т. III. Права обязательственные. СПб., 1901.
11. Ахметжанова Д.Х. Юридическое значение концентрации в договоре купли-продажи вещей, определенных родовыми признаками // Вестник гражданского права. № 1. 2017.
12. Бабаев А.Б. Система вещных прав. М., 2007.

13. Бабаев А.Б., Белов В.А. Учение о гражданском правоотношении // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М., 2007.
14. Барон Ю. Система римского гражданского права. Выпуск второй. М., 1898.
15. Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения. М., 1989.
16. Бевзенко Р.С. Акцессорность обеспечительных обязательств (часть первая) // Вестник гражданского права. 2012. № 5.
17. Бевзенко Р.С. Акцессорность обеспечительных обязательств (часть вторая) // Вестник гражданского права. 2012. № 6.
18. Бевзенко Р.С. Объекты гражданских правоотношений // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М., 2007.
19. Бевзенко Р.С. Принцип добросовестности в обязательственном праве. Новые инструменты защиты от хитрых уловок контрагентов // Юрист компании. 2015. № 6.
20. Бевзенко Р.С., Егоров А.В. Поправки о залоге. Новые возможности для маневра. М., 2015.
21. Бекленищева И.В. Гражданско-правовой договор: классическая традиция и современные тенденции. М., 2006.
22. Белов В.А. «Двадцать пятое» постановление Пленума: толкование или... законодательство? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 11.
23. Белов В.А. «Запретная» цивилистика, или о чем молчит гражданское право // Закон. № 8. 2015.
24. Белов В.А. Влияние философских и методологических установок на результат цивилистических исследований (на примере работ М.М. Агаркова, И.Б. Новицкого) // Вестник Московского университета. 2005. № 5.
25. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. I. Введение в гражданское право. М., 2011.

26. Белов В.А. Гражданское право. Т. IV. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы. М., 2013.
27. Белов В.А. Гражданское право: Общая часть. М., 2002.
28. Белов В.А. Гражданское право: Особенная часть. М., 2004.
29. Белов В.А. Гражданско-правовая форма корпоративных отношений (к проблеме так называемых корпоративных правоотношений) // Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М., 2009.
30. Белов В.А. Гражданско-правовые формы отношений снабжения через присоединенную сеть // Проблемы современной цивилистики: сборник статей, посвященных памяти профессора С.М. Корнеева / Отв. ред. Е.А. Суханов и М.В. Телюкина. М., 2013.
31. Белов В.А. Денежные обязательства. М., 2007.
32. Белов В.А. К вопросу о соотношении понятий обязательства и договора // Вестник гражданского права. 2007. № 4.
33. Белов В.А. Принципы действующего договорного права Европейского Союза (Принципы Акьюз [ACQP]) – 2009: вводный комментарий, научно-практическое значение, русский перевод // Правоведение. 2016. № 2.
34. Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. М., 2002.
35. Белов В.А. Содержание так называемых регрессных вексельных обязательств // Законодательство. 2008. № 6.
36. Белов В.А. Солидарность обязательств (общее учение и отдельные осложняющие моменты – альтернативность, обеспечение, перемена лиц, прекращение) // Практика применения общих положений об обязательствах / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2011.
37. Белов В.А. Факультативные обязательства // Вестник гражданского права. 2011. № 3.
38. Белов В.А. Что такое передача через присоединенную сеть и является ли она передачей в юридическом смысле этого слова (traditio)? // Законодательство. 2011. № 8.

39. Белов В.А. Эволюция понятия обязательства в российском гражданском праве // Гражданско-правовые обязательства: вопросы теории и практики: Сб. науч. трудов / Отв. ред. А.С. Шевченко. Владивосток, 2001
40. Белов В.А. Юридическая природа прав ожидания (гарантийных правоотношений) // Законодательство. 2008. № 7.
41. Беляцкий С.А. Возмещение морального (неимущественного) вреда.
42. Бернгефт Ф. Гражданское уложение Германской империи в процессе его образования. СПб., 1910
43. Блинковский К.А. Обязательство по передаче вещей // Законодательство. 2017. № 4.
44. Блинковский К.А. Передача вещей, определенных родовыми признаками, и переход права собственности // Вещные права: постановка проблемы и ее решение: Сборник статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2011.
45. Блинковский К.А. Понятие обязательства в законе и в теории гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 2.
46. Блинковский К.А. Система обязательств // Практика применения общих положений об обязательствах / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2011.
47. Блинковский К.А. Соотношение категорий передачи вещей и передачи товаров // Законодательство. 2013. № 11.
48. Брагинский М.И. Договоры об играх и пари. М., 2006.
49. Брагинский М.И. Договоры, направленные на создание коллективных образований. М., 2004.
50. Брагинский М.И. Общее учение о хозяйственных договорах. Минск, 1967.
51. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М., 1999. СПС «КонсультантПлюс».
52. Братусь С.Н. О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав // Советское государство и право. 1949. № 8.
53. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976.
54. Быков А.Г. План и хозяйственный договор. Изд-во МГУ, 1975.
55. Вагацума С., Ариидзуми Т. Гражданское право Японии: В 2 кн. Кн. 1. М., 1983.

56. Васильев Г.С. Заменяемость и индивидуальная определенность // Арбитражные споры. 2005. № 4.
57. Васильев Е.В. Учебник гражданского права. Вып. 1. СПб., 1894.
58. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.-Л., 1948.
59. Виндшейд Б. Учебник пандектного права. Т. I. СПб., 1874.
60. Виндшейд Б. Об обязательствах по римскому праву. СПб., 1875.
61. Витрянский В.В. Некоторые основные положения Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации об обязательствах // Журнал российского права. 2010. № 1.
62. Власова А.В. Структура субъективного гражданского права. Ярославль, 1998.
63. Гавзе Ф.И. Социалистический гражданско-правовой договор. М., 1972.
64. Газман В.Д. Лизинг и факторинг. М., 2008.
65. Гамбаров Ю.С. Вещное право // Словарь юридических и государственных наук / Под ред. А.В. Волкова, Ю.Д. Филипова. Т. 1. СПб., 1901.
66. Гамбаров Ю.С. Вещь // Энциклопедический словарь «Гранат». Т. 10. М., 1912.
67. Гарсиа Гарридо М.Х. Римское право: казусы, иски, институты. М., 2005.
68. Генкин Д.М. К вопросу о влиянии на обязательство невозможности исполнения // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича. М., 2005.
69. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Сочинения в 2 томах. Т. 2. М., 1991.
70. Гойхбарг А.Г. Хозяйственное право РСФСР. Т. I. М., 1923.
71. Голевинский В.И. О происхождении и делении обязательств. М., 1872.
72. Гражданское право / Под общ. ред. С.С. Алексеева. М., 2009.
73. Гражданское право / Под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. Т. 1. М., 1944.
74. Гражданское право / Под ред. Я.Ф. Миколенко, П.Е. Орловского. Ч. 1. М., 1938.

75. Гражданское право. В 4 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. Т. 1. М., 2006.
76. Гражданское право. В 4 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. Т. 3. М., 2007.
77. Гражданское право. В 4 т. Т. 2 / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2008.
78. Гражданское право. Общая часть. Курс лекций / Под ред. А.Г. Диденко. Алматы, 2006.
79. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгалло. М., 2017.
80. Гражданское право. Учебник / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. Т. I. М., 2005.
81. Гражданское право. Учебник / Под ред. О.Н. Садикова. Т. I. М., 2006.
82. Гражданское право. Учебник. Ч. 1 / Отв. ред. В.П. Мозолин, А.И. Масляев. М., 2003.
83. Гражданское право. Учебник. Часть I / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1998.
84. Гражданское право. Ч. 1 / Отв. ред. В.П. Мозолин, А.И. Масляев. М., 2007.
85. Гражданское право: Учебник / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. СПб., 1996.
86. Гражданское право: Учебник / Под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. Ч. 1. М., 1996.
87. Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения с объяснениями. Кн. 5. Т. I. СПб., 1899.
88. Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения с объяснениями. Кн. 5. Т. III. СПб., 1899.
89. Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения с объяснениями. Кн. 1. СПб., 1899.
90. Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения с объяснениями. Кн. 5. Т. II. СПб., 1899.

91. Гражданское Уложение: Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. С объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии / Под ред. И.М. Тютрюмова. Сост. А.Л. Саатчиан. Т. 2. СПб., 2010.
92. Грибанов А.В. Предприятие как имущественный комплекс (объект права) по праву России и Германии. М., 2010.
93. Грибанов В.П. Право на защиту как одно из правомочий субъективного гражданского права // Вестник МГУ. Серия «Право». 1968. № 3.
94. Grimm Д.Д. К учению об объектах прав // Вестник гражданского права. 2007. № 1.
95. Grimm Д.Д. Лекции по догме римского права. Пг., 1916.
96. Grimm Д.Д. Энциклопедия права с приложением краткого очерка истории философии права. СПб., 1895.
97. Гумаров И. Понятие вещи в современном гражданском праве России // Хозяйство и право. 2000. № 3.
98. Гурвич М.А. Основные черты гражданского процессуального правоотношения // Советское государство и право. 1972. № 2.
99. Гурвич М.А. Право на иск. М., 1978.
100. Гусаков А.Г. Деликты и договоры как источники обязательств в системе гражданского права Древнего Рима. М., 1896.
101. Дернбург Г. Пандекты. Т. I. М., 1906.
102. Дернбург Г. Пандекты. Т. II. М., 1911.
103. Дженкс Э. Английское право. М., 1947.
104. Дождев Д.В. Римское частное право. М., 1996.
105. Дозорцев В.А. Принципиальные черты права собственности в Гражданском кодексе // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сборник памяти С.А. Хохлова / Отв. ред. А.Л. Маковский. М., 1998.
106. Егиазаров В.А. Транспортное право. Учебное пособие. М., 1999.
107. Егоров А.В. Многозначность понятия обязательства: практический аспект // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 4.

108. Егоров А.В. Структура обязательственного отношения: наработки германской доктрины и их применимость в России / Вестник гражданского права. 2011. № 3.
109. Елисеев В.С. Теория экономических обязательств: правовое обеспечения и защита имущественного интереса. М., 2009.
110. Емелькина И.А. Система ограниченных вещных прав на земельный участок. М., 2011.
111. Зеккель Э. Секундарные права в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2007. № 2.
112. Зом Р. Институции. История и система римского права. Ч. 2. Система. Вып. 1. Общая часть и вещное право. Сергиев Посад, 1916.
113. Иеринг Р. Борьба за право. М., 1874.
114. Интервью с Р.С. Бевзенко «Постановление о свободе договора – это вызов тому существованию, к которому мы привыкли» // Закон. 2015. № 5.
115. Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975.
116. Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. М., 2009.
117. Иоффе О.С. Советское гражданское право. Курс лекций. Т. I. Л., 1958.
118. Иоффе О.С. Советское гражданское право. М., 1967.
119. Иоффе О.С. Спорные вопросы учения о правоотношении // Избранные труды по гражданскому праву. М., 2000.
120. Иоффе О.С. Цивилистическая доктрина империализма // Избранные труды по гражданскому праву. М., 2009.
121. Иоффе О.С., Мусин В.А. Основы римского гражданского права. Л., 1975.
122. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961.
123. Иоффе О.С. Советское гражданское право // Избранные труды. Т. 2. СПб., 2004.
124. Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. М., 1984.
125. История политических и правовых учений / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 1996.

126. Карапетов А.Г. Иск о присуждении к исполнению обязательства в натуре. М., 2003.
127. Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М., 2016.
128. Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы. Т. 1. М., 2012.
129. Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода заключения непоименованных договоров и ее пределы // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 4.
130. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958.
131. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть вторая) // Под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. М., 1996. СПС «КонсультантПлюс».
132. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / Отв. ред. О.Н. Садилов. М., 1995.
133. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. Т.Е. Абовой и А.Ю. Кабалкина. М., 2005.
134. Корецкий М.Ф. Договорное регулирование: Цивилистическая концепция. Екатеринбург, 2005.
135. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1908.
136. Корнеев С.М. Договор о снабжении электроэнергией между социалистическими организациями. М., 1956.
137. Красавчиков О.А. Вопросы системы Особенной части ГК РСФСР. Свердловск, 1957.
138. Красавчиков О.А. Гражданская правосубъектность как правовая форма // Правовые проблемы гражданской правосубъектности: межвузовский сб. научных трудов. Свердловск, 1978.
139. Красавчиков О.А. Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения // Гражданские правоотношения и их структурные особенности: сб. ученых трудов СЮИ. Вып. 39. Свердловск, 1975.
140. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958.

141. Крашенинников Е.А. Интерес и субъективное гражданское право // Правоведение. 2000. № 3.
142. Крашенинников Е.А. К вопросу о собственности на требование // Очерки по торговому праву. Вып. 8. Ярославль, 2001.
143. Крашенинников Е.А. К теории права на иск. Ярославль, 1995.
144. Крашенинников Е.А. Основные вопросы уступки требования // Очерки по торговому праву. Сборник научных трудов / Под ред. Е.А. Крашенинникова. Ярославль, 1999.
145. Крашенинников Е.А. Структура субъективного права и право на защиту // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль, 1979. Вып. 4.
146. Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Заключение договора // Вестник Высшего Арбитражного Суда. 2013. № 5.
147. Кукольник В.Г. Начальные основания российского частного гражданского права. СПб., 1813.
148. Кулаков В.В. Обязательство и осложнения его структуры в гражданском праве России. М., 2010.
149. Литовченко М. Деньги в гражданском праве. Киев, 1887.
150. Ломакин Д.В. Акционерное правоотношение. М., 1997.
151. Лоренц Д.В. К вопросу о виндикационном правоотношении // Вестник ЧелГУ. 2008. № 31.
152. Лоренц Д.В. Уступка виндикационного требования как способ суррогатной передачи вещи в Германии и перспективы в России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3.
153. Лунц Л.А. Денежное обязательство в гражданском и коллизионном праве капиталистических стран. М., 1927.
154. Магазинер Я.М. Общая теория права на основе советского законодательства // Избранные труды по общей теории права. СПб., 2006.
155. Магазинер Я.М. Объект права // Избранные труды по общей теории права. СПб., 2006.

156. Май С.К. Очерк общей части буржуазного обязательственного права. М., 1953.
157. Маковский А.Л. Code Civil Франции и кодификация гражданского права в России (связи в прошлом, проблемы влияния и совершенствования) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2005. № 2
158. Мейер Д.И. Русское гражданское право. М., 2003.
159. Мейер Д.И. Русское гражданское право. СПб., 1864.
160. Митюков К.А. Система римского гражданского права. Киев, 1912.
161. Михайлов С.В. Категория интереса в российском гражданском праве. М., 2002.
162. Михайловский И.В. Очерки философии права. Т. I. Томск, 1914.
163. Молотников А.Е., Шиткина И.С. Корпоративное право: к вопросу об истинности субъективных суждений и ложности научных концепций // Хозяйство и право. 2009. № 12.
164. Морандьер Л.Ж. де ла. Гражданское право Франции. Т. 1. М., 1958.
165. Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. М., 2003.
166. Муромцев С.А. О консерватизме римской юриспруденции. М., 1875.
167. Новицкий И.Б. Обязательственное право: I. Общие положения. Комментарий к ст. 106-129. М., 1925.
168. Новицкий И.Б. Обязательство заключить договор. М., 1947.
169. Новицкий И.Б. Очерки гражданского права: Обязательственное право. Общие понятия. М., 1921.
170. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М., 1950.
171. Новоселова Л.А. Ограничения перехода прав кредитора другим лицам. СПС «КонсультантПлюс».
172. Ойгензихт В.А. Проблемы риска в гражданском праве. Душанбе, 1972.
173. Павлов А.А. Некоторые вопросы учения о невозможности исполнения обязательств // Очерки по торговому праву. Вып. 11. Ярославль, 2004.
174. Пассек Е.В. Неимущественный интерес в обязательстве // Неимущественный интерес и непреодолимая сила в гражданском праве. М., 2003.
175. Пауль А.Г. Процессуальные нормы бюджетного права. СПб., 2003.

176. Перетерский И.С. Дигесты Юстиниана. М., 1956.
177. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 2. СПб., 1907.
178. Петров В.С. Правовая конструкция альтернативного обязательства // Вестник гражданского права. 2007. № 3.
179. Пиленко А.А. Право изобретателя. Т. II. СПб., 1908.
180. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч. 1. М., 2002.
181. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства. М., 2003.
182. Покровский И.А. Владение в русском проекте Гражданского уложения / Журнал Министерства юстиции. 1902. № 10.
183. Покровский И.А. История римского права. СПб., 1998.
184. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Пг., 1917.
185. Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права. СПб., 2005.
186. Протасов В.Н. Правоотношение как система. М., 1991.
187. Пугинский Б.И. Коммерческое право России. М., 2004.
188. Пугинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования. М., 2008.
189. Пугинского Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984.
190. Пухта Г.Ф. Курс римского гражданского права. Т. I. М., 1874.
191. Римское частное право: Учебник / Под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М., 2006.
192. Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России. М., 2001.
193. Российское гражданское право. В 2 т. Т. 2 / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2010.
194. Рыбалов А.О. Обязательства «простые» и «сложные» (некоторые аспекты спора о понятии обязательства) // Юрист. 2005. № 5.
195. Рязановский В.А. Лекции по гражданскому праву. Общая часть. Вып. 2. Харбин, 1925.
196. Савельев В.А. Германское гражданское уложение. М., 1983.
197. Савиньи Ф.К. Обязательственное право. М., 1876.

198. Савиньи Ф.К. Система современного римского права. Т. 1. Москва-Одесса, 2011.
199. Санникова Л.В. Обязательства об оказании услуг в российском гражданском праве. М., 2007.
200. Санникова Л.В. Обязательства об оказании услуг. М., 2007.
201. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. М., 2002.
202. Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. М. 2005.
203. Свирков С.А. Договорные обязательства в электроэнергетике. М., 2006.
204. Серебровский В.И. Страхование. М., 1927.
205. Симолин А.А. Влияние момента безвозмездности в гражданском праве // Возмездность, безвозмездность, смешанные договоры и иные теоретические проблемы гражданского права. М., 2005.
206. Синайский В.И. Русское гражданское право. Киев, 1912.
207. Скловский К.И. Сделка и ее действие // Вестник гражданского права. 2012. № 3.
208. Скловский К.И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ (Понятие, виды и форма сделок. Недействительность сделок). М., 2014.
209. Советское гражданское право / Под ред. И.Б. Новицкого, П.Е. Орловского. Т. 1. М., 1958.
210. Советское гражданское право / Под ред. О.А. Красавчикова. Т. I. М., 1985.
211. Советское гражданское право. Краткий учебник / Под общ. ред. Я.Ф. Миколенко. М., 1940.
212. Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. М., 2000.
213. Суханов Е.А. Лекции о праве собственности. М., 1991.
214. Суханов Е.А. О понятии и видах вещных прав в российском гражданском праве / Гражданское право России – частное право // Отв. ред. В.С. Ем. М., 2008.
215. Таль Л.С. Договор доверенности или поручения в проекте Гражданского уложения // Право. Еженедельная юридическая газета. №№ 1–52. СПб, 1911.
216. Танчук И.А., Ефимочкин В.П., Абова Т.Е. Хозяйственные обязательства. М., 1970.
217. Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917.

218. Тархов В.А. Гражданское право. Общая часть: Курс лекций. Чебоксары, 1997.
219. Тархов В.А. Гражданское правоотношение. Уфа, 1993.
220. Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1980.
221. Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л., 1959.
222. Третьяков С.В. Формирование концепции вторичных прав в германской цивилистической доктрине. (К публикации русского перевода работы Э. Зеккеля «Вторичные права в гражданском праве») // Вестник гражданского права. 2007. № 2.
223. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб., 1998.
224. Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М., 2007. СПС «КонсультантПлюс».
225. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974.
226. Халфина Р.О. Право как средство социального управления. М., 1988.
227. Хаскельберг Б.Л., Ровный В.В. Индивидуальное и родовое в гражданском праве. М., 2004.
228. Хвостов В.М. Система римского права. М., 1996.
229. Хохлов В.А. Ответственность за нарушение договора по гражданскому праву. Тольятти, 1997.
230. Цитович П.П. Деньги в области гражданского права. Харьков, 1873
231. Чиларж К. Учебник институций римского права. М., 1906.
232. Шапп Я. Система германского гражданского права. М., 2006.
233. Шеломенцева Е.А. Понятие акцессорности обеспечительных обязательств в сравнительно-правовом аспекте // Вестник гражданского права. 2015. № 3.
234. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Т. 2. Вып. 2, 3, 4. М., 1995.
235. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Казань, 1894.
236. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1911.
237. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1. М., 2005.
238. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 2. М., 2005.

239. Щеглов В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение. М., 1966.
240. Щербаков Н.Б. Основные подходы к определению юридической природы алеаторных сделок // Вестник гражданского права. 2006. № 1.
241. Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. Т. 1. Полутом 2. М., 1950.
242. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXIa / Под ред. К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского. СПб., 1901.
243. Яблочков Т.М. Невозможность исполнения и сила договорного обязательства // Право и жизнь. 1926. № 4-5; № 6-7.
244. Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976.
245. Яковлев А.С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений. Теория и практика. М., 2005.
246. Ayres I. *Optional Law: the Structure of Legal Entitlements*. Chicago, London, 2005.
247. Holmes O.W. *The Path of the Law* // *Harvard Law Review*. 1897. Vol. 10.
248. Hunter W.A. *A Systematic and Historical Exposition on Roman Law in the Order of a Code*. London, 1903.
249. Morgan J. *Contract Law Minimalism. A Formalist Restatement of Commercial Contract Law*. New York, 2013.
250. Planiol M. *Classification synthetique des contrats* // *Revue critique de la jurisprudence en matiere civile, administrative, commerciale et criminelle*. Paris, 1904.
251. Pothier R. J. *Treatise on the Contract of Sale*. Boston, 1939.
252. *Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law Draft Common Frame of Reference* / Ed. by C. von Bar, E. Clive, H. Schulte-Nölke, H. Beale, J. Herre, J. Huet, P. Schlechtriem, M. Storme, S. Swann, P. Varul, A. Veneziano and F. Zoll.
253. Rochfeld J. *Cause et type de contrat*. Paris, 1999.
254. Savaux E. *La theorie generale du contrat, mythe ou realite?* Paris, 1997.
255. Schmidt K. *Handelsrecht*. 5 Aufl. Köln, Berlin, Bonn, München, 1999.
256. Schwartz A. *The Default Rule Paradigm and the Limits of Contract Law* // *Southern California Interdisciplinary Law Journal*. Vol. 3:389. 1993.

257. Sohm R. The Institutes of Roman law. Oxford, 1892.
258. Storme M.E. Property Law in a Comparative Perspective. Leuven, 2004.
259. The Foundations of European Private Law / Ed. by R. Brownsword, H-W. Micklitz, S. Weatherill. Oxford and Portland, Oregon, 2011.
260. The Max Planck Encyclopedia of European Private Law / Ed. by J. Basedow, K.J. Hopt, R. Zimmermann with A. Stier. Oxford, 2012.
261. The Roman Paratext. Frame, Texts, Readers / Edited by L. Jansen. New York, 2014.
262. Wieling H. Sachenrecht. 3 Aufl. Berlin, Heidelberg, New York, Tokyo, 1997.
263. Zimmermann R. The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition. New York, 1996.

Авторефераты и диссертации

1. Аникин А.С. Содержание и осуществление исключительных прав. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
2. Ем В.С. Категория обязанности в советском гражданском праве (вопросы теории): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981.
3. Золоева Я.О. Концессионные и иные договоры с иностранными инвесторами в области добычи полезных ископаемых. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
4. Корепанов К.В. Правовое регулирование транспортировки нефти и газа по магистральным трубопроводам. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
5. Ли И.С. Применение алеаторных механизмов в гражданском праве. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
6. Очхаев Т.Г. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
7. Певзнер А.Г. Понятие и виды субъективных гражданских прав: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1961.
8. Петрухин М.В. Проблемы правового регулирования договора участия в долевом строительстве объектов недвижимости. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

9. Полдников Д.Ю. Формирование учения о договоре в правовой науке Западной Европы (XII-XVI вв.). Дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2016.
10. Почуйкин В.В. Основные проблемы уступки права требования в современном гражданском праве России. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
11. Рудоквас А.Д. Приобретательная давность и давностное владение. Дис. ... д-ра. юрид. наук. СПб, 2011.
12. Рясенцев В.А. Представительство в советском гражданском праве. Дис. ... д-ра юрид. наук. Т. 1. М., 1948.
13. Сеницын С.А. Защита владения и вещных прав в гражданском праве России и Германии. Дис. ... канд. юрид. наук. М. 2010.
14. Тузов Д.О. Реституция в гражданском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999.